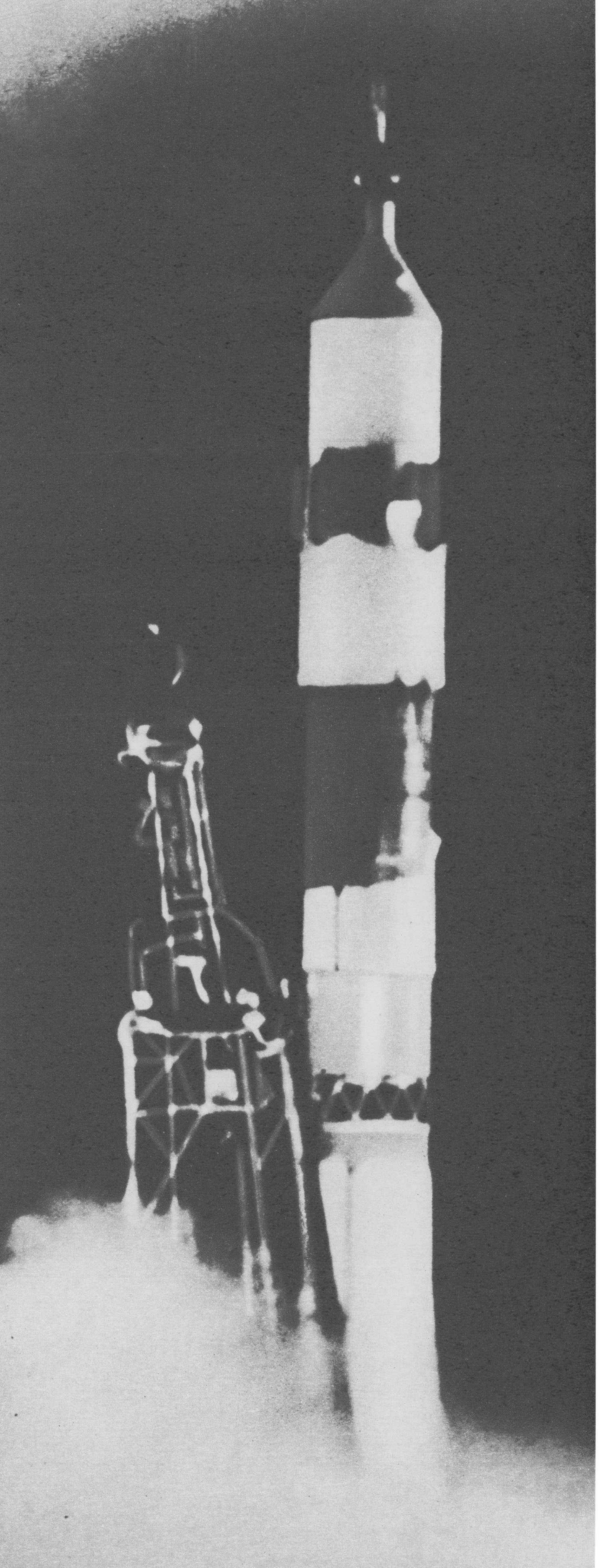

ОГОНЁК
№ 23 ИЮНЬ 1970
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА». МОСКВА

БЛОК КОММУНИСТОВ И БЕСПАРТИЙНЫХ — ЯРКОЕ ВЫРАЖЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЕДИНСТВА ПАРТИИ И НАРОДА, ВСЕГО НАШЕГО ОБЩЕСТВА.

НА ОРБИТЕ — «СОЮЗ-9»

КОСМИЧЕСКИЙ КОРАБЛЬ ПИЛОТИРУЮТ КОМАНДИР АНДРИЯН НИКОЛАЕВ И БОРТИНЖЕНЕР ВИТАЛИЙ СЕВАСТЬЯНОВ

СООБЩЕНИЕ ТАСС

1 июня в 22 часа московского времени в Советском Союзе стартовала ракета-носитель с космическим кораблем «Союз-9».

Космический корабль, выведенный на орбиту вокруг Земли в 22 часа 09 минут, пилотирует экипаж в составе: командира корабля Героя Советского Союза, летчика-космонавта СССР полковника Николаева Андрияна Григорьевича, бортинженера кандидата технических наук Севастьянова Виталия Ивановича.

Экипажу корабля «Союз-9» предстоит выполнить в условиях одиночного орбитального полета большую программу научно-технических исследований и экспериментов, основными из которых являются:

— медико-биологические исследования по изучению влияния факторов космического полета на организм человека в условиях пребывания на околоземной орбите;

— научное наблюдение и фотографирование геолого-географических объектов, материковой и водной поверхности в различных районах земного шара с целью отработки методики использования получаемых данных в народном хозяйстве;

— наблюдение, исследование и фотографирование атмосферных образований, снежного и ледового покровов Земли с целью использования данных наблюдений в оперативном и долгосрочном метеорологическом прогнозировании;

— научные исследования физических характеристик, явлений и процессов в околоземном космическом пространстве;

— дальнейшая отработка ручной и автоматической систем управления, ориентации и стабилизации корабля и проверка автономных средств навигации в различных режимах полета.

С экипажем поддерживается устойчивая радио- и телевизионная связь.

По докладу командира корабля товарища Николаева, участок выведения на орбиту пройден нормально. Самочувствие космонавтов хорошее. В отсеках корабля поддерживаются нормальные жизненные условия, близкие к земным.

Космонавты товарищи Николаев и Севастьянов приступили к выполнению намеченной программы полета.

ПРИВЕТСТВУЕМ ОТВАЖНЫХ СЫНОВ СТРАНЫ СОВЕТОВ, СЛАВНЫХ ПОКОРИТЕЛЕЙ КОСМОСА

Андриян Григорьевич Николаев.

Виталий Иванович Севастьянов.

Фото А. Моклецова (АПН) и В. Мусаэльяна (ТАСС).

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 23 (2240)

Основан 1 апреля 1923 года

6 ИЮНЯ 1970

НА БОРТУ — ПОРЯДОК! ПОЛЕТ ПРОДОЛЖАЕТСЯ!

С. БОРЗЕНКО,
Н. ДЕНИСОВ

Каждый из минувших пятнадцати стартов советских космических кораблей по-своему запомнился всем, кому довелось провожать отважных на высокие орбиты, а затем встречать их в районах приземления. Сегодня, когда земной шар виток за витком опоясывает «Союз-9», на память невольно приходят летние дни 1962 года. Тогда нынешний командир нового космического корабля — Космонавт Три — Андриян Григорьевич Николаев впервые стартовал в космос. Через сутки в пределах зрительной видимости рядом с его «Востоком-3» появился «Восток-4» Павла Поповича, и они в течение трех дней и трех ночей блестяще выполнили первый в мире космический групповой полет.

В августе 1962 года Космонавтом Три был творчески решен в космосе ряд весьма сложных вопросов. В числе их — самый первый эксперимент ныне уже ставшего привычным «свободного плавания» космонавта в кабине корабля. Ведь, как известно, ни Юрий Гагарин, ни Герман Титов в своих полетах не отделялись от пилотского кресла. Никто тогда не знал, что может произойти с космонавтом, когда в состоянии невесомости он освободится от привязных ремней, окажется в «свободном плавании», никто не знал, сможет ли космонавт сам, без чьей-либо помощи вернуться обратно в кресло. Вдруг он очутится под потолком кабины и не сможет опуститься на свое рабочее место? Вот почему специалисты космонавтики рекомендовали Андрияну Николаеву быть особенно осторожным при выполнении этого задания, дали ряд деловых советов. Следуя им, командир «Востока-3», когда пришло тому время, отделился от кресла.

— Оказалось,— писал он потом в «Правде»,— что человек, потерявший свой вес, может свободно перемещаться в воздухе. Никаких затруднений при этом не испытывалось. Достаточно было коснуться пальцем стенки кабины, чтобы поплыть в противоположную сторону, а коснувшись потолка — опуститься в кресло. Первое «свободное плавание» продолжалось около часа. Это было удивительно приятное, ни с чем не сравнимое состояние и тела и души. Ничего не весишь, ни на что не опираешься и вместе с тем все можешь делать. И мозг работает ясно, четко. Все движения координированы. И зрение и слух безукоризненны — все видишь, слышишь, что передает Земля. Никаких расстройств вестибулярного аппарата и раньше и в этом положении не наблюдалось...

Шестьдесят четыре витка вокруг нашей планеты сделал тогда «Восток-3». Девяносто четыре часа девять минут и пятьдесят девять секунд пробыл в полете Андриян Николаев. Преодоленный им космический путь спортивный комиссар Иван Борисенко исчислил весьма внушительными цифрами — 2 639 600 километров. Для того времени это являлось абсолютным мировым рекордом продолжительности и дальности космического полета.

Имя Космонавта Три снискало большую популярность во многих странах. Нам посчастливилось принимать участие в ряде его зарубежных поездок и быть свидетелями восторженного приема, который оказывали советскому космонавту трудящиеся Европы, Азии, Африки и Америки.

Не мог не растрогать, например, эпизод, происшедший в молодой столице крупнейшей страны южноамериканского континента — городе Бразилиа.

В гостиницу, где остановился тогда Андриян Николаев, однажды утром пришла скромно одетая пара — бразильский шофер Антонио Сантос и его жена Мария. На руках у женщины спал малыш, закутанный в яркий платок. Оказалось, что смуглого, черноволосого младенца зовут... Андриян Николаев Сантос. Он родился в то время, когда Космонавт Три, совершая полет, находился над Южной Америкой.

Долго пробыли Сантосы у Николаева. По местному обычаю он выпил с гостями по чашечке ароматного кофе, одарил малыша сувенирами, обменялся с Антонио и Марией адресами.

— Придет время,— пообещал он Сантосам, прощаясь перед отлетом в Сан-Пауло,— и я пришлю фотографию своего первенца. Его еще нет, но он наверняка будет, ведь люди не могут без ребят. И я думаю, наши дети будут всегда жить в мире и дружбе...

И надо сказать, что, когда шесть лет назад у молодой четы советских летчиков-космонавтов Андрияна Николаева и Валентины Терешковой — родилась темноглазая Леночка, обещание было сдержано: в западное полушарие, в далекую Бразилию, счастливые отец и мать направили маленькому Андрияну Николаеву Сантосу фотографию его названой сестренки с теплой, сердечной надписью.

После группового рейса «Востока-3» и «Востока-4» еще одиннадцать раз стартовали наши корабли. И в каждое из свершений советских исследователей космоса был заложен посильный труд и Андрияна Николаева...

Недавно в Звездном городке отмечалось десятилетие возникновения дружной семьи космонавтов. Собравшиеся с большой душевной теплотой вспоминали тех, кого безвременно потеряла отечественная космонавтика,— академика Сергея Павловича Королева, Юрия Гагарина, Владимира Комарова, Павла Беляева... Молодежь, сердечно говоря о ветеранах Звездного городка, первыми начавших штурм космоса, уважительно называла имя Андрияна Григорьевича Николаева — человека железной выдержки, четкой собранности, ясной целеустремленности. А тот, кому довелось вместе с ним изучать современную космическую технику, тренироваться на сложной аппаратуре,—Виталий Севастьянов мечтательно сказал:

— Хорошо бы с таким командиром пойти в космос!..

Что ж, желание это сбылось: бортинженером на «Союзе-9» рядом с Андрияном Николаевым летит именно Виталий Иванович Севастьянов. Уроженец Урала, он на шесть лет моложе командира корабля.

В суровое лихолетье Великой Отечественной войны Виталий Севастьянов еще только начал постигать грамоту в первом классе Красноуральской средней школы № 1. Там же, в канун Дня Победы, вожатый на торжественной школьной линейке повязал ему пионерский галстук.

Красноуральск — один из молодых центров нашей цветной металлургии, возникший в двадцатые годы в связи с освоением меднорудного месторождения. Здесь среди детей рабочих, самоотверженно ковавших оружие победы для сражающейся с врагом Советской Армии, и протекали первые годы учения Виталия — единственного сына трудовой семьи Севастьяновых — уроженца Урала Ивана Григорьевича и сибирячки Татьяны Георгиевны.

Учился мальчик отлично. Когда после войны семья поселилась в Майкопе, славном своими нефтепромыслами, Виталий гордо принес домой первую в жизни награду — похвальную грамоту школы № 5. Ее заключили в резную рамочку и повесили над самодельной полкой с учебниками и любимыми книгами.

Каждый год в этой рамочке появлялись новые свидетельства об успешном учении подростка. И потом, уже в Сочи, где отец работал шофером, 7-й, 8-й и 9-й классы школы № 9 имени Николая Островского были тоже окончены с похвальными грамотами. Виталий считался одним из активнейших

учеников: был председателем школьного учкома, членом комсомольского бюро, руководил физкультурным кружком. И еще одна немаловажная деталь, хорошо раскрывающая внутренний мир школьника. «Настойчиво пропагандировал научные и технические знания через бюллетень «Путь в науку»,— отмечалось в его характеристике классным руководителем Моисеенко. «Проявил себя как способный, талантливый конструктор»,— подтверждалось директором школы Диденко.

В 1953 году средняя школа была окончена с золотой медалью. Сто дорог, сто путей открылось перед восемнадцатилетним выпускником.

Виталий Севастьянов поступил в Московский авиационный институт имени Серго Орджоникидзе на самолетостроительный факультет.

Там, на студенческих скамьях МАИ, судьба впервые свела Виталия Севастьянова с теми, вместе с кем спустя несколько лет он пришел в космонавтику,— Валерием Кубасовым и Владиславом Волковым.

В тот год, когда был запущен первый в мире искусственный спутник Земли, одна из научных работ Виталия Севастьянова получила приз на институтском конкурсе молодых дарований. Диплому инженер-механика по самолетостроению № 365503, полученному Виталием Севастьяновым в 1959 году, сопутствовала весьма лестная характеристика, в которой говорилось: «Имеет склонность к научно-исследовательской работе».

А в первой же производственной характеристике предприятия, где трудился Виталий Севастьянов, указывалось, что он «проявил себя как инициативный, грамотный инженер, способный самостоятельно решать сложные технические задачи».

Самостоятельность в решении сложных проблем отличала Виталия Севастьянова и когда он стал аспирантом МАИ. Это были трудные годы — сдачи экзаменов по кандидатскому минимуму, работа над диссертацией. Но это была и пора, насыщенная важными и радостными изменениями в жизни Виталия Севастьянова. Он женился. В тот год, когда Андриян Николаев впервые поднялся в космос, у молодых Севастьяновых — Виталия Ивановича и Алевтины Ивановны — родилась дочь Наташа. В то время, когда шла подготовка к защите кандидатской диссертации, Севастьянов стал коммунистом.

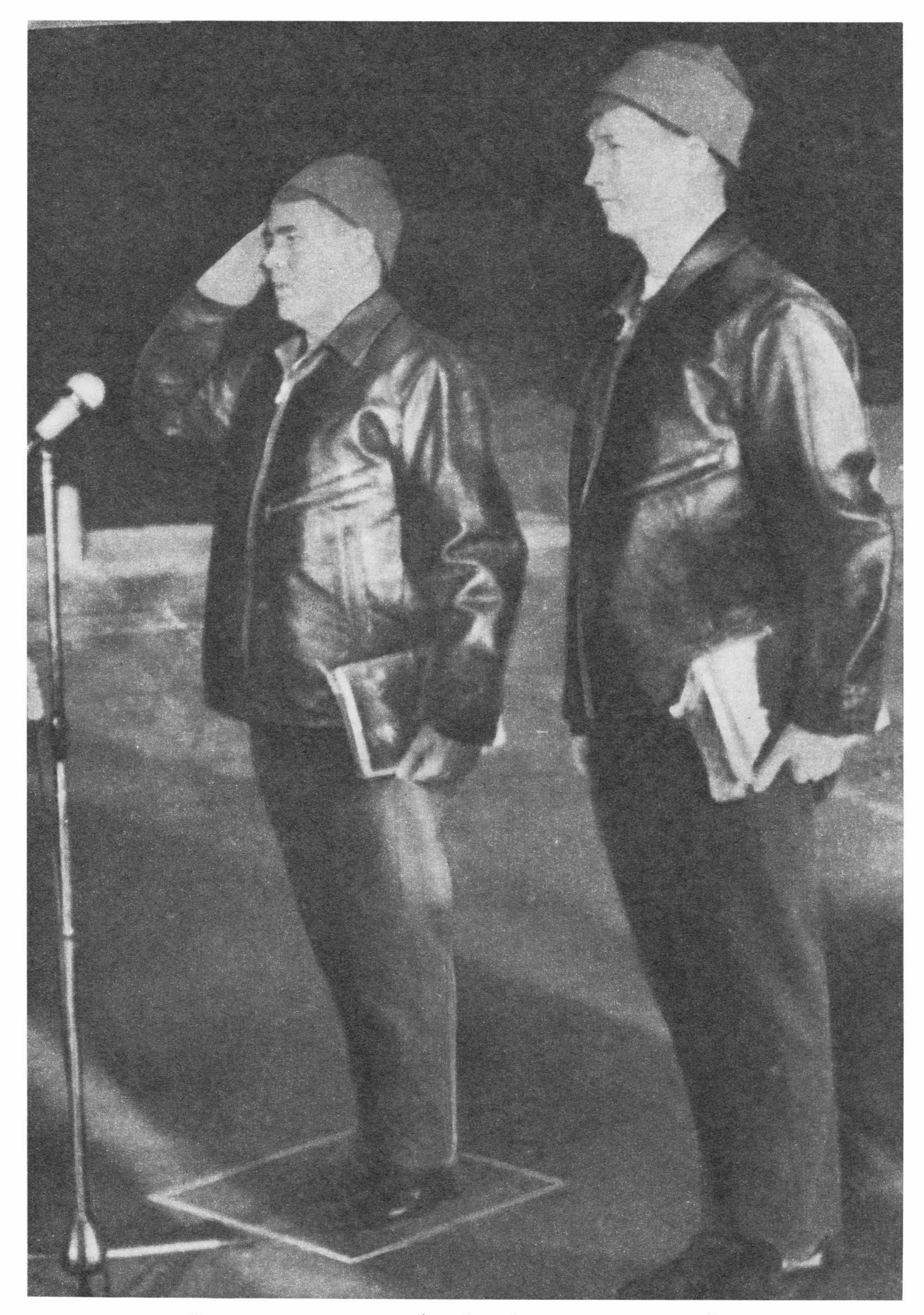
В Звездный городок молодой ученый пришел примерно в ту же пору, что и Алексей Елисеев и товарищи по институту — Владислав Волков и Валерий Кубасов. Дружная семья космонавтов встретила новичков радушно. Помнится, как однажды Юрий Гагарин после успешного полета «Восхода», на борту которого, кроме Владимира Комарова, выполняли сложные задания ученый Константин Феоктистов и врач Борис Егоров, знакомя нас с молодыми специалистами, радостно сказал:

— Нашего полку прибыло...

К сожалению, Юрию Гагарину не пришлось провожать на высокие орбиты бортинженеров космических кораблей Алексея Елисеева, Валерия Кубасова, Владислава Волкова и теперешнего бортинженера «Союза-9» Виталия Севастьянова. «По-гагарински» уже дважды поднимался в космос Алексей Елисеев, «по-гагарински», с полной отдачей сил летали на «Союзе-6» и «Союзе-7» Валерий Кубасов и Владислав Волков. Теперь черед пришел продолжить и приумножить гагаринскую трассу и Космонавту Двадцать Два — Виталию Севастьянову.

...Весь наш народ, все наши зарубежные друзья живут сейчас шестнадцатым стартом советских исследователей космоса. Каждый день мы внимательно вслушиваемся в сообщения с орбиты, различаем спокойный, чуточку глуховатый голос командира «Союза-9» Андрияна Николаева, звонкие нотки в докладах бортинженера Виталия Севастьянова. Миллионы людей видят на экранах телевизоров, как трудится экипаж космического корабля, решая задачи, определенные программой полета. Все, что делают сейчас космонавты, виток за витком опоясывая нашу планету, близко и дорого каждому, ибо их полет — новое достижение отечественной космонавтики в ее последовательном, целеустремленном познании тайн Вселенной. Всей душой мы желаем успеха отважным, которые неизменно сообщают:

— На борту — порядок... Полет продолжается...

Экипаж космического корабля «Союз-9» к старту готов. Докладывает командир космического корабля А. Г. Николаев (слева), справа — В. И. Севастьянов.

ДОГОВОР РАТИФИЦИРОВАН

1 июня Президиум Верховного Совета СССР ратифицировал Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и ЧССР.

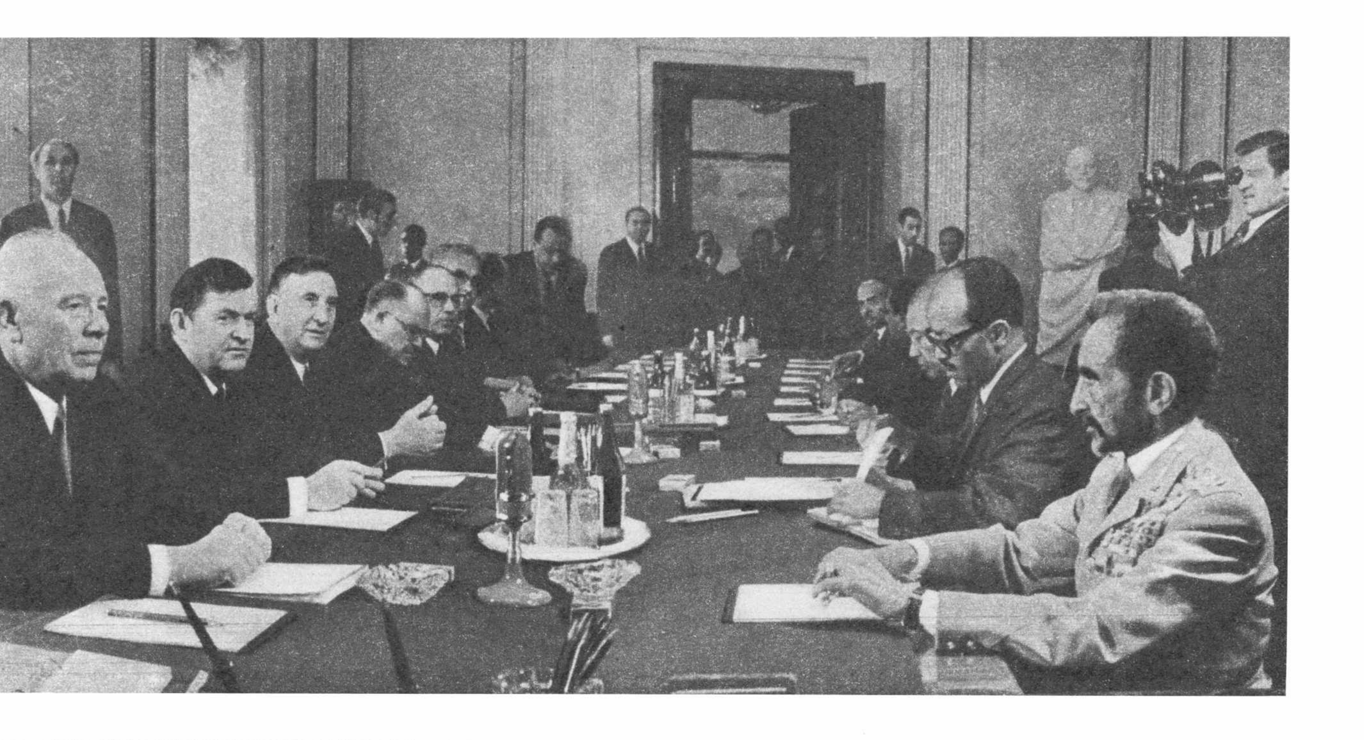
Заседание Президиума Верховного Совета СССР открыл Н. В. Подгорный. На заседании присутствовали Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин, председатель Комиссии по иностранным делам Совета Национальностей Верховного Совета СССР, секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев, Председатель Совета Национальностей Верховного Совета СССР Ю. И. Палецкис и другие.

По поручению Советского правительства с сообщением выступил министр иностранных дел СССР А. А. Громыко.

Представленный на ратификацию Президиума Верховного Совета СССР Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и ЧССР, подписанный 6 мая 1970 года в Праге, является документом большой политической важности, отметил Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный. Этот договор, отвечающий коренным интересам обеих стран и народов, знаменует собой новый этап в истории развития их дружбы и сотрудничества.

На снимке: Москва, Кремль, 1 июня 1970 года. Заседание Президиума Верховного Совета СССР.

Фото А. Устинова.

СОТРУДНИЧЕСТВО РАСШИРЯЕТСЯ

С 28 по 30 мая 1970 года в нашей стране находился с официальным визитом в качестве гостя Президиума Верховного Совета СССР и Советского правительства император Эфиопии Хайле Селассие I. Во время пребывания императора Эфиопии в СССР состоялись переговоры, в ходе которых были обсуждены вопросы советско-эфиопских отношений, а также некоторые международные проблемы. Переговоры проходили в атмосфере дружбы и взаимопонимания.

На снимке: на переговорах в Кремле.

Фото А. Гостева.

ЧТО ВОЛНУЕТ КАНДИДАТА

Мария Сергеевна Иванникова, ткачиха Московской хлопчатобумажной фабрики имени М. В. Фрунзе, выдвинута кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР. Мне посоветовали: позвоните Иванниковой после полудня. Она в ночную смену работает. Стало быть, утром отдыхает. Но во второй половине дня Марии Сергеевны дома не оказалось, не смог разыскать ее и на следующий день. И только на третий нам удалось встретиться. Очень занята она в эти предвыборные дни. Встреча с избирателями, заседание партийного комитета, а поздно вечером — на фабрику, к станкам.

Мария Сергеевна на фабрике с 1938 года, и все это время продукция Иванниковой идет лучшими сортами. Ее имя в книге трудовой славы Министерства легкой промышленности СССР, она носит звание лучшей ткачихи Российской Федерации, награждена орденом Ленина. Но все же не один год шла она к начинанию, которое сейчас известно многим. Почин Иванниковой иногда расшифровывают просто: сберечь столько-то метров ткани, сэкономить столько-то хлопка. Но стоит еще прибавить: Иванникова хозяйственна во всем, минуты впустую не потратит.

Поинтересовался: как широко идет почин Иванниковой, где работают ее последователи? Наверное, не найдешь города на карте страны, где не знали бы начатого Марией Сергеевной дела, где нет людей, которые не задумались бы над тем, что они могут внести во всесоюзную иванниковскую копилку. «Каждый грамм хлопка — в пряжу, каждый метр суровья — в ткань». Куда как простая формула, но именно этой простотой своей, очевидностью и доступностью — ведь каждый так может! — и важно начинание.

Район, жители которого придут голосовать за Иванникову, велик. Новостройки — как грибы после дождя. Только что сдали несколько корпусов в Чертанове, совсем молодом районе. Беда с этим Чертановом. Магазинов нет — стоят временные фургоны. Телефон не подведен. На Сумской улице — огромные дома, тысячи жителей и ни одного телефона. Думает об этом Иванникова и намечает: если изберут, пойду к министру связи; побываю в торговом министерстве...

Едет Мария Сергеевна на работу — от дома до фабрики трамваем 15—17 минут; сегодня она в вечернюю смену. И думает и о фабрике, и о Чертанове, и о том, как ей теперь работать.

К. КОСТИН

Участники IV Международного конкурса имени П. И. Чайковского (слева направо): Ваграм Сараджян (СССР), Бриджита Анжере (Франция), Борис Петрушанский (СССР), Гунда Шарлах (ГДР), Пауль Лоркенс (Голландия) и Камила де Совза (Цейлон).

Фото С. Гурария.

ЦАРИТ МУЗЫКА

На московских рекламных щитах в эти дни самое заметное место заняли афиши IV Международного конкурса имени П. И. Чайковского. В Москве царит музыка.

В нынешнем конкурсе участвуют двести пятьдесят восемь молодых музыкантов из тридцати пяти стран — вчетверо больше, чем в 1958 году на I конкурсе. Популярность, авторитет конкурса растут с каждым годом; в составе жюри появляются новые и новые имена... Неизменной же остается главная цель конкурса: «...Выявить талантливых исполнителей, поощрить музыкальную молодежь мира к творчеству во имя прогресса искусства». Эти слова Дм. Шостаковича, председателя организационного комитета, можно считать девизом конкурса, носящего имя великого русского композитора.

В Большом зале Консерватории заняли свои места члены жюри конкурса пианистов — музыканты шестнадцати стран... Искусство молодых исполнителей оценивают известная польская пианистка Г. Черны-Стефаньска, советский композитор А. Хачатурян, французский пианист Ж. Феврие, народный артист СССР, лауреат Ленинской премии председатель жюри профессор Э. Гилельс...

Виолончелистов прослушивает в Колонном зале Дома союзов жюри под председательством народного артиста СССР, лауреата Ленинской премии М. Ростроповича. Сейчас в музыкальное соревнование вступают скрипачи; председатель жюри — народный артист СССР, лауреат Ленинской премии Д. Ойстрах, а 10 июня начинается прослушивание вокалистов; председатель жюри — народный артист СССР, профессор А. Свешников.

КОМСОМОЛЬСКАЯ ИМЕНИ ЛЕНИНА

Александр Фадеев. 1951 год.

В канун XVI съезда Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи бюро ЦК ВЛКСМ, отмечая выдающиеся заслуги перед Ленинским комсомолом, огромный вклад в дело коммунистического воспитания советской молодежи, постановило присудить (посмертно) премию Ленинского комсомола писателю Александру Александровичу Фадееву за роман «Молодая гвардия».

Рассмотрев представление Комиссии по премиям Ленинского комсомола в области литературы, искусства и архитектуры, бюро ЦК ВЛКСМ постановило присудить премии Ленинского комсомола за 1969—1970 годы поэтессе Майрамкан Абылкасымовой, писателю Филиппу Ивановичу Наседкину, заслуженному артисту РСФСР Евгению Тихоновичу Райкову, заслуженному артисту Украинской ССР Олегу Васильевичу Крысе, народному артисту РСФСР Юрию Васильевичу Силантьеву, Государственному Красноярскому ансамблю танца Сибири, народной артистке Таджикской ССР Малике Абдурахмановне Сабировой, народному артисту СССР Сергею Аполлинариевичу Герасимову, писателям Анатолию Георгиевичу Алексину и Константину Васильевичу Воронкову, кинорежиссеру Вадиму Петровичу Виноградову, журналисту Валентину Васильевичу Чикину, художникам Палехского объединения Художественного фонда РСФСР Борису Михайловичу Ермолаеву, Алексею Дмитриевичу Кочупалову и Борису Николаевичу Кукулиеву, скульптору Антонине Петровне Усаченко.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

СЕДЬМОЙ КРИЗИС РИЧАРДА НИКСОНА

Вадим НЕКРАСОВ

«Мои соотечественники, американцы, сегодня мы творим историю не только для самих себя, но на века». Так без ложной скромности Ричард Никсон, выступая в августе 1968 года на съезде республиканской партии в Майами, прокомментировал факт выдвижения своей кандидатуры на пост президента Соединенных Штатов. И чтобы у слушателей не оставалось сомнений насчет того, что он имеет в виду, оратор поспешил добавить: «Выбор, который мы сейчас сделали, определит не только будущее Америки, но и судьбу мира и свободы во всем мире в последней трети двадцатого века».

Не будем вступать в полемику с человеком, который в той же речи заявил: «Я — истинный голос Америки». Посмотрим, что происходит в Соединенных Штатах сегодня, спустя почти два года после той речи. Слово «кризис» на протяжении всех месяцев, истекших с тех пор, не сходило со страниц американской печати, звучало в тысячах публичных выступлений. В него вкладывался самый разнообразный смысл. Кризис внешней политики, выразившийся в неспособности американского империализма довести до победоносного конца агрессивную авантюру, затеянную им против героического народа Вьетнама. Расовый кризис, порожденный борьбой цветного населения США за социальное и экономическое равноправие. Кризис доллара, ввергнутого в пучину безудержной инфляции, при которой безостановочно растет стоимость жизни и колеблются международные позиции американской валюты. Кризис американских городов, кризис, вызванный ростом преступности... Да мало ли их, подобных кризисов, насчитывают сегодня в Соединенных Штатах!

Могут сказать, что все эти кризисные процессы зародились не в период деятельности нынешней администрации. Они достались ей в наследство и долго еще будут терзать американское общество. Все это верно. Но есть один кризис, который уже никак не спишешь на счет неудачливых предшественников. А он, этот кризис, так глубоко потряс Соединенные Штаты, так расколол страну, что многие американцы не без основания говорят: ничего подобного США не переживали со времени гражданской войны, то есть более чем за столетний период. Имя этому кризису — интервенция американской военщины в нейтральную Камбоджу, распространение грязной войны империализма США на весь Индокитайский полуостров.

Тысячи и тысячи американцев, прежде всего молодежь, выходят на улицы городов, чтобы гневно протестовать против внешней политики своего правительства. В демонстрантов летят гранаты со слезоточивым газом. Падают, обливаясь кровью, под пулями национальных гвардейцев представители Америки, не согласной на продолжение политики агрессивных авантюр. Верная указаниям власть имущих, печать не может найти весомых аргументов в поддержку проводимой политики. А конгрессмены всерьез обсуждают вопрос, какими средствами они могут ограничить власть президента, если он, по их мнению, своими решениями и действиями наносит ущерб интересам Соединенных Штатов.

Нынешний кризис в Америке называют «седьмым кризисом Ричарда Никсона». Почему седьмым? Дело в том, что два года назад он опубликовал книгу под названием «Шесть кризисов». Кризисы, о которых повествует книга, имели разнообразный характер. Они были связаны с усилением «охоты за коммунистическими ведьмами», проводившейся пресловутой комиссией по расследованию антиамериканской деятельности, с поездкой по странам Латинской Америки тогдашнего вице-президента Никсона, в ходе которой народные массы бурно выражали протест против засилья на их континенте монополий США, и другими событиями. Каждая из этих кризисных ситуаций, в которые оказывался вовлечен автор книги, была, как он считает, разрешена в значительной мере благодаря его государственным качествам. Ответственность за нынешний кризис Ричард Никсон в своих публичных выступлениях берет полностью на себя, называя решение о вступлении американских интервентов в Камбоджу своим единоличным решением. Отсюда и название — «седьмой кризис».

Нет сомнения, что историки в конце концов разберутся в тщательно маскируемом сегодня вопросе — как и кем принималось решение о вторжении. Уже сейчас, например, американские журналисты, докапывающиеся, как говорится, до корня, сообщают, что подготовка операций началась еще в марте, буквально на второй день после государственного переворота в Пномпене. Что за две недели до начала новой агрессии предложения о ее проведении были доложены президенту министром обороны Лэйрдом. Что главнокомандующий американскими войсками в Южном Вьетнаме генерал Абрамс вносил в планы операции конкретные коррективы, а комитет начальников штабов США энергично их поддерживал. Что в то время, как Никсон выступал с публичным обещанием вывести в предстоящие месяцы из Южного Вьетнама 150 тысяч американских солдат, совет национальной безопасности, действующий при Белом доме, уже обсуждал возможность вторжения в Камбоджу. Что в ближайшем окружении президента США имелся ряд людей, энергично рекомендовавших усиление агрессии.

Вероятнее всего, приговор историков будет таков: в развязывании агрессивных операций на территории всего Индокитайского полуострова виноват прежде всего и главным образом военно-промышленный комплекс, олицетворяющий сегодня в США господство наиболее агрессивных сил империализма.

30 мая 1970 года. Москва. Кремлевский Дворец съездов. На заключительном заседании XVI съезда комсомола. Фото Г. Копосова.

Фазу **АЛИЕВА**, дагестанская поэтесса, делегат XVI съезда ВЛКСМ

ОРЛИНАЯ ЮНОСТЬ

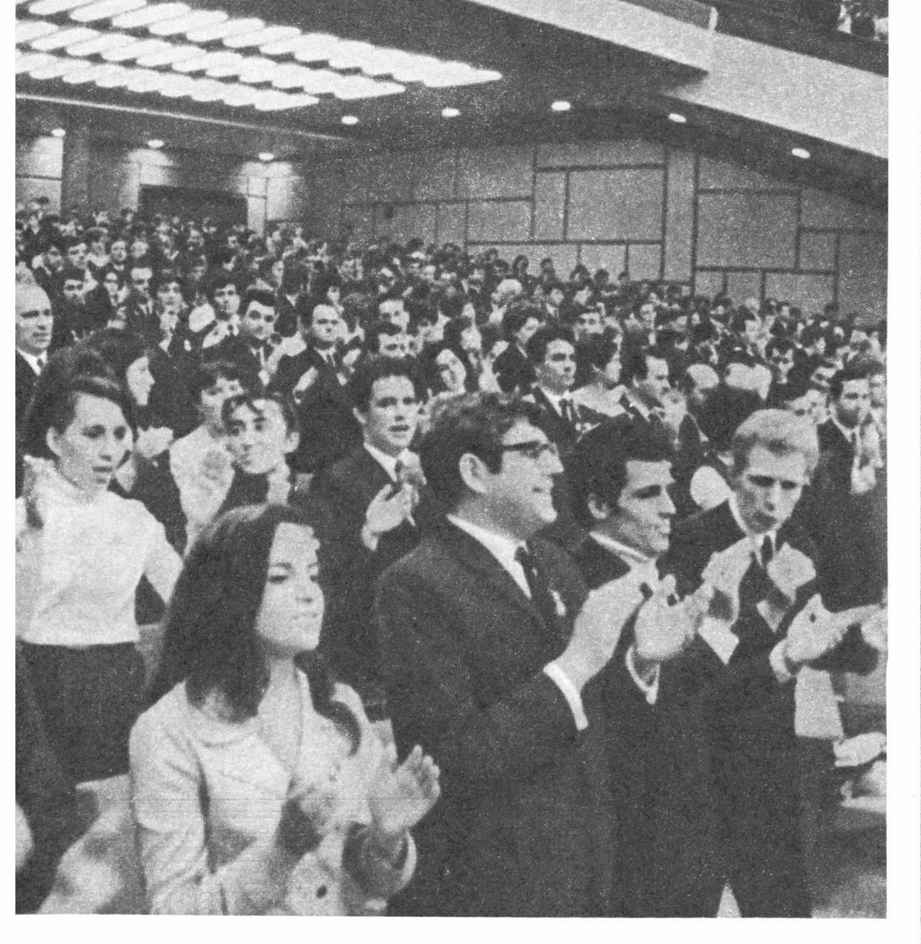

Закончил работу XVI съезд ВЛКСМ. От имени 27-миллионной армии комсомольцев съезд заверил Коммунистическую партию, ее ленинский ЦК, что комсомольцы всегда и во всем будут надежной опорой партии в борьбе за коммунизм.

30 мая состоялся пленум ЦК ВЛКСМ, обсудивший организационные вопросы.

Пленум избрал первым секретарем ЦК ВЛКСМ тов. Е. М. Тяжельникова.

Маршал Советского Союза С. М. Буденный вручает свою боевую шашку представителям комсомолии 70-х годов.

Для меня лично XVI съезд комсомола, который только что закончил свою работу, был возвращением в мою горячую юность. Возвращением в ту пору, когда видишь только небо над головой, а в небе только солнце. В ту пору, когда, как орленку, впервые покидающему гнездо, мир кажется тебе маленьким и тесным для полета. В ту пору, когда тебе под силу все высоты и рубежи.

Для меня слово «молодежь» всегда ассоциируется со словом «мужество». Когда я думаю о советской молодежи, то всегда вспоминаю одного юношу, которого видела, будучи еще маленькой девчонкой. Это было в мае сорок первого года...

Огромное поле за аулом. Столько собралось народу на скачки, что, как говорится, яблоку некуда упасть. Один скакун хорош, а другой еще лучше. Один конь выхолен, а другой еще глаже. На скакунах со звездными глазами — юноши с огненными сердцами. Тысячи глаз к ним устремлены, тысячи душ к ним обращены, и каждый зритель взыскателен, верит только своим глазам. Юный Магомед, в темно-зеленом гужгате, верхом на отменном коне, привлекал к себе взгляды зрителей. Конь его летит, словно не касаясь копытами земли, мимо ценителей опасной игры. Круг за кругом. Конь красной масти имеет уже в запасе два круга, восторженные крики: «Видали такого коня!» — проносятся по толпе, и вдруг красный конь упал. «Сглазили! Убили! Разрыв сердца!» — разнеслись тревожные возгласы. Наездник быстро вскочил на ноги, бросился к коню, будто упрекал его: «Как мог ты упасть, не достигнув цели?!» И неудачник посмотрел на зрителей, будто просил совета. А в глазах зрителей только жалость и сострадание. И тогда Магомед снял чарыки и побежал босиком к своей цели. «Вот характер! Видели горца!» — кричали теперь в толпе. Домчавшись первым до барьера, Магомед склонил шею под тяжестью девичьих платков и кисынок — высшая награда для победителя... И среди первых оседлал коня Магомед в день начала войны.

Геройски погиб он под Берлином. А его мужество передалось по наследству новому поколению. Цокот летящего красного коня слышу я в шуршании знамени над рейхстагом. «Цок! Цок!» — казалось, стучали колеса о рельсы, когда молодежь отправлялась строить новые города. «Цок! Цок!» — будто искры из-под копыт, зажигают огни новые электростанции. «Цок! Цок!» — слышится в гуле летящей в космос ракеты...

И теперь, сидя во Дворце съездов среди комсомольцев 70-го года, я вспомнила того юношу, Магомеда. Лучшие черты своих отцов вобрала в себя советская молодежь и приумножила трудовую доблесть своих отцов и старших братьев. Мы, дагестанская делегация, в составе которой были люди девяти национальностей, были рабочие, и тракторист, и студенты, и ученые, и служащие, с волнением и большим воодушевлением слушали приветствие Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза XVI съезду Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи и речь Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева, определяющую дальнейшие задачи нашей молодежи. Да, большие, почетные задачи перед молодежью стоят сейчас. В своей речи Л. И. Брежнев сказал: «Для нас священен ленинский завет, что не может быть уступок «в теории, в программе, в знамени». Для нас священно все, что связано с нашим героическим прошлым, мужественным настоящим и легендарным будущим. Никаких уступок ни в чем. Трудиться, дерзать, сделать Родину еще сильнее, мощнее, неприступнее. Силен человек, когда он не один, когда корни его крепки, когда есть у народа его революционное прошлое — фундамент, на котором мы возводим светлое здание — коммунизм.

И снова я слышу цокот копыт красного коня... Если б тот юноша остановился, когда конь его пал, не добежал до цели, я бы не видела его и ныне в горящих глазах каждого юноши. Там, в моих родных горах, пчелы-труженицы неустанно поют свою песню:

Другу мед, врагу меч!
Если незваный придет гость,
То свободу отстоим или смерть примем,
Другого мы не знаем, пчелы-труженицы!

Там, на горных вершинах, гордые орлы точат свои клювы о кремень скал, рассыпая тысячи звездных искр, и учат своих орлят мужеству, стойкости и свободолюбию. Орлята летают, у каждого орла своя тропинка на небесной выси. Она неповторима. Своя тропа у каждого, проложенная через бури, грозы, через тучи, навстречу солнцу.

В горах имена умерших или погибших смелых и храбрых людей дают потом многим и многим новорожденным. И поэтому сейчас в горах вы повсюду слышите имена юношей и девушек, которые геройски погибли, защищая Родину. И каждый юноша, каждая девушка у нас говорит:

Родина, я твоя звездочка,
Скажешь — стану звездой!
Родина, я твоя горсточка,
Скажешь — стану землей.

КУБА: ГЛАВНЫЙ ФРОНТ — ЭКОНОМИКА

Борис ВАСИЛЬЕВ

Двенадцатый год после победы революции на Кубе ознаменовался широким трудовым подъемом народных масс. В стране строятся крупные промышленные предприятия, электростанции, ирригационные сооружения. Достигнуты немалые успехи в никелевой и нефтеперерабатывающей промышленности, в производстве сельскохозяйственных культур, особенно риса. Улов рыбы за годы народной власти увеличился в восемь раз. Развивается животноводство и птицеводство, причем поголовье крупного рогатого скота в 1969 году достигло 7,5 миллиона, производство молока увеличилось в 4 раза, яиц — в 9 раз. Наращивает выпуск продукции и традиционная отрасль кубинского хозяйства — табачная промышленность. Всем этим значительным трудовым достижениям сопутствует подъем культуры, образования, здравоохранения, спорта, всех сторон общественной жизни.

В сложных внешнеполитических условиях, в обстановке экономической блокады со стороны американского империализма и постоянных провокаций и диверсий враждебных сил кубинский народ, его армия, комитеты защиты революции проявляют высокую бдительность, твердо защищают социалистические завоевания страны. Труд, учеба, оборона — весь народ живет этими лозунгами.

Сейчас вступает в решающий этап борьба за значительное увеличение производства сахара, которое представляет собой основу кубинской экономики. В этой области трудящимся Кубы приходится решать сложные проблемы. Недавно, 20 мая, Первый секретарь ЦК Компартии Кубы и премьер-министр Революционного правительства Фидель Кастро в выступлении по радио и телевидению подробно проанализировал ход уборки и переработки сахарного тростника. Он указал, что выполнение намеченной ранее программы производства — 10 миллионов тонн сахара встречает серьезные трудности как объективного, так и субъективного характера. Выход сахара из тростника оказался в силу погодных и прочих условий ниже запланированного. Обнаружились технические неполадки на некоторых реконструированных заводах, которые еще не успели полностью пройти период наладки. Сказалась также нехватка высококвалифицированных технических и административных кадров.

В конкретно сложившихся условиях Революционное правительство определило, что задачей является произвести до конца сезона около 9 миллионов тонн сахара. Товарищ Кастро призвал трудящихся приложить все усилия к тому, чтобы срубить и переработать до 15 июля весь оставшийся сахарный тростник, уменьшить до предела производственные потери, заложить основы для надежного и высокого урожая в будущем году. Он особо подчеркнул необходимость извлечь из этой сафры все надлежащие уроки — экономические, технические, организационные.

Несмотря на возникшие трудности, кубинские трудящиеся уже сейчас одержали выдающуюся экономическую победу. По данным на начало июня страна произвела 7,8 миллиона тонн сахара. Это самый высокий сбор за всю историю Кубы. (В последние два десятилетия выработка сахара колебалась в пределах 4—6 миллионов тонн, а рекордный уровень, достигнутый в 1952 году, составил 7,29 миллиона тонн.)

Увеличение производства сахара как самого важного экспортного продукта Кубы позволит стране повысить ее платежеспособность, увеличить поступления конвертируемой валюты и обеспечить удовлетворение ее потребностей в импортных продуктах, а также оборудовании, необходимых для дальнейшего подъема сельского хозяйства и промышленности.

Премьер-министр с чувством благодарности говорил о жизненно важном значении экономических отношений Кубы с Советским Союзом для развития всех отраслей ее хозяйства, и в частности сахарной промышленности. В условиях империалистической блокады Советский Союз оказал Кубе содействие в обеспечении ее всеми необходимыми товарами, промышленным оборудованием, нефтью. Он особо упомянул «крайне выгодное для нас соглашение, заключенное с Советским Союзом», которое обеспечило Кубе большой и устойчивый рынок сахара, продаваемого по высокой твердой цене.

Товарищ Фидель Кастро остановился также на наиболее актуальных политических и экономических задачах, стоящих сейчас перед страной. Он уделил особое внимание руководящей роли Коммунистической партии в социалистическом строительстве, в жизни общества. На нынешнем этапе революции, сказал он, партия «должна быть организацией, объединяющей в своих рядах все, что есть самого лучшего среди наших трудящихся». Партия «намерена усовершенствовать и упрочить административный аппарат как на общенациональном уровне, так и в провинциях», «крепить профсоюзы, федерацию кубинских женщин, комитеты защиты революции, крестьянские организации». Вопросом первостепенной важности является подготовка высококвалифицированных специалистов, которые смогут обеспечить эффективное техническое и административное руководство всеми отраслями народного хозяйства страны.

Кубинская печать сообщает, что трудящиеся страны с большим пониманием и ответственностью встретили это выступление товарища Фиделя Кастро. В потоке писем, поступающих сейчас в редакции газет, они выражают решимость приложить все силы и опыт для получения максимального количества сахара. Вместе с кубинскими друзьями на полях страны продолжают трудиться много добровольцев из других стран, пожелавших внести свою лепту в выполнение экономических планов Кубы.

Кубинский народ, кубинские революционеры упорно преодолевают возникающие трудности, сражаются на экономическом фронте с такой же самоотверженностью, с какой они некогда боролись за торжество революции.

О ТОМ,
ЧТО ВСТРЕТИЛОСЬ
В ПУТИ

ОЖИДАЙ НЕОЖИДАННОЕ

Н. ХРАБРОВА

Фото Л. ШЕРСТЕННИКОВА.

Специальные корреспонденты «Огонька»

Азия на этот раз непривычно пахнет соленым ветром, копченой рыбой, нефтью. И вот уж сквозь узкую прорезь дороги в скале, как сквозь смотровую щель, бьет в глаза Красноводск.

До поездки сюда при слове «Красноводск» возникало ощущение тревоги. Очень живучими оказались старые представления об этом крае. Скверно использовала здешние места предреволюционная история. Недалеко отсюда в ссылке сгубил здоровье Тарас Шевченко. В красноводском арестном доме провели свои последние дни и отсюда были увезены на расстрел в пески бакинские комиссары. Белогвардейцы и интервенты отправляли сюда революционеров на медленную гибель от голода и жажды.

Со страниц книг вставал старый Красноводск удушливым от пыли, тоски, безводья, ветров, соли, песков...

...Сначала по белой лестнице, а потом по каменным уступам прямо с одной из центральных улиц надо подняться вверх. Уступы буровато-розовые, нагреты солнцем. На горизонте бледно-голубое небо сливается с бледно-зеленой каспийской водой. А между розовыми горами и зеленым морем — Зурбаган. Из светло-песочного горного камня гюши. Зурбаган! — вот спасибо Грину за имя, придуманное для сказочных городов. Этот современный нам Красноводск — тоже Зурбаган. Он полон потрясающих красавиц в узких ярких макси-платьях. Из-под длинных фиолетовых, зеленых, красных, синих юбок чуть выше щиколотки виднеются узорчатые каемки шальвар. Розами и хризантемами цветут большие, покрывающие черные косы платки.

В аэропорту с одного «АН-2» на другой пересаживаются геологи и геологини — белобрысые парни с обожженными солнцем пустыни носами и тоненькие девушки в брюках, одним пальчиком поднимающие набитые разными образцами рюкзаки. Над улицами на черных стволах нежно зеленеют мелкие, кудрявые, как хмель, молодые листья карагачей — это в безводном-то Красноводске, про который в 1932 году Паустовский писал, что «...здание суда в Красноводске — единственное место, где в палисаднике цветут жесткие и пыльные цветы охряного цвета с серой шершавой листвой»!..

Видно, именно так оно и было. А сейчас под зелеными зонтами карагачей на каждой чистенькой улице стоят пестро раскрашенные скамейки, и на них в чрезвычайно длинношерстных шапках-тельпеках сидят достойные красивые аксакалы.

Ай, что говорить: в соответствии со всеми канонами журналистики одного только глубокого презрения достоин репортер, потрясенный тельпеками, аксакалами, саксаулами, шайтанами. Но в этом сочетании Европы и Азии — столько во всем очарования, не могу же я его не видеть!

Ладно, хорошо, пусть будет без экзотики. Посмотрим на индустриальный лик Красноводска. Итак: сквозь ту самую узкую прорезь в скале еще по дороге с аэродрома верительной грамотой Закаспия возникает нефтеперерабатывающий завод: горизонтали, вертикали, извивы разнокалиберных труб, железные башни в ажурных опалубках, эстакады — повседневная красота закаленного, разгоряченного работой, то блестящего, то порыжевшего от лет и трудов металла. За трубами и над трубами — цистерны. Они окружают завод, карабкаются в горы, ютятся на каменных уступах хребта Шах-Ада. Нефть? Да, конечно, во многих цистернах нефть. Но если бы только она! В серебристых, стоящих над городом цистернах хранится драгоценная, ежедневно в водоналивных танкерах проделывающая 340-километровое путешествие через Каспий питьевая бакинская вода. И еще питьевая вода, которая примчалась сюда по трубам — издалека, из подземного пресного озера Ясхан. В цистернах на Шах-Ада хранится морская опресненная вода, необходимая для работы ТЭЦ.

Индустрия нефти, индустрия пресной воды в цистернах.

Или еще: бетон и арматура могучего паромного причала. Какая уж тут экзотика! Поманеврировав на соединении земли и моря, железнодорожные составы исчезают в недрах парома «Советский Азербайджан». И вот эти недра, освещенные длинными рядами электрофонарей, заполнены, и пассажиры выходят на палубу. Словно крышка гигантского багажника, захлопывается борт, и поплыли вагоны по морю. Что с Каспием сделалось! Белыми бурунами вскипел, взбунтовался. Однако бунтуй не бунтуй, а носи на зелененьких волнах пять вот таких паромов, да еще танкеры с пресной водой, да еще разные торговые суда, не говоря уже о рыбачьих и пассажирских! Да еще ежедневное задание надо выполнять Каспию: из соленого становиться пресным. Плещется спокойненько прозрачный каспийский рассол у берега напротив Шах-Ада, и вдруг что-то со страшной силой вовлекает его в трубы: это вольнолюбивые волны попали в плен насосной станции Красноводской ТЭЦ. Дальше волнам приходится пострадать-покипеть, превратиться в пар, расстаться с солями, снова остыть и снова превратиться в воду, теперь уже в пресную.

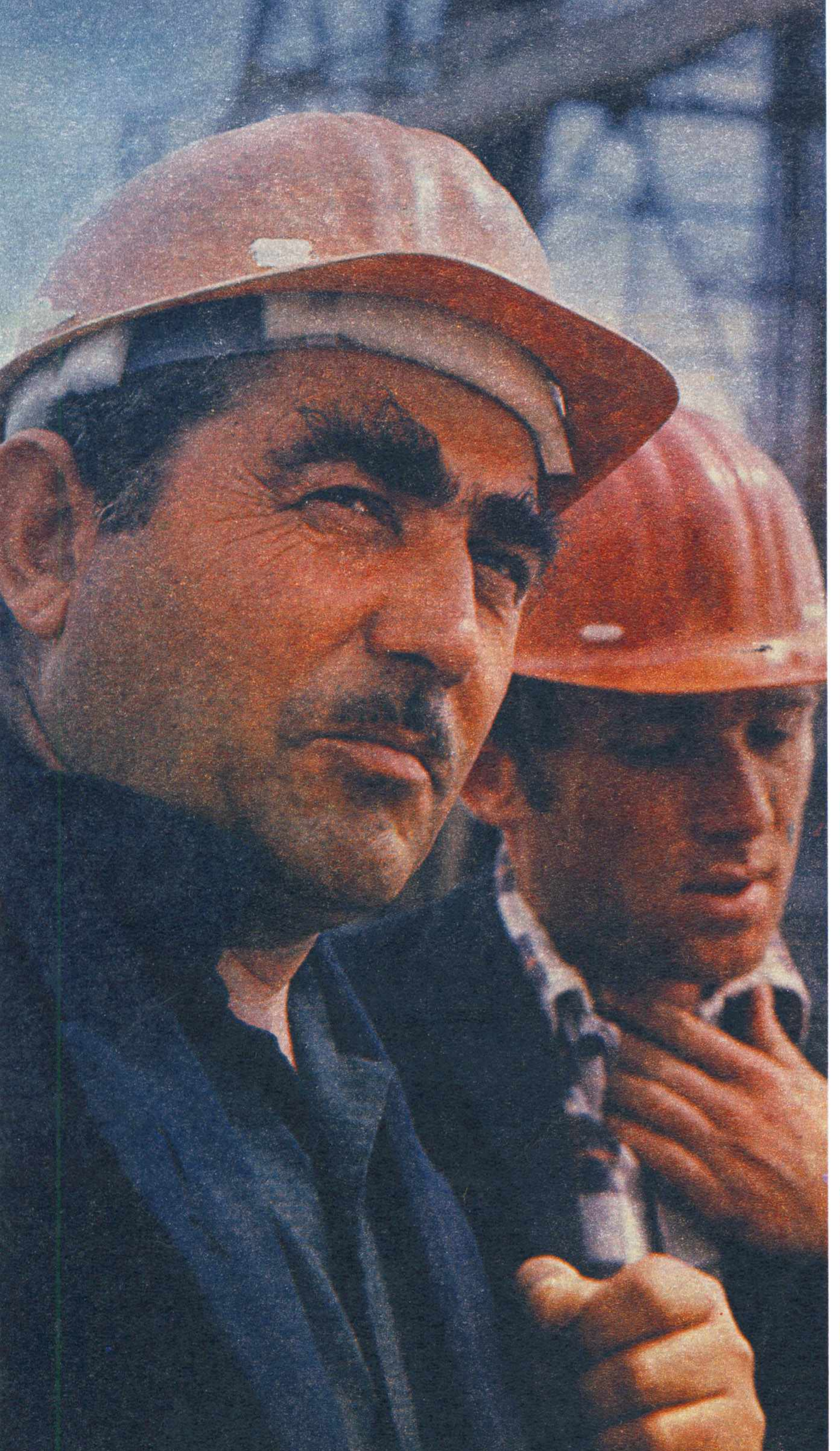
Проблема опреснения воды здесь — проблема жизни, и это особый разговор. Способов опреснения на свете немало. Пока в этих безводных краях применяется самый древний и самый испытанный — дистилляция. А нельзя ли для технических нужд придумать что-нибудь попроще и подешевле? Директор Красноводской ТЭЦ кандидат технических наук Альберт Юльевич Дыхно вместе с несколькими учеными устроил на ТЭЦ своеобразный полигон для морской воды. Цель испытаний — умягчить ее, убрать особо вредные для котлов соли кальция и магния. Вообще-то вода остается соленой, но становится мягкой и в котлах не образует накипей. Значит, даже частично улучшенный Каспий может прекрасно работать на электростанциях. А практический результат таков: полмиллиона рублей экономии в год с одного котлоагрегата.

Этот на первый взгляд экзотический Красноводск — очень деловой город: грузчик, транспортник, нефтяник, химик, исследователь.

А из Красноводска в загадочную страну Туркмению, на девять десятых состоящую из песков и пустынь, ведут пучки дорог — асфальт и рельсы, пастушьи тропы, сотни в любом месте могущих возникнуть дорог на такырах. И быстрые лучи воздушных путей. Мы над картой дорог, как скупые рыцари: вот бы нам в каждый новый и в каждый древний город! Но не надо быть скупыми рыцарями. На каждой дороге, за каждым поворотом ждет тебя неожиданное. Пусть оно бывает подчас неприглаженным. Оставим приглаженность тем, кто видит в ней смысл жизни. А нам — в Гасан-Кули.

Расположился Гасан-Кули на самой кромке соленого моря и соленого песка и вдобавок на самой кромке советской земли — на советско-иранской границе. Восток, да? А сначала даже не поймешь ничего и глазами похлопаешь: стоят в Гасан-Кули, в азиатских песках, у азиатской воды, бревенчатые российские пятистенки с белыми и голубыми наличниками. Почему? Откуда здесь, в пустыне, бревна?

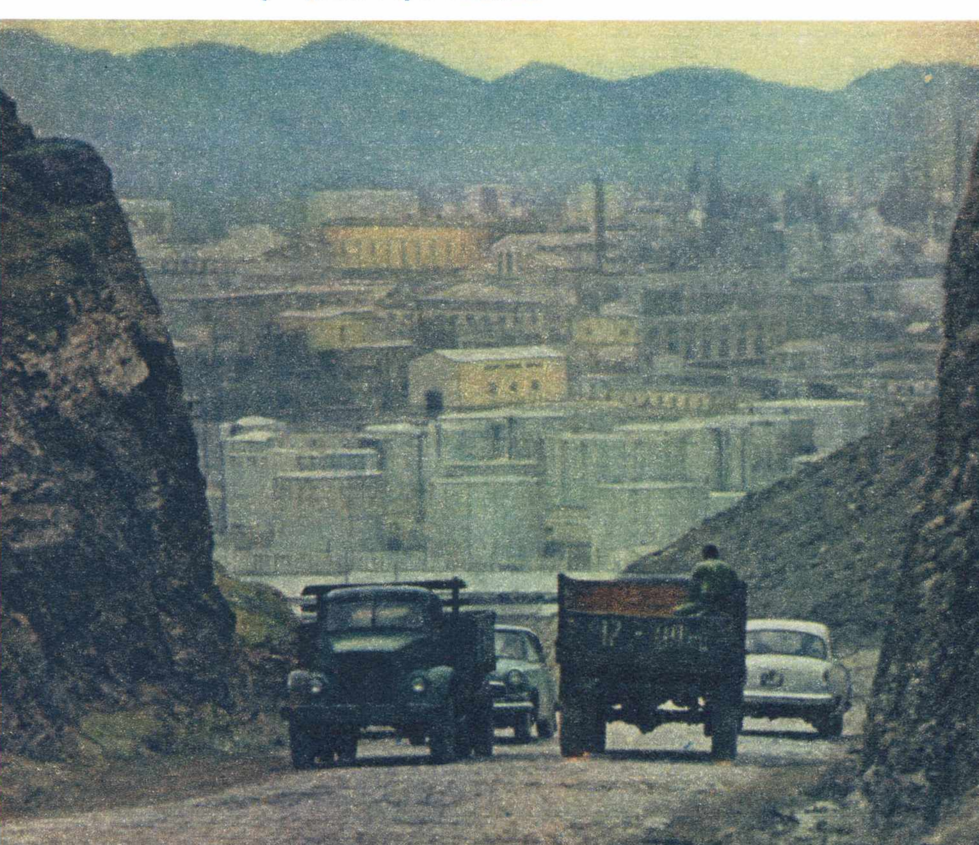
— Из России,— многозначительно отвечают черноглазые, опаленные солнцем и ветром гасанкулийцы,— из-за моря возим. Может, сто, а может, пятьсот лет с

Несколько лет назад над пустынными Каракумами летали лишь геологи. Теперь самолетом широко пользуются и колхозники, и рыбаки, и нефтяники.

Запад Туркмении — это прежде всего нефть. Начальник участка бурения Сурен Тертеров и буровой мастер Камиль Канзафаров. Месторождение Барса-Гельмес.

Красноводск — город нефтяников.

Красноводский Дворец культуры нефтяников по праву считают одним из красивейших в Туркмении.

Старший чабан колхоза «Коммунизм» Караджа Мокаев.

Гасанкулийцы — потомственные рыбаки. Кулазы выходят в море.

астраханскими рыбаками дружим. Нравятся нам их дома из бревен, на сваях — вот и строим. Такая у нас в Гасан-Кули цивилизация.

Вот она, моя страна: еще ни одна ее дорога, ни один поворот ни разу не обманули меня в ожидании удивительного.

Под сваями гасан-кулийских домов некогда плескался, бормотал, бушевал Каспий. Теперь он мелеет, отступил сравнительно далеко. А новые дома все-таки строят на сваях.

В домах хорошая, модная мебель и обязательно ковры. Ковры в Гасан-Кули ткут сами. Давно ткут, наверное, с тех пор, как живут туркменки на земле, они и ткут ковры — для тепла, для сна, для кочевья, для тоя. Для красоты. Теперь в Гасан-Кули работает ковровая фабрика.

Как расскажешь о мастерстве? Записываю туркменские названия нехитрых инструментов ковровщицы: колотушка — дадак, нож — кесер, ножницы — синди. Хожу по пятам за Тувакбиби Сапаровой, директором фабрики, заслуженной ковровщицей, смотрю, как мастерицы змейкой продевают в основу шерстяные нити, завязывают вечным узелком. Короткими молниями взблескивают острые кривые кесеры, которыми подрезают концы. Вот ряд уже и провязан. И тут мастерицы хватают зубастый дадак и изо всех сил начинают колотить по ряду, устанет правая рука — левой колотят. Чем крепче колотить, тем лучше ковер...

— Молодые только могут работать, сила большая нужна,— говорит Тувакбиби.

Ковры в Гасан-Кули ткут темные, с неярким контрастным узором.

Играют цветными нитями на струнах основы тонкие, как у арфисток, девичьи пальцы. И как хорошим музыкантам не нужны ноты, так и ковровщицам не нужен рисунок на бумаге; сюда просто и не примут такую работницу, которая не знает на память узоров пендинского, гавса-гол и дириак-гол. Да что память! Глаза и руки вот уже сотни лет помнят, как надо вязать эти узелки. А узелков в каждом метре пендинского ковра — 290 тысяч штук.

Труд ковровщиц оплачивается как труд ремесленниц. Но что значит «ремесло»? Здесь сотни лет шел художественный отбор, и ковровщицами становились не лучшие из ремесленниц, а лучшие из художниц.

...А потом мы подъехали на машине к рыбакам. Море здесь желто-серое, туманное. На горизонте стоят рефрижераторы: обрабатывают сазана. Сазанья путина только что закончилась, теперь идет кефаль. А до сазана шли осетр и севрюга. Чуть ли не круглый год что-либо «идет». А потому жить приходится не в Гасан-Кули, а здесь, на берегу, в двух домах, построенных словно пароходы — с галереей-палубой и каютками на двоих. В каютках кипят чайники, остро пахнет кефалью ухой с огромным количеством лука. Белобородые рыбаки в своих тельпеках отдыхают и разговаривают. Разговоры непонятные, но, чувствуется, веселые.

Капитан Аннаберды Кичимов посмеивается и раскрывает секрет хорошего настроения:

— Заработки хороши бывают в сазанью путину.

Спрашиваю рыбаков, давно ли рыбачат. Оказывается, почти все с 1932 года, со времени основания колхоза имени Верховного Совета Туркмении.

— А до этого,— говорит Аннаберды Кичимов,— многие кочевали. Все мы тут йомуды — бывшие кочевники.

Так закончился многовековой путь по пескам, многовековая усталость от дорог, костров, неграмотности, от равнодушной «мудрости» пророка: «Что ты есть, человек? Пыль на дорогах...»

Пришли сюда, построили бревенчатые русские дома, окружили их туркменскими галерейками. Как же без них в жаркое время? И лары построили. А лары — это цементные домики для воды: у каждого гасан-кулийского дома лар. С чистой крыши по чистым водосточным трубам всю осень, зиму и раннюю весну каждая капелька драгоценного дождя стекает в лар и под замком в цементной чистоте хранится до следующих дождей. Пусть опреснитель работает круглые сутки и круглые сутки гонит воду для всяких хозяйственных нужд, а вот для шурпы и чая дождевая водица из лара все же не в пример вкуснее.

Уютная, устоявшаяся, обеспеченная жизнь у людей здесь. Уверенным и сильным чувствует себя человек.

Покидая Гасан-Кули, долго еще слышим его голоса: гул моторов на опреснительной установке, стрекот мотофелюг, дробный перестук дадаков на ковровой фабрике. В розовом вечере окруженные галерейками дома очень похожи на однопалубные пароходы. Как большая эскадра, плывет Гасан-Кули в море своих песков.

И дорога наша уходит от Каспия в пески. Черные пески Каракумов. Черные от зарослей сарсазана, низкого суховатого кустарничка, единственного местного топлива. Аэродромы пахнут горькой сочной травой. Ступаю с асфальта в песок, прямо в пустыню, набираю пучок этой травы.

— Тьфу, узарлык,— говорит мой сосед по небит-дагской аэродромной скамейке Ниязви Абаев,— даже верблюд не ест. Однако некоторые женщины домой несут, чтобы шайтан не ходил. Какой такой шайтан? Все давно знают, шайтанов нет. Моль в дом не ходит — вот какая трава этот узарлык. Возьми с собой, посмотришь, вспомнишь.

Узарлык узарлыком. А есть еще арпаган. Вот чудо пустыни. Две тысячи гектаров арпагана растет на нашем берегу пограничной реки Атрек, две тысячи гектаров ароматного, без единой сорной травинки, невысокого несеяного природного ячменя.

Пунктиром по всему горизонту — отары каракулевых овец. Иероглифами по всему горизонту — стада одногорбых рыжих верблюдиц с верблюжатами. Зеленое море травы, овеянное золотым сухим горячим ветром,— все это пастбища и луга колхоза «Коммунизм». Редкими точками темнеют кибитки чабанов. Вот им, чабанам, еще надо оставаться кочевниками, они надолго покидают свои дома в колхозах и отправляются в заросли арпагана со своими семьями и хозяйством.

В кибитках свой, кочевой уют: стопы одеял, горы подушек, в длинных низких шкафах расписные чайники и пиалы. В очаге под дымоходом тлеют угли, закопченный чайник пофыркивает. Рижская «Спидола» с полным пониманием восточного искусства исполняет степные напевы. Вокруг кибиток плавно и спокойно хозяйничают жены пастухов в красных платьях с серебряными украшениями. Увидев нашу машину, прискакал на коне старший чабан Караджа Мокаев, стук подков мягко прозвучал в волнах арпагана и смолк внезапно. Невысокий, худощавый Караджа Мокаев кажется юношей, а он уже двадцать три года, с шестнадцати лет, пасет отары колхоза «Коммунизм».

Исчезает в травах наша колея, дорога усердно выполняет свое предначертание — ведет вперед, в незнакомое. Вот и волны арпагана обмелели, кончились. И сарсазан не растет больше, и клочья узарлыка попадаются все реже. Все выше становятся барханы — тяжелые сугробы песка. Как зимой в России перед началом метели курятся вершины сугробов, так и здесь с горячих вершин барханов подымается желтый дымок. По вздыбленным пескам ныряет узкая лента асфальта, столбы электропередачи глубоко впаяны в барханы, обложены плетенками из тростника и залиты битумом — иначе их унесут песчаные бури. Кажется, малы и незаметны дела человека в безбрежности песков.

Но так ли уж незаметны? Вот тут хоть сначала и показалось, что это стая птенцов птеродактилей пасется, так изначально все здесь, но нет, тут нефтяные качалки усердно тычут железными клювами в песок, вытягивают из линз последнюю нефть Вышки.

Вышка! С нее-то все и началось. Что тут есть нефть, знали давно. Кочевники пробивали колодцы, в кожаных мешках увозили отсюда густую коричневую жидкость, как для топлива, так и для лечения верблюжьих кожных заболеваний. «Киром», нефтяным песком, покрывали дороги. Потом сюда пришли геологи первой пятилетки. Упрямо пробивали скважину за скважиной, нефть не сразу сказалась. Скважину № 13 бурил мастер Ф. П. Ежов с бригадой. Особенно, говорят, на удачу не надеялись: у нефтяников число «13» тоже не бог весть в каком почете. И вдруг именно тринадцатая и ожила первой — как фуганула 6 тысяч тонн нефти в сутки! Для премирования бригады в 1933 году было выделено 10 тысяч рублей и два патефона.

Тринадцатая и сейчас работает — глубинным насосом берут из нее последнюю нефть. Историческим памятником стала.

Директор учебно-производственного комбината Байрамлыч Аманклычев не только директор, он историк: разыскивает первых геологов и буровиков, пишет книгу о Вышке — Нефтяной горе — Небит-Даге, именем которой называется теперь возникший недалеко отсюда, у подножия Большого Балхана, новый современный город в пустыне. Современный, удобный, зеленый. А вокруг него в песках, у самых крайних домов, бродят верблюды, и не поймешь — то ли просто любопытствуют, то ли держатся поближе к городу.

Из Небит-Дага по утрам в пустыню уходят автобусы. По асфальту, на буровые. Сейчас можно только попытаться представить себе, как впервые шли буровики в эти барханы с недобрым названием Барса-Гельмес — «Пойдешь — не вернешься». Даже Раиса Васильевна Абакумова, главный геолог «Небитдагнефти», бывалый в песках человек, ныряя на тракторе с бархана на бархан, подумала: «И зачем же тот, кто дал это название, ходил сюда, ведь ясно же было: уходили и не возвращались». А тракторы все ныряли и ныряли по барханам, тянули за собой буровые, электрики вели провода, дорожники заливали барханы горячим асфальтом, строители прокладывали в песках трубы для воды, газа и нефти...

Буровой мастер Сурен Тертеров был одним из первых в Барса-Гельмесе.

— С сорок второго года в Туркмении на нефти работаю. Мальчишкой был послан сюда. Непростой край. Но такое, как в Барса, увидел впервые. Как поднимется ветер — вся пустыня на дыбы встает, ни зги не видно. Песок свистит, на буровых гул, лязг, скрежет. Про себя как молитву твердишь: только бы буровые не снесло, только бы не снесло. Хорошо! — совершенно неожиданно заканчивает Тертеров.

— Что же тут хорошего?

У Тертерова есть такая привычка — мотнет вдруг головой упрямо.

— А то и хорошо, что осилили, вот они стоят, чуть ли не полторы сотни скважин, тысячи тонн первоклассной нефти ежесуточно дает Барса. Вот мне и хорошо, вот поэтому и дети мои учатся в нефтяных институтах.

Мы разговаривали в машине. Когда садились, чтобы ехать на новую скважину в Бурунск, пустыня сияла в солнечной тишине. И вдруг побежала по асфальту горячая желтая метель, взвились барханы, дико засвистел песок, и мы с тревогой стали смотреть на Тертерова. Тертеров ухмыльнулся и сказал:

— Глаза от песка берегите. Наши буровые устоят, а барханы, если переселятся на дорогу или к буровым, бульдозером уберем. Ничего. Это у нас часто бывает.

Потонув в серо-желтой хлесткой мгле, незыблемо стояли среди гула и свиста металлические конструкции буровых.

«Пойдешь — не вернешься» показывала нам свое прекрасное и коварное лицо.

* * *

О Сеиди, дорогой, из своего ученого и индустриального двадцатого века с благодарностью протягиваю Вам руку в Ваш восемнадцатый — за Ваши поразительные строки:

...Брошу дом, распрощусь
с постылой горой,
Земли все пред тобою убоги,
пустыня...

Я понимаю, Вы этим хотели сказать, что вся иная земная красота убога перед этой единственной красой многогорбых Черных Песков. Но Вы не видели и не знали того, что вижу и знаю я: какой могучий промышленный плацдарм, основу и соль жизни, создали здесь люди моей страны.

За нашу страну, за ее строителей и стройки через неделю мы и опустим наши избирательные бюллетени.

БЕССМЕРТИЕ

А. СОФРОНОВ

Всякий раз, когда попадаешь в Днепропетровск, любуешься этим шумным, дышащим полнокровной жизнью городом. Любуешься его новыми жилыми районами, какой-то особой чистотой и опрятностью; любуешься прекрасными Дворцами культуры, на сценах которых выступает звонкая художественная самодеятельность. И главное, любуешься широким и — не боюсь сказать — величавым Днепром, рекой красивой и рабочей, ибо несет Днепр по своим волнам множество тяжко нагруженных речных кораблей. И плывут они весной и летом, среди желтых песчаных берегов, среди густой, сочной зелени, среди островков, не оставленных без внимания любителями рыбной ловли и спокойного отдыха на реке.

И весной этого года летел я в Днепропетровск с ощущением новой встречи со старыми друзьями и с Днепром. Едва открылась дверь самолета, в лицо пахнуло свежим, сильным ветром, весенним цветением, каким-то особым ароматом этого южного города. И как всегда, рядом оказались друзья. И один из них предложил: поедемте сразу к Днепру, к вечному огню, к монументу воинской славы. Вы еще не видели его.

И вот перед нами Днепр, еще бурый от паводка, а над ним высокий, врезанный в синее просторное небо монумент, внизу которого неотъемлемо от гранита — фигура воина-победителя. А еще ниже, на широкой каменной площадке, горит вечный огонь славы. И тихо здесь, и слова не идут, только внизу, под бугром, грохочут поезда да перекликаются пароходы. На этих берегах гремел суровый бой, падали насмерть сраженные бойцы, отвоевывая у врага родной и любимый город. Падали мертвые, а живые шли дальше, цепляясь за каждый выступ, все вперед и вперед. Так Днепропетровск стал снова свободным, а люди в нем сохранили в сердце память о тех, кто не пожалел и жизни своей для жизни и счастья будущих поколений.

Мы молча стояли на ветру у подножия монумента, ожидая, когда зазвучит торжественно-героическая музыка украинского композитора Лысенко.

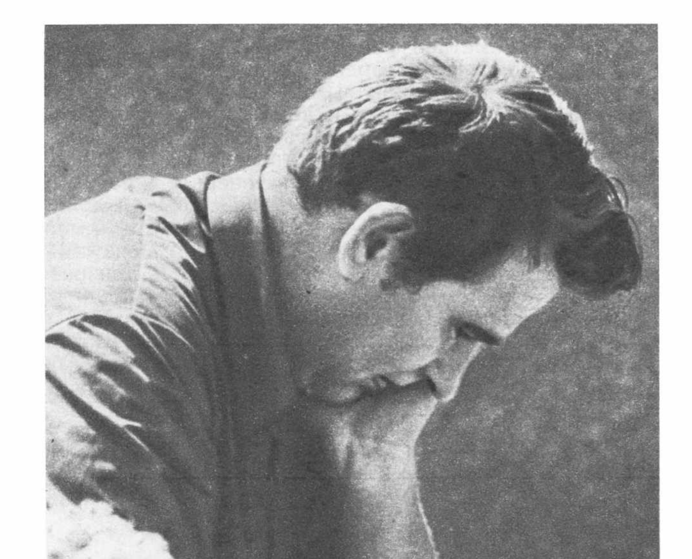
...И вдруг увидели, как чуть в стороне от монумента остановились две машины. Из них вышли сначала девушка в подвенечном платье и юноша в черном костюме, а за ними такие же молодые друзья. Неторопливо они зашагали с цветами в руках к монументу. Поднялись на площадку и положили к ногам гранитного солдата цветы. И в это время зазвучали слова памяти о тех, кто отдал свои жизни за свободу Отечества, и поплыли над Днепром мощные звуки мелодии Лысенко из «Тараса Бульбы». А сверху, от широкого бульвара, бежали школьники с цветами в руках. И тоже сюда, сюда, к монументу.

Сжалось сердце, перехватило горло от всего увиденного, от этой простой, никем не подготовленной церемонии. Откуда это? Кто первый догадался прямо из загса отправиться сюда в счастливый день своей жизни, для того, чтобы причаститься бессмертной славой вечно живущих и вечно молодых? И никто не смог ответить на этот вопрос. Все произошло само по себе, по вольному порыву горячей юности, как бы желающей прикоснуться сердцами к героическим подвигам дедов, отцов и старших братьев.

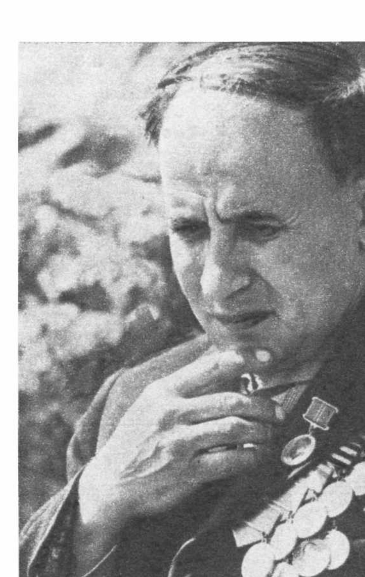
А к монументу все шли люди, старые и молодые, с орденами и без них, подходили и молча стояли на днепровском весеннем ветру.

Стояли, прислушиваясь к Бессмертию.

Фото Н. Козловского.

ПОСЛЕДНИЙ ПОЛЕТ КАПИТАНА

Джеймс ОЛДРИДЖ

Рассказ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

Вражда между этими двумя людьми разделила наш городок на два лагеря. Тут, пожалуй, сказались некоторые общие черты тогдашней эпохи — описываемые события происходили в конце двадцатых и в самом начале тридцатых годов нашего столетия. В ту пору у нас в городке, приютившемся на краю австралийских зарослей, так же увлекались, например, джазом, как и в Нью-Йорке, Лондоне, Берлине или Париже. Было у нас и свое «потерянное поколение» — солдаты, вернувшиеся с первой мировой войны, и просто молодые лоботрясы, были одержимые и скептики, глядевшие на все свысока, словно с верхушки флагштока. Такими же, как и повсюду, были и их юношеская наивность и смутные проблески социального протеста. И, наконец, был налицо и весь материальный инвентарь, необходимый для того, чтобы «потерянное поколение» могло выражать свое беспорядочное и незрелое разочарование жизнью: джин, автомобильные гонки, танцевальные залы и прочее.

Вдобавок ко всему в те годы у нас разразился экономический кризис, отголосок того, большого, который бушевал за океаном.

Оглядываясь на это время теперь, я вижу, что подспудные стремления, которые управляли поступками тех двух соперников, расколовших надвое наш город, зарождались, по сути дела, и в нас самих. И даже вели нас к некоему общему взгляду на мир. Романтика — против обыденщины, неистовство — против практичности — таково было это «мировоззрение». В дальнейшем многое вполне прояснилось, хотя я до сих пор не уверен, действительно ли с самого начала эти двое невзлюбили друг друга. Впрочем, это не так уж важно, потому что рано или поздно они все равно должны были столкнуться друг с другом.

Они ведь пустили в ход даже самолеты! А не будь под рукой самолетов, пошли бы в дело лошади или, скажем, гоночные автомобили — словом, все, пригодное для сногсшибательного рывка, цель которого — обогнать и оттеснить соперника.

Поскольку тут была замешана авиация, мне приходится начать свой рассказ с капитана Э. Элвина Джонса. Он был самой заметной фигурой из всех бывших военных, которыми гордился наш город. Капитан служил в войну 1914—1918 годов летчиком-истребителем, и всем было доподлинно известно, что в списке воздушных асов той войны он числился восьмым. Самолет, на котором он воевал, а теперь с шумом и грохотом носился над нашей мирной долиной, был маленький тупорылый истребитель из тех, что тогда именовали «верблюдами». После войны правительство в знак признательности разрешило Капитану оставить эту машину для личного пользования. Как оружие войны, «Верблюд» годился разве что для музея. Да и самому Капитану больше нечего было делать в воздухе как воен-

ному летчику: в нашем городе он был теперь всего лишь одним из пяти адвокатов и ходатаев по коммерческим делам.

Невысокий, крепко сбитый, твердо стоящий на кривоватых ногах, весь какой-то подтянутый, изящный, сдержанный — таким он вспоминается мне. Глаза у него были с прищуром, такая же, словно прищуренная, усмешка и ямочка на остром подбородке, глубокая, какой я не видал ни у кого. Странное дело, я начисто забыл, какой костюм носил Капитан у нас в городке, и не могу его представить иначе, как в высоких кожаных гетрах, кавалерийских бриджах и пилотской куртке — словом, в форме воздушных героев той войны. На самом деле я никогда не встречал его в такой одежде — видимо, тут уж память так подшучивает над нами. Впрочем, мы, мальчишки, когда заговаривали о нашем кумире, именовали его никак не иначе, как по полному воинскому званию: капитан военно-воздушных сил Э. Элвин Джонс.

Соперник Капитана — высокий, худой, общительный молодой врач по имени Даниэль Дефо — был типичным порождением интеллигентской среды. К худобе доктора как-то уж очень шла вся его внешность, и мы немедленно окрестили его Сухим Доком. Это был умный и деловитый человек, только походка его казалась нам немного странной: то он едва передвигал ноги, дюйм за дюймом, то вдруг мчался сломя голову, словно примеряясь прыгнуть на целую милю. Опытный и отзывчивый лекарь, он одевался обычно по погоде, но неизменно носил черные ботинки с ушками, чтобы легче натягивать их при срочном вызове. Он любил орехи и пил снятое молоко, и он же лично сжег полуразваленные надворные уборные в бедных кварталах города, когда вспыхнула однажды эпидемия дезинтерии, особенно угрожавшая детям.

Мне думается, что самым существенным различием между Сухим Доком и Капитаном было то, что доктор в свое время категорически отказывался идти воевать. В стране, где всем известное слово АНЗАК[1] значило чуть ли не столько же, сколько имя бога, упорный и подчеркнутый пацифизм Сухого Дока, пожалуй, требовал от человека изрядного мужества. Впрочем, как и у многих убежденных поборников мира, в нем кипели немалые страсти, были в нем и злость и горячность. В то же время в облике нашего Капитана, истого бывалого солдата, проступало нечто женственное, особенно в маленьких руках и ногах.

Даже их самолеты были полной противоположностью: машина Капитана смахивала на сильного, мускулистого маленького хищника; а «Цыганский Мотылек» доктора Дефо был не более как уютным, мирным пассажирским аппаратом, на котором доктор и летал-то совершенно так, как ел орехи и пил снятое молоко. Машины соответствовали профессиональному призванию своих хозяев.

Свои необъявленные воздушные «сражения» эти два человека вели главным образом над обширными полями пшеницы и необозримыми просторами овцеводческих ферм, для которых наш городок Сент-Элен служил начальной железнодорожной станцией и скотопригонным рынком. К югу от города простиралась богатая, вся в зелени, речная долина, где разводили молочный скот, выращивали виноград, цитрусовые, персики с крепкой косточкой. На севере пролегала широкая полоса зарослей, достаточно густых, чтобы в них заблудиться, что и случалось каждый год с каким-нибудь горожанином. Наш город кормили окружающие фермы. Фермы были большие и богатые или большие и бедные. Но обязательно большие. В городе у нас были теннисные корты, автомобили, гостиницы, банки, два небольших универмага, китайская прачечная, большая и маленькая площадки для гольфа, ипподром для скачек и даже аэродром. Украшением нашей жизни была великолепная река, в детстве ей мы отдавали все наше время. Мы ловили рыбу, плавали, устраивали пикники на берегах и, бывало, тонули. По реке еще ходили колесные пароходы, отвозившие шерсть в кипах в Аделаиду.

На первых порах все богатство воздушного пространства безраздельно принадлежало капитану Э. Элвину Джонсу. Я, как и другие мальчишки городка, был уверен, что Капитан прибыл к нам с войны самым простейшим способом: опустился с неба и приземлил своего «Верблюда» прямо на главной улице, потом подрулил самолет к самому большому местному гаражу, которым командовал Пик Пикеринг (его механик времен войны), и приказал Пику загнать старую колымагу в гараж и впредь присматривать за ней, как за ребенком. И в самом деле, ведь не кто иной, как Пик Пикеринг, приводил «Верблюда» в порядок перед боевыми вылетами Капитана и всегда умел обойтись подручными средствами, когда приходилось лечить «Верблюда» от ран после боя.

Подвиги, которые совершал Капитан во время войны, разумеется, часто вспоминали в городе. А теперь, поселившись у нас, он как бы продолжал их совершать, только по-иному. Например, он однажды сто раз проделал мертвую петлю над домом девушки, которая ему нравилась. Летом 1927 года он смонтировал охотничье ружье над крыльями самолета, на месте старой пулеметной турели, и стал таким манером охотиться на уток над приречными болотами, как некогда охотился за бошами над полями Фландрии. В 1928-м он побил рекорд скорости путешествия из нашего города в Мельбурн и обратно. Дистанция в оба конца составляла 430 миль, и он покрыл ее за пять часов; а для самого быстрого автомобиля марки «мэрмон» на это требовалось ровно полсуток. Это были самые настоящие подвиги, и Капитан продолжал прославлять себя ими вплоть до того времени, когда прилетел к нам на своем «Цыганском Мотыльке» Сухой Док.

Следует еще упомянуть о других полетах Капитана. Часто в какой-нибудь из тех радостных летних рассветов, когда воздух над нашими полями бывает так тих и спокоен, что перья от пролетающих птиц, падая, неподвижно стоят в прозрачной дымке, Капитан еще до восхода солнца отрывался на «Верблюде» от напоенной росой травы, взбирался до высоты в десять тысяч футов — и тут давал себе волю! Он бросался в яростную, отчаянную, полную горечи и щемящей тоски «собачью драку» с самим собой — этими словами американцы обозначали тогда воздушные бои истребителей. Каждый раз это бывало невероятным, потрясающим зрелищем. Мой отец, наблюдавший его однажды утром, сказал мне с некоторой лукавинкой в голосе:

— Вот для чего создан этот человек, Кит! Вот что он такое...

В этих коротких словах, как бы проникавших в сердцевину жестокой романтики Капитана, отец мой (тоже юрист) нарисовал мне образ пылкого молодого человека, который через удачи шел к мастерству, через жестокость — к постижению механики смерти и так поднялся до высот героизма и мужества. Но в нашем маленьком, милом, пыльном городке для Капитана, конечно, не было ничего, что могло бы стать вровень с этим его прошлым.

Я много размышлял об этой жестокой поэзии, жившей в душе Капитана, особенно в те дни, когда мне самому надо было решать, на чьей же я стороне в описываемом соперничестве. На моем решении — в пользу Капитана, — разумеется, сказалось то обаяние, которое он завоевал у всех наших мальчишек, росших и формировавшихся в послевоенные годы.

Однажды, когда я брел домой с огромной сумкой, набитой крыжовником, из которого мать собиралась варить джем, Капитан неожиданно затормозил возле меня свой серебристый двухместный «олвис» с откидным верхом и сказал, окинув меня своим безразличным прищуренным взглядом:

— Ты, собственно, куда собрался с этим мешком?

— Домой, — ответил я, пораженный тем, что он обратился ко мне.

— Полезай сюда, — сказал он и открыл спереди маленькую дверцу в виде половины лунного диска.

Я влез в машину, но не мог ничего видеть вокруг себя — сумка с крыжовником была величиной чуть не с меня самого. Когда я устроился поудобнее, снова послышался голос Капитана:

— Ты где живешь?

— Возле перечного дерева, — объяснил я.

Он не знал, кто я такой, и не спрашивал. Он никогда не заигрывал с ребятами и не искал их расположения. И все же это было похоже на заискивание: почему вдруг он выделил меня среди других мальчишек? Сухой Док — тот знал в лицо любого парнишку в городе и даже бормотал какое-то неясное приветствие, когда проходил мимо. Капитан же вообще держался в стороне от городских интересов и связей. Он все еще входил в любой дом, как, бывало, в штаб своего авиационного корпуса, — на нем всегда словно была надета какая-то незримая броня, отделяющая военного летчика от простых смертных.

И все-таки Капитан, как мне кажется теперь, вел не такую уж отшельническую жизнь. Сужу так потому, что и мой отец далеко не во всем его одобрял. У нас в городе бывали и вечеринки с обильными возлияниями, вспыхивали и скандалы из-за женщин. Возвращаясь однажды в своем самолете с одной такой затянувшейся за полночь вечеринки на ферме в Мэррей Хилл, Капитан, будучи навеселе, посадил своего «Верблюда» на крышу местного паровозного депо и тут же в темноте оторвался снова, даже не заглушая мотора. Так по крайней мере говорили в городе. Я хорошо помню это депо и точно знаю, какова была посадочная скорость «Верблюда»; поэтому не могу поверить, чтобы Капитану удалось выкинуть подобную штуку. Да и вообще опьянение и этакое веселое хулиганство совершенно к нему не шли. Он всегда казался мне стоящим выше подобных вещей.

И уж, во всяком случае, такие выходки никак не сообразовались бы с личностью Сухого Дока. Он был прирожденным слугой людей и терпеть не мог безделья или промедления в полезном деле. Это не носило у него характера каких-то обдуманных и взвешенных заранее принципов — просто он не мог не делать того, что делал. Были у него, разумеется, и свои маленькие личные увлечения и радости. Он, например, был единственным в городе обладателем ручной съемочной кинокамеры и все время делал съемки улиц, скачек на ипподроме, городских трущоб. Однажды он собрал полный зал зрителей в мэрии, устроив бесплатный сеанс и показав серию очень смешных, иронических кадров про наших отцов города. Впрочем, он не пощадил и себя — прокрутил смешную сценку своего собственного падения с лошади. Но не только киносъемками он увлекался — он старался оборудовать свой лечебный кабинет самыми новейшими приборами и инструментами. И еще он держал в конюшне двух лошадей-полукровок.

Впервые я услышал передачу по радио именно в доме Сухого Дока. Однажды, выйдя на улицу, он позвал трех первых попавшихся мальчишек, в том числе меня, и показал нам какой-то удивительный зеленый ящик, весь утыканный рычажками, кнопками, уставленный внутри какими-то серебристо-серыми лампами.

— Поверни вот этот рычажок, — сказал мне Сухой Док.

Я потянулся к рычажку дрожащими пальцами.

— Да, да, поверни его, — повторил он сердито.

Я повернул так резко, что рычажок остался у меня в руке.

— Растяпа! — загремел Сухой Док, вставляя рычажок обратно. И тут же потребовал, чтобы я проделал все сначала. Он был прирожденным педагогом и прирожденным проповедником. И, естественно, вскоре стал самым популярным врачом в городе.

[1] Австралийско-Новозеландский армейский корпус, сражавшийся в первую мировую войну в Галлиполи.

Для Сухого Дока было совершенно обычным делом остановить посреди улицы горожанина, даже не своего пациента, и сказать ему: «У вас что-то пожелтело лицо, Джек. Урежьте-ка ежедневную порцию масла и бараньего жира да скажите Джоан, чтобы перестала кормить вас одним жарким».

Он любил так вот вторгаться в жизнь и здоровье людей. И все понемногу привыкли к этому. Когда он однажды отлучился на целый месяц и прилетел вдруг на своем «Мотыльке», многим это показалось чем-то вроде предначертания свыше. Но, разумеется, это было и простой сенсацией. Сначала некоторые просто не поверили самому факту, хотя уже через полчаса после того, как Сухой Док посадил свою машину на сухую траву аэродрома, каждый горожанин был осведомлен об этом.

— Слышал?! Сухой Док прилетел на своем самолете! Говорят, только что опустился на аэродроме. Бежим скорее!..

Выпученные глаза и разгоряченное лицо моего брата Тома, выкрикнувшего эти слова на бегу, свидетельствовали о крайней важности события. Оно немедленно вызвало прилив энтузиазма у мальчишек нашего города. Мы с Томом помчались к аэродрому вместе и бежали без передышки две мили, и по всей грязной дороге нас обгоняли наши приятели. Запыхавшись от быстрого бега, мы все-таки ухитрялись расспрашивать друг друга, спорить, выражать сомнения, пока наконец не очутились у пыльной травяной полосы, из которой состоял наш аэродром. И мы увидели серебрсистокрылую бабочку. Она аккуратно и изящно сидела на своем хвосте.

— Боже мой, а ведь и вправду! — еле выдохнул Том, все еще не веря своим глазам.

Десятью годами позже Том погиб, пилотируя «харрикейн», в битве за Англию. Перед тем, как он уехал на новую войну, я спрашивал его: что, собственно, позвало его в воздух? Он ответил без колебания: «Ну, конечно, «Мотылек» Сухого Дока! Я ведь уже тогда знал, что не будет мне покоя в жизни, пока не научусь управлять этими прелестными созданиями».

То же примерно впечатление произвел «Мотылек» и на всех нас при первом же знакомстве, несмотря на то, что мы были верными поклонниками желтого капитанского «Верблюда». Но «Верблюд» вдруг почему-то показался нам в те минуты не очень красивым и к тому же опасным в полете. Он и всегда выглядел так, будто только что вырвался из ожесточенной «собачьей драки». Он был запылен, покрыт царапинами, живот у него был испещрен грязными полосами. Мотор «Верблюда» марки Клежо вспарывал и резал воздух с каким-то вызывающим ожесточением. А маленький «Мотылек» Сухого Дока, как мы скоро убедились, посвистывал себе, мурлыкал или издавал мягкое органное гудение, проносясь над городом.

Перед неотложным выбором были мы поставлены в тот день! Том, хотя и был весь под обаянием «Мотылька» Сухого Дока, остался, однако, сторонником Капитана, когда мы бежали обратно в город, споря о сравнительных достоинствах обеих машин. В Томе, видимо, крепко сидела та же романтика риска и тот же восторг жестокости, что и в хозяине «Верблюда». Мне же сразу очень полюбилась бабочка, но я от рождения был осторожен. Прежде чем принять твердое решение, мне нужно было разглядеть, ощупать любой предмет, убедиться в его подлинности.

В городе вообще не поверили в прилет «Мотылька», и поднялась волна шуток: Сухой Док — в образе короля воздуха! Кое-кто начинал даже язвить. И в самом деле, доктор, в сущности, умел водить самолет только по надежной прямой, придерживаясь только одной высоты. Когда он впервые появился над городом, повороты его машины были такими несуразно осторожными, набор высоты таким медленным, что какой-то остряк предложил подписать петицию о том, чтобы власти как-нибудь вызволили доктора и вернули его на землю.

Но Сухой Док был упрямым человеком. Он взял за правило взлетать на «Мотыльке» ежедневно на рассвете, когда воздух тих и безопасен, и, видимо, настойчиво доискивался, что же он может сделать со своей машиной. К сожалению, с этими ранними полетами у доктора дело шло не очень гладко. Как уже сказано, рассветные часы до этого времени безраздельно принадлежали Капитану, и суровая, горькая тяга его ко всем этим мертвым петлям, переворотам через крыло, пикирующим спускам — все это служило ему единственной разрядкой, когда он начинал жить в своем прошлом. Медленный, осторожный полет доктора в «Мотыльке», конечно же, не мог не вторгаться самым нелепым и грубым диссонансом в эти интимные переживания Капитана.

Мы тогда еще не понимали всего этого. Мы только чувствовали, что стоит нам заговорить о Капитане, как тут же в голове вставала фигура Сухого Дока. Видимо, требовалось время, чтобы их странное противоборство обрело отчетливые черты и стало явным для всех. А поначалу получилось по иронии судьбы даже так, что первые победные очки в этом состязании достались Сухому Доку.

В наши дни легкий самолет — это рабочая лошадка для самых разнообразных полезных целей. Но в те времена «летающий врач» еще не был придуман, и представление о скорой медицинской помощи еще плохо вязалось с задачами авиации. Но когда Сухой Док спас жизнь одному сельскому пареньку, использовав для этого своего «Мотылька», мы как-то сразу стали по-иному смотреть на его изящную и такую на вид несолидную машину.

Каждое лето на берегах нашей реки когонибудь да укусит ядовитая змея, из тех, что зимуют в поленницах дров, возле курятников, в конюшнях или колеях дорог. Нас учили в школе, как справляться со змеиными укусами, и многие из нас таскали с собой мешочки с маленьким ланцетом и кристаллами противоядия. Но змеи кусают и неподготовленных. В один жаркий весенний день двенадцатилетний Кенни Линч, живший в тридцати милях от города на краю зарослей, был укушен тигровой змеей, когда собирал в песке яйца речной ласточки. Почти две мили он бежал домой, и этого яд взболтался в его венах. Поездка в телеге от фермы до нашего Сент-Элена заняла бы много часов. Отец мальчика, бедный фермер, поскакал верхом к соседу и по телефону попросил помощи в городской больнице.

Случайно в больнице оказался Сухой Док. Всем было ясно, что единственная надежда спасти ребенка — это доставить его как можно скорее в город. Был уже вечер, но доктор верхом выехал на аэродром, завел мотор «Мотылька», поднялся в воздух и через пятнадцать минут посадил самолет на полоску пшеничного поля, принадлежавшего семье Линчей. Устроив мальчика на переднем сиденье «Мотылька», доктор долго ездил в самолете, как в такси, в поисках маленького островка твердой почвы. Оторвал он машину от земли уже в полной темноте.

Сухой Док был человеком находчивым: долетев до нашего аэродрома, он несколько раз пролетел в темноте над полем, пока глаза не привыкли различать еле видимую сверху землю. Потом он пошел на посадку и инстинктивно сделал именно то, что требовалось. Он заставил «Мотылька» медленно снижаться по кругу, пока машина не коснулась земли. Футов пятьдесят «Мотылек» подпрыгивал во мраке, но опять-таки остановился там, где надо. Через десять минут мальчик был в больнице, ему сделали переливание крови и применили какое-то еще лечение льдом, которое доктор считал полезным в подобных исключительных случаях.

На следующий день городские мальчишки и мальчишки из зоны зарослей разделились на две непримиримых партии. Городские оставались солдатами, верными до конца Капитану и его «Верблюду». Сельские же всей душой обратились к другой машине и другому пилоту. Дети фермеров объясняли свою позицию просто: у людей городских помощь на случай беды — тут же, за углом; а разбросанным возле зарослей фермерам всегда грозит опасность остаться без помощи на случай несчастья. Подвиг Сухого Дока вдруг как бы избавил их от этой трагической заброшенности и подал надежду на спасение в трудный час. Не только сельские мальчишки, но и взрослые с ферм, прежде всего женщины, стали горячими приверженцами Сухого Дока, многие даже стали записываться к нему в пациенты. Это немедленно породило недоброжелательные толки: доктора стали обвинять в том, что эти свои штучки он выкидывает из корыстных соображений, для того, чтобы увеличить клиентуру.

Капитан, разумеется, никогда не позволил бы себе таких облыжных обвинений. Кто-то рассказал о сплетнях насчет Сухого Дока моему отцу. Тот возмутился.

— Если доктор Дефо делает что-нибудь, — заявил он, — то единственно потому, что не может этого не делать! Даже если это и получается в его интересах...

Доктор был подлинным воплощением чувства ответственности перед людьми. Это было в нем заложено самой природой.

Что же касается Капитана, то и он оказался однажды участником довольно-таки вульгарного события, от которого предпочитал бы остаться в стороне. У него, конечно, и в мыслях не было состязаться с Сухим Доком в мастерстве пилотажа, это было бы просто смешно! Не собирался он оспаривать у доктора пальму первенства и по части гуманных поступков. Да это и технически было невозможно: его самолет был военным истребителем, одноместным, так что некуда было бы посадить больного или потерпевшего увечье с какой-нибудь отдаленной фермы. Однако его сторонники упорно дожидались случая, когда Капитан мог бы доказать на практике свое превосходство над Сухим Доком. И такой случай представился — в лице сотни отбившихся от табуна и потерявшихся лошадей.

У нас в городе лошади еще были в почете. Если бы, скажем, затерялась у фермера сотня овец, в этом увидели бы, конечно, материальную потерю для владельца, но на том дело бы и кончилось. Другое дело лошади: они вроде людей. Особенно, если лошадь обижают или она сама попадет в беду. Раз в несколько лет сотня-другая неприрученных лошадей, которые скитались по просторам нашей крупнейшей и богатейшей овцеводческой фермы, забредала в обширную болотистую пустошь на опушке зарослей, и там они пропадали без вести. Это была, по сути дела, огромная, непреодолимая даже для всадника трясина, поросшая мелким кустарником, усеянная бездонными «окнами» и кишащая змеями.

Когда в городе услышали, что лошади Питера Мэррея попали в эту болотистую западню, все принялись горевать о бедных животных. В предыдущий раз, когда в болоте что-то около семидесяти лошадей погибло от голода, жажды и змеиных укусов, моя сестра долго и горько плакала. Так было и на этот раз.

— Бедные, бедные лошадки! — услышал я возглас женщины, проезжавшей мимо на велосипеде.

— У Питера Мэррея хватит денег огородить все это болото! — возмущенно говорил кто-то из горожан. — Какого же дьявола он не делает этого?

Никто на этот раз не обратился за помощью к Сухому Доку: спасать от гибели лошадей было как-то не по его части, пусть даже у него самого в конюшне стояла пара полукровок. Зато задача вполне подходила для Капитана. И в одно прекрасное утро он поднялся в воздух и полетел в сторону овцеводческой фермы Питера Мэррея, где владелец уже ожидал его с изрядным запасом горючего для самолета. Потом Капитан стартовал снова и заставил своего «Верблюда» много раз пролететь на минимальной высоте над коварным мертвым болотом. За этим последовало то, что на военном языке можно было бы назвать правильным окружением противника. Никто не видел, как

заканчивалась эта операция, никто не знал, как именно она осуществлялась,— мы только смутно догадывались о том, что должен был делать Капитан. Ему пришлось на бреющем полете проноситься чуть ли не над каждой лошадью, пугать ее, сгонять животных сначала в маленькие группы, потом в более крупные и, наконец, на манер пастушьей собаки, заходя то с одной стороны, то с другой, направлять весь сбитый им табун к твердой земле. Об этом мы прочли короткий и довольно сухой отчет в местной газете,— потому что Питер Мэррей имел возможность наблюдать всю операцию в полевой бинокль с далекого расстояния.

— Капитан Элвин,— говорил он после,— сделал это так, как никто не мог бы сделать. Он летал чуть ли не по самой земле, и увертывался от поваленных деревьев и кустов, и волчком вертелся над этими глупыми лошадьми. Я считаю, что за это ему полагается еще одна медаль!

У Капитана были уже все мыслимые медали от Англии, Франции, Италии, Греции, Черногории, Бельгии, Голландии и Соединенных Штатов. Питер Мэррей, видимо, намекал на то, что городу следовало бы устроить чествование Капитану, но город и без того шумно им восхищался. Назавтра я увидел Капитана, выходящего из своего автомобиля и направляющегося в один из своих «штабов». Мне показалось, что вид у него был угрюмый, словно он накануне потерял что-то невозвратимое. Впрочем, это было только мое предположение. Да и вообще у меня была привычка слишком пристально вглядываться в лица людей, словно выискивая в них какую-то глубинную суть. И я отбросил это предположение.

Но вот в ближайшую субботу, когда кабачки заполнились горожанами и сельскими жителями, а любители спиртного уже изрядно накачались, вспыхнула драка между одним молодым фермером и механиком гаража. Началось все со спора о Капитане и Сухом Доке, а закончилась баталия в сточной канаве, причем из толпы зрителей одни подбадривали фермера, а другие — механика. Наконец, фермер от сильного удара потерял сознание, и его увезли в телеге двое его сыновей.

Пьяные драки были не частым явлением в нашем городе. Во всяком случае, не служили перстом, указующим на несовершенства человеческие. И все-таки этот случай еще раз подтвердил, что вокруг Капитана и Сухого Дока необъяснимым образом разгораются все более сильные страсти.

Помнится, однажды разыгрался и вовсе уж комический эпизод. В наш город завернул епископ англиканской церкви с целью ознакомления с своей паствой. Кто-то, видимо, рассказал ему о разногласиях среди жителей города по поводу самолетов и их пилотов. Епископ для посрамления греховных увлечений тех лет (мы, например, тогда чрезмерно увлекались всякими сластями) предложил совершить обряд окропления обоих самолетов святой водой. Капитан, как солдат и верующий, хотя он никогда не ходил в церковь, дал на это согласие. «Верблюд» был тщательно вымыт и вычищен, потом покрашен, и на аэродроме епископом в полном облачении было совершено богослужение. Сам Капитан, правда, не присутствовал.

Что же касается Сухого Дока, то он, с воодушевлением поддерживавший любое общественное начинание, на этот раз необычным образом взбеленился. Он наотрез отказался от церемонии освящения «Мотылька».

— Это машина! — кричал он в ярости.— И нечего машине делать с богом!

Некоторые из сторонников доктора были разочарованы и даже обижены: в их представлении добрые деяния были неотделимы от веры. К тому же, рассуждали они, нерасчетливо было позволять Капитану одному пожинать лавры. Но мой отец вместе с некоторыми другими полностью одобрил поведение доктора.

— Религия,— объяснил он нам за ужином,— это моральная система. У машин морали нет и не может быть. Вот и все, что можно сказать по этому поводу.

Но мне пришлось еще раз призадуматься над этим. Через несколько дней доктор доставил в больницу роженицу, нуждавшуюся в кесаревом сечении, что спасло жизнь и ей и ребенку. Неделю спустя он привез по воздуху в инфекционный госпиталь в Бендиго девушку, заболевшую тяжелой формой скарлатины. И я вдруг подумал: а нет ли и в машине чего-то сходного с ценнейшими свойствами человеческой души? А трудный полет Капитана над самой чащей зарослей в поисках двух заблудившихся ребят, отправившихся охотиться за лисятами,— разве не было это образцом человеколюбия? Юные охотники, зная, что за ними непременно вышлют один из самолетов, разожгли костер. Капитан заметил огонь и с подлинно военной точностью указал это место людям, вышедшим на поиски, но отклонившимся совсем в другую сторону. Словом, не придают ли подобные факты машине еще и какие-то особые моральные достоинства?

После отъезда епископа чуть ли не все наши горожане втянулись в споры на моральные темы. И все-таки почти всегда это сводилось к спору о тех двоих! «То, что делает Сухой Док со своим самолетом,— говорили одни,— человечно и правильно!» «В том, что делает доктор,— возражали другие,— замешаны деньги — и это плохо и неправильно! Поступки Капитана важны и полезны для общества». «В поступках Капитана нет ничего, кроме позы и самолюбования!» Так, на параллельных курсах, и шли эти споры.

Окончание следует.

Микола СЫНГАЕВСКИЙ

Письма к жаворонкам

Предлагаемая вниманию читателей подборка стихов «Письма к жаворонкам» принадлежит перу молодого украинского поэта М. Сынгаевского, делегата XVI съезда ВЛКСМ.

* * *

Вам, жаворонкам над полем,
эти строки мои голубые,
в ваш заоблачный адрес
пишу дни и ночи подряд.
На лугах уже травы шумят —
солнцем,
ветром,
весной налитые,
у девчат уже губы
от жажды и счастья горят.
Вам, жаворонки над полем,
за те песни, что здесь отзвучали,
и за те, что доныне качаются
на серебряных ваших лучах,
вам, влюбленные птицы,—
все раздумья мои и печали,
что вынашивал я
с хлеборобами в жарких полях.
Поле, древнее поле,
а рядом кресты да курганы,
сердцу близкий простор,
необъятный для глаз и для крыл.
Там остались следы
моей матери старой — Ульяны,
я ей воду когда-то
в жару из села приносил.
Мы косили хлеба,
скирдовали солому,
засыпали под звездами
на душистой и тихой земле.
И земле отдавали
усталость свою и истому
и вставали чуть свет,
с первым проблеском на челе.
Просыпались мы с вами,
жаворонки, милые птахи,
с доброй вестью спешили
к дубраве,
к реке голубой.
С вами прадед и дед мой знакомы,
а батька мой в белой рубахе
нас учил разговаривать
с каждой птицей,
с криницей,
с травинкой любой.
Гей, луга без конца!
Гей, просторы мои без границы!
Вы примите меня
в хороводную птичью семью.
Украина задумалась,
и душа моя, словно синица,
задрожала от песен
и нашла среди них
наилучшую песню —
свою.
Песню ту, что с весны начинается,
с талого снега,
с первых ваших аккордов,
приснившихся сердцу давно.
Песню ту, что внезапно
на землю срывается с неба,
словно ливень весенний,
которого жаждет зерно.
Все в тебя влюблены,
звонкий жаворонок над полем,
все заслушались песней твоей
в предрассветной сиреневой мгле.
Своих милых певцов
унижать мы нигде никому не позволим —
возвращайся с небес
и со мною босым походи по земле.
Вот и я возвратился
к родному порогу,
и росой умываюсь,
и воздухом детства дышу...
Всех я песен не спел,
и с рассветом мне снова в дорогу,
но опять я не сплю
и тебе, моя птица, пишу...

Письмо матери из Болгарии

Приснилось мне, что в окна дождь грохочет,
что мать меня зовет из детских лет,
как будто бы узнать родная хочет,
забыл я песни родины иль нет.

Не оскорбил ли я чужое слово,
не позабыл ли про сестру свою
и помню ли, как шелестит дуброва
в моем звездой увенчанном краю.

Я догадался, мама!
Догадался!
Я старых рук твоих не забывал.
Родимой песни сроду не чурался
и для чужой
души не закрывал.

И не печалься, мама!
Наша доля
нам не изменит, зá море маня...
А здесь такой же ветер веет с поля,
здесь обняла Болгария меня.

Брожу с людьми и радуюсь приволью,
как будто бы я встретил земляков.
Ем перец красный
с крупной доброй солью
и воду пью из горных родников.

Когда ж в ночи уснут леса и долы,
взойдет звезда в большом моем окне
и вновь стихи Вапцарова Николы
нашептывать до света станет мне.

Я вижу след от гусеничных траков,
я слышу стоны старых матерей
и на заре охапку красных маков
несу к могилам павших сыновей.

Огнем бессмертным каждый мак пылает,
и видят все далекие друзья,
как от земли Шевченко принимает
поклон и славу
Ботева земля.

И в этот миг, когда твой сын не знает,
как ждешь ты доброй вести от него,
Болгария, как сына, обнимает
приветливого сына твоего.

* * *

По лесам, как прежде,
хороводят птицы.
Сердце без надежды —
край мой без криницы.

Зреет в сердце песня
нежно и тревожно.
Не любить Полесье
наше невозможно.

В песне той — безбрежье,
терпкий дух живицы.
Сердце без надежды —
край мой без криницы.

Там цветеньем вишен
пахнет вечер тихий.
Там гортанный слышен
голос лесничихи.

Там за темным бором
белый день ночует.
Там за косогором
родничок кочует.

Солнце на пороге,
котелок с водицей...
Это все в дороге
может пригодиться!

Там, кровавя руки,
хлеб творил мой пращур.
Там добьются внуки
жизни настоящей.

Там цветет орешник,
там поют синицы...
Сердце без надежды —
край мой без криницы.

Неожиданные строки

Снова хочется в молодость —
в бесшабашность,
в раскованность,
начинать все сначала
в предрассветном дыму.
По планете шататься,
задыхаясь от счастья,
и завидовать солнцу —
лишь ему одному!

Так безудержно хочется
слова, музыки, творчества,
золотого горения
и возвышенных дней.
Неудачи, удачи —
лишь бы ярость отдачи,
лишь бы солнце в зените
над судьбою моей!

Но настанет пора моя:
распрощаюсь с ветрами я,
и забудут дороги
про меня, ходока...
Снова вырастут дети,
чтоб звенеть на рассвете,
чтоб садами планету
украшать на века.

Над высокими кровлями,
над широкими кронами
мою память
журавушка
пронесет на крыле...
За столетней сосною,
за рекою Десною
я травой луговою
вновь проснусь на земле!

А как выкосят травы,
мне ни песни, ни славы,
ни синицы не надо,
ни того журавля...
Лишь бы жизнь не кончалась,
лишь бы солнцем венчалась
каждый день
на рассвете
молодая земля!

Авторизованный перевод с украинского
Льва СМИРНОВА.

Л. Стиль (Киев). СЕМЬЯ.

Всесоюзная художественная выставка, посвященная 100-летию со дня рождения В. И. Ленина.

Б. Щербаков (Москва).

ГОД 1917.

РЕДАКЦИЯ «ПРАВДЫ».

Всесоюзная художественная выставка, посвященная 100-летию со дня рождения В. И. Ленина

Х. Хушвахтов (Душанбе). ПИСЬМО ВОЖДЯ.

Всесоюзная художественная выставка, посвященная 100-летию со дня рождения В. И. Ленина.

В Карелии весна

Самолеты гражданской авиации несут патрульную службу над лесными богатствами Карелии.

В Карелии весна, праздничная весна пятидесятилетия республики.

Сказочно красива Карелия. В зеленые хвойные массивы вписана голубая гладь озер с рассыпанными по берегам валунами, извилистые реки, обрамленные вековыми соснами и елями, шумят быстрые водопады, в темно-зеленом спокойном море разбросаны города, рабочие поселки. Почти три четверти территории республики покрыты лесом. Десятки леспромхозов заготавливают древесину и для новостроек страны и для бумагоделательных комбинатов, для шахт, да мало ли еще какое применение находит лес в нашем народном хозяйстве. По 140 озерам и рекам сплавляют его карельские лесорубы, вывозят на автомашинах к погрузочным пунктам железной дороги, отправляют на судах по Беломорско-Балтийскому каналу...

Жизнь в лесу накладывает свой неповторимый отпечаток на людей. Они здесь приветливые, спокойные, гостеприимные, хлебосольные. Трогательна их бережная любовь к зеленому другу — источнику жизни. Она ощущается всюду. Специально отведенные лесные зоны окружают города, районные центры, большие магистрали. Зоны эти неприкосновенны. Их задача — сохранять людям здоровье.

В Карелии весна. На лесных делянках, в цехах бумагоделательных комбинатов, в корпусах тракторного завода продолжается юбилейная вахта. Для карелов этот год вдвойне праздничный. Особенно оживленно сейчас в столице республики, куда съехались гости из многих городов страны, из разных республик, чтобы разделить с карелами их торжество, их радость. В театрах идут последние репетиции новых спектаклей. Художники республики выставляют на суд трудящихся свои произведения. А в Петрозаводском университете свои волнения: праздник праздником, а экзамены экзаменами. По Онеге плывут грузовые теплоходы, перекликаются гудками с быстроходными экскурсионными кораблями. Сотни туристов спешат познакомиться с заповедными местами этого изумительного края.

В Карелии весна!

К. ЧЕРЕВКОВ

На лесном складе Петрозаводского лесопильно-мебельного комбината.
Фото Л. Портера и С. Майстермана (ТАСС).

Николай ЛАЙНЕ

ТУУЛИЯРВИ[1]

Ветер, ветер! Отовсюду ветер.
Волны выбегают на рассвете,
Выгибаясь пенистым хребтом,
Только брызги ввысь взлетают с гудом...
Расскажи, браток, каким ты чудом
Оказался здесь, в краю лесном?

Днем и ночью Туулиярви блещет,
Днем и ночью в берег буйно хлещет,
Буря с ног сбивает наповал...
Здесь у лета краткие кочевья,
Ветры свили гнезда на деревьях,
Мохом обросли громады скал.

На граните не распашешь поле.
Лодка на вскипающем раздолье
Не корабль, и сам ты не моряк.
Ну и пусть! Пусть ветры злятся снова:
Может быть, им сплавщика другого
В целом крае не найти никак.

Волны ходят, клокоча и воя.
Он глядит на озеро седое.
Что поделать? Пусть себе бурлит!
Из сплавного устья метр за метром
Он ведет в волнах навстречу ветру
Новый плот, который крепко сбит.

Шест багра на фоне небосклона
Врезан прямо в древесину бона,
Будто древко знамени труда.
Успокойся, Туулиярви, стихни!
Разве ты не ведаешь, что вихри
Не страшили парня никогда?

Перестань волнами дуть бурливо:
Ты же видишь, он не из трусливых,
А таким и горе не беда.
Скажет он — и стихнут ветра свисты!
Слышишь? С берегов твоих скалистых
Парень не уедет никуда!

Петрозаводск.

Перевел с финского
Бронислав КЕЖУН.

[1] Туулиярви — в переводе «Озеро ветров».

Михаил СЫСОЙКОВ

НАСЛЕДНИК

Рокочет трактор.
Тяжкими рогами
Подхвачен и отброшен с полосы
Валун с позеленевшими боками,
Зернистый, круглый, в трещинах косых.

На нем еще царапины белеют:
Старик карел полоску здесь пахал,
Царапал камни он сохой своею
И их же через силу вырывал.

Заждалось поле близкое, родное
Наследника.
И, ветром опален,
Выходит он!
И нет душе покоя:
Все камни в поле выкорчует он!

Что поле!
Край для сеятеля тесен,
И он живет стремлением одним.
Карел упорством каменным известен,
И камни отступают перед ним.

Петрозаводск.

Януш КОЛЬЧИНСКИЙ

«Друзья народа» из Мезон-Лаффит

«Уважаемый «Огонек»! В шестом номере журнала мы прочитали беседу корреспондента «Огонька» с польским ученым, директором института «Запад — Восток» Янушем Кольчинским «Невидимки ткут паутину». Такие статьи нужны для молодежи, а нам — для того, чтобы разговаривать с нею. Мы знаем, что такое хорошо и что такое плохо, а вот нынешнему молодому поколению нужны такие статьи, которые разъясняют им опасность идеологических диверсий наших врагов. Пусть беседа с Янушем Кольчинским продолжится на страницах «Огонька».

С приветом — Юркины, читатели из города Свердловска».

«Беседа с польским ученым, опубликованная в «Огоньке», очень интересна. Она еще раз раскрыла перед нами цели, направления и приемы антикоммунистов. Чтобы бить врага — надо его хорошо знать!

Меня очень заинтересовала эта тема. Было бы хорошо, если бы товарищ Кольчинский продолжил беседу. Это будет очень полезно для нас.

Рядовой М. Нугзаров».

СЕГОДНЯ, ИСПОЛНЯЯ ПРОСЬБУ НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ, МЫ ПЕЧАТАЕМ СТАТЬЮ ЯНУША КОЛЬЧИНСКОГО, НАПИСАННУЮ СПЕЦИАЛЬНО ДЛЯ «ОГОНЬКА».

Мезон-Лаффит ничем не выделяется из многих парижских пригородов. 20 тысяч жителей, небольшой завод металлических изделий, замок XVII века, в котором в наши дни разместился музей. Добавьте к этому ипподром — вот все, что можно вычитать из энциклопедии. И если название этого городка попадает на страницы польских газет, то происходит это совсем не из-за каких-то особенностей. Думаю даже, что большинство его жителей ни в коей мере не желало бы себе такой славы. Слава эта — сомнительного качества — связана с тем, что в Мезон-Лаффит нашла приют некая организация, именующая себя Литературным институтом, а по существу являющаяся одним из главных центров идеологических диверсий против Польши.

Все началось в 1946 году, когда два «просвещенных» офицера из корпуса Андерса — Юзеф Чапский и Ежи Гедройц — создали так называемый Литературный институт и связанный с ним журнал под названием «Культура». Смысл этого предприятия был ясен: нужно было создать «культурно-политическую» базу для реакционного эмигрантского лагеря, группирующегося вокруг генерала Андерса. В те времена кое-кто еще рассчитывал на «освобождение» Польши «из-под ига коммунизма», а генерал Андерс предрекал свой триумфальный въезд в «освобожденную» Варшаву на белом коне. Центр Чапского — Гедройца тем временем должен был сгруппировать вокруг генерала «интеллектуальную группу», а точнее — вести диверсионную работу в стране и среди эмигрантской интеллигенции (ее большая часть, сражавшаяся в период войны в польских батальонах на Западе, склонялась, несмотря на антикоммунистическую пропаганду, к возвращению на родину). Но эта работа на Андерса продолжалась недолго. Гедройц (он сумел вырваться вперед, оттолкнув на второй план Чапского) был толковым агентом и быстро сообразил, что не марионетка Андерс будет предопределять дальнейшую судьбу эмиграции и что реакционная польская эмиграция нужна Западу постольку, поскольку она может стать орудием диверсий против народной Польши. Не желая пользоваться помощью посредников, Гедройц решил сам, минуя Андерса, договориться с кое-какими американскими «деятелями». Так все и произошло, и в конце концов Литературный институт перешел на службу к США. Случилось это уже после перебазирования центра Гедройца во Францию, в городок Мезон-Лаффит. Своему разрыву с Андерсом Гедройц придал спекулятивный характер: его ежемесячник «Культура» все более явно менял ориентацию, все чаще и резче критикуя ортодоксов антикоммунистической эмиграции. Высмеивая генеральские мечтания о возвращении на родину на белом коне и издеваясь над анахронизмом «освобожденческих» концепций, Гедройц знал, кому это было на руку. Американским антикоммунистам нужен был уже в те годы центр, имеющий репутацию «левой эмиграции», так как его можно было бы с успехом использовать для диверсионного проникновения в те слои населения, которые отвернулись от обанкротившихся классических концепций антикоммунизма. Но центр «Культура» (так — по названию ежемесячника — стали называть центр, руководимый Гедройцем) стал подлинным диверсионным оплотом позднее, когда в американской психологической войне против Польши наметился новый тактический курс — курс «смягчения» или «мирного врастания».

В этот период, который приходится на самое начало шестидесятых годов, и была окончательно создана концепция «Культуры», реализуемая с определенными изменениями и в настоящее время.

«Культура» отмежевалась от примитивного антикоммунизма, его традиционной «твердолобой» формы, ясно сознавая, что она потерпела фиаско. Свои антикоммунистические концепции этот центр стал преподносить в более привлекательном виде, создавая видимость политического объективизма. Яркое выражение это нашло в провозглашенной «Культурой» концепции «эволюционизма».

Сие теоретическое «открытие» центра из парижского пригорода является не чем иным, как пропагандой известной американской концепции «смягчения антикоммунизма», приспособленной к внедрению на польской почве. «Эволюционизм» тесно связан с теми концепциями, которые в свое время развивали ведущие американские «советологи» — Збигнев Бжезинский и Уильям Гриффитс в своей программе «мирного врастания». Эта программа должна, по их мнению, в конце концов привести к «мирной трансформации существующих режимов» — от «системы коммунистического типа» до «чего-то в виде социал-демократии западного толка».

Свою программу «мирной борьбы с коммунизмом» Бжезинский и Гриффитс изложили еще девять лет назад на страницах известного влиятельного журнала «Форин афферс», и программа эта как нельзя лучше соответствовала задачам психологической войны, проходящей под лозунгом «наведения мостов в Восточную Европу».

«Эволюционизм» также исходит из предпосылки, что при современном соотношении политических сил в мире традиционная политика «освобождения» становится анахронизмом. Главный интерпретатор этой теории Юлиуш Мерошевский прямо признает, что программа тотальной борьбы с коммунизмом «во всех его формах заранее обречена на провал» («Культура», июнь — июль 1968), что «классическая контрреволюция невозможна, так как польское общество не примет программы реставрации довоенного режима» («Культура», декабрь 1969). Он утверждает, что «антикоммунизм правого толка политически неупотребим, поскольку правые силы не имеют никакого шанса увлечь за собой рабочих и крестьян, а это значит, что не имеют никакого шанса свержения коммунизма...». Поэтому, провозглашают «эволюционисты», необходимо разъяснять, что речь идет не о ликвидации коммунизма, а лишь о его «демократизации», «освобождении его от догматизма». Провозглашая подобную программу, «Культура» объявляет себя союзником коммунистов-реформистов. Одновременно «эволюционисты» высказывают мысль о необходимости «обогащения» ревизионизма, об использовании новых «достижений» буржуазной мысли вроде «теории сближения взглядов».

Все это камуфляж с тем, чтобы вести борьбу с социалистическим строем с псевдосоциалистических позиций. Теоретическая эквилибристика «Культуры» не рассчитана, конечно, на массового потребителя. Она ставит своей целью проникновение в «избранные круги интеллигенции», спекулируя на некотором влиянии в этих кругах либерально-буржуазных политических традиций. «Культура» не скрывает, что хочет сформировать определенную оппозицию в народной Польше с тем, чтобы она стала организатором «массовых действий», и если наступила бы «подходящая минута», то и организатором «восстания». Об этом открыто пишет Мерошевский в своей книге «Политические неврозы», изданной в Париже в 1967 году. Одним словом, центр Гедройца желает быть «соединением сил, готовых к действию».

Такова программа, и ей соответствуют конкретные дела. Тут и издательская деятельность. Литературный институт, имеющий на своем счету почти 200 наименований изданных книг, является, наверное, самым крупным издателем антикоммунистической литературы на польском языке.

Тут и интенсивная контрабанда антикоммунистических изданий в Польшу. Но главный упор «Культура» делает на своеобразную организационную работу, она активно занимается «созданием событий», которые позднее становятся «ядром психологических операций». Здесь применяются различные методы, например, инспирирование выступлений, которые дают подтекст для антикоммунистической пропаганды. Так выглядело, например, организованное г-ном Гедройцем дело о так называемом «письме 34 польских интеллектуалов», содержащем демагогическую критику политики партии в области культуры. Теперь уже известны связи некоторых инспираторов и организаторов студенческих выступлений в марте 1968 года с центром в Мезон-Лаффит.

Издание подпольной литературы — другая форма деятельности центра. «Запрещенная литерату-

ра», которая не может якобы быть изданной в народной Польше и издается с помощью «Культуры», должна создавать видимость «интеллектуальной оппозиции». Конечно, подобного рода деятельность требует и ловкости и умения вести агентурно-конспиративную работу. Но у г-на Гедройца, который еще в 1930 году был связан со вторым отделом генерального штаба, который занимался в буржуазной Польше разведкой и контрразведкой, накопился за эти годы большой опыт.

Правда, иногда даже и таким опытным агентам случается (употребим жаргонное словечко) «засыпаться». Варшавский суд рассмотрел в недалеком прошлом дело группы молодых людей, обвиненных в шпионаже в пользу центра Гедройца. Это был процесс, поучительный во всех отношениях. С одной стороны, он выявил круг диверсионной деятельности «Культуры»; на суде фигурировали письменные инструкции Гедройца, которыми он снабдил обвиняемых, и содержали они, кроме «идеологических» установок, самые что ни на есть обыкновенные шпионские инструкции. Агенты Гедройца получили задание сбора разного рода разведывательной информации. Кроме этого, они должны были выполнить несколько других «небольших» поручений: создать конспиративную сеть в стране, связанную с центром Гедройца, наладить пути переброски антикоммунистической литературы и т. д.

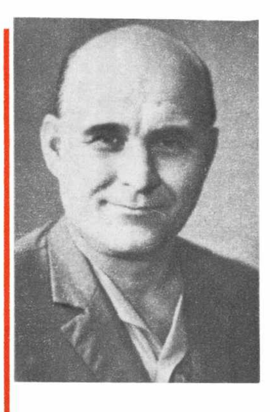
Неутомимый г-н Гедройц строил далеко идущие планы, рассматривал, например, возможности создания «Интернационала молодежи Восточной Европы», издания подпольных бюллетеней и даже создания новой диверсионной радиостанции, поскольку «слишком примитивно действующая «Свободная Европа» не выполняет, по его мнению, своей роли.

Деятельность эмиссаров г-на Гедройца была пресечена, прежде чем они добились каких-либо результатов. И в этом проявилась вторая поучительная сторона процесса. Он показал иллюзорность надежд «друзей народа» из Мезон-Лаффит. После вербовки группы молодых людей шеф «Культуры» рассчитывал, что они помогут ему заполучить новых сторонников и создадут, как писал Юлиуш Мерошевский, «аванпост в стране». Процесс убедительно показал, как неосновательны были эти расчеты. Эмиссары г-на Гедройца на каждом шагу встречались с непредвиденными трудностями. Они вели осторожные разговоры с «возможными», как им казалось, будущими сотрудниками «Культуры» и получали категорический отказ. Только небольшую горстку отщепенцев удалось завербовать.

Деяния центра «Культура» являются убедительным примером того, что враг не имеет ни малейшего желания вести борьбу в белых перчатках, что он прибегает и будет прибегать в дальнейшем к диверсионным методам и диверсии эти все теснее переплетаются со шпионажем.

«Друзья народа» из Мезон-Лаффит на этот раз проиграли. Варшавский процесс полностью демаскировал их диверсионную деятельность.

Варшава.

Владимир ФЕДОРОВ

Люди земли русской

БАЛЛАДА О ЖЕЛЕЗНЯКЕ

Беспокойный,
Широкоплечий
Призадумался
Железняк:
«Если б людям
Жилось полегче!
Как помочь им?
Скажите: как?»

Холодеют
Над морем
Зори.
Далеко
Подмосковный дом.
Море Черное,
Словно горе,
Бьется яростно
За бортом.

«Не упрятать
Меня за решетку —
Я уйду,
Убегу,
Улечу.
Знает воля
Мою походку.
Смерть, не хлопай
Меня по плечу!

Я живой.
Взять мне в руку
Кисть бы!
Море плещет
В душе давно.
Поле, роща,
Родные избы,
Душу вылью
На полотно!

Эх, орлом бы
Над степью взвиться!
Кручей белой,
Как в облаках,
Мы несемся
С Васо Киквидзе
На крылатых
Броневиках.

Бронепоезд мне!
Слушай, Одесса!
Слушай поступь мою,
Донбасс!
Подлой пуле
Меня не срезать,
Не зажмурю я
Синих глаз.

В двух руках
Холодок револьверов,
А в груди до сих пор
Печет,
Нет, не рана печет,
А вера,
Рана нынче, братва,
Не в счет.

Жить охота,
Скажу откровенно,
Смертный час
Еще не пробил.
Где же тонкая девушка
Лена?
Я, ребята,
Недолюбил.

С шепелявым свистом
Снаряды
В клочья рвут
Голубую ночь.
Гаснут звезды.
Держитесь, камрады!
Я иду,
Я спешу помочь.

Слушай зов мой,
Сестра Гавана!
Слушай, дальний
Мой брат Ханой!
Я иду к вам
Сквозь рев океана,
Сквозь года,
Сквозь палящий зной».

АЛАЯ ЗВЕЗДА

Виталию Буханову

Твой цветок
Вдруг распустился
В стужу.
Что ему
Метель и холода!
Распахнула лепестки,
Как душу,
Алая звезда.

В ней твоя надежда,
Совесть,
Вера.
Эта не увянет
Никогда!
Нет, не станет
Розовато-серой
Алая звезда.

Над моей
Березовой Россией
Раскрылилась
Синих туч гряда.
А в окне
Пылает негасимо
Алая звезда.

ОКА

Над Окой
Снежок, снежок.
Слякоть.
Мгла осенняя.
Что ж во тьме
Меня обжег
Ты, костер
Есенина?
У бревенчатой
Избы
В эту ночь
Угрюмую
Над костром
Его судьбы
Горько
Думу думаю.

Вдруг дохнет
Издалека
Древней
Деревенщиной,
Душу захлестнет
Тоска,
Боль
Рязанской женщины.

И, как звезды
На земле,
Брызжа
Тихой негою,
Вдруг засветятся
Во мгле
Окна
Анны Снегиной.

Дремлет
Неоглядный дол.
Где-то там,
За кручею,
Мой отец
Плетушки плел
Под ветлой
Плакучею.

Эти дали
Полюбя,
Сизые,
Неясные,
Раздарить
Всего себя —
Что еще
Прекраснее?

Мне до слез
Мила,
Близка
Эта зыбь осенняя,
Эта плавная Ока,
Моего отца
Река
И река Есенина.

БЕЛГОРОДСКИЕ УЛИЦЫ

Окна, окна...
Их всего четыре.
Может, блещет
Елка в них нарядная?
Для меня дороже
В целом мире
Нет дверей,
Чем старое парадное.

Улицы,
В ребячестве вспыленные,
Солнечно-просторные,
Прекрасные.
Улица Народная,
Буденного,
Улица Литвинова
И Красина.

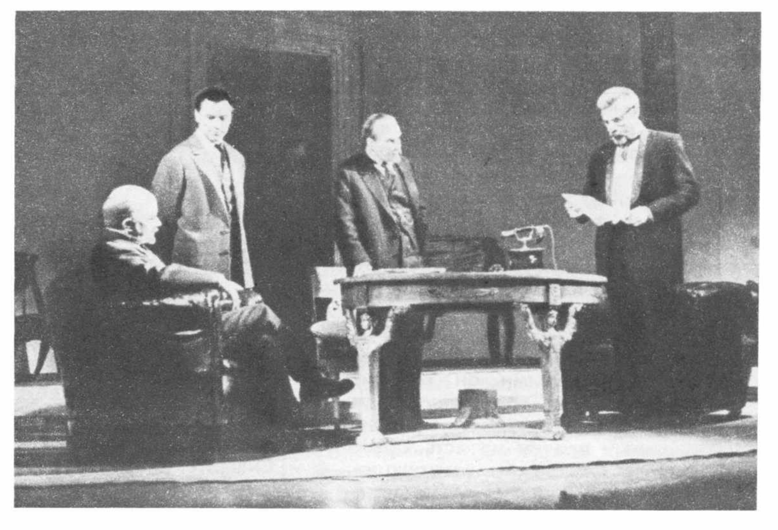
Ваш размах
Когда-то дал мне крылья.
Ваши горки снежные
Растаяли.
И давно асфальтом
Здесь покрыли
Травы те,
Что пятки
Щекотали мне.

Годы, годы!
Лишь глаза закрою,
Так и вижу
Все тропинки детские,
Вижу парк
За Белою горою,
Волны родниковые
Донецкие.

Жаворонком
Сердце вдруг взовьется,
Дрогнут золотые
Струны-нити...
Если мое сердце
Разорвется —
В Белгороде
Сердце схороните.

И нестареющая русская классика, и классика революционная — вечно живые образы, связанные для нас с творчеством писателей, заложивших основы социалистического реализма, и новые произведения о подвигах людей, идущих за Лениным, отстаивающих идеи коммунизма, появились на сцене театров страны в апреле—мае 1970 года, обогатив афишу, расширив зрительские горизонты...

Револю

«Признание» — так называется сценический вариант романа С. Дангулова «Дипломаты».

Премьера состоялась на сцене Малого театра в ленинские дни.

Фото И. Ефимова.

Героями «Путеводной звезды» — пьесы Камиля Яшена — являются Владимир Ильич Ленин, Михаил Васильевич Фрунзе... Сейчас спектакль «Путеводная звезда» вышел в Узбекистане.

В театре имени Хамзы роль Ленина исполняет З. Мухамеджанов; в роли Фрунзе — М. Юсупов.

Фото И. Душкина.

На вахтанговской сцене опять идет погодинский «Человек с ружьем». В роли В. И. Ленина, некогда сыгранной знаменитым Щукиным,— Михаил Ульянов. Солдата Шадрина, роль которого раньше исполнял И. Толчанов, сейчас играет Н. Гриценко.

Фото М. Чернова.

Старшее поколение хорошо помнит дружную пару — профессора Полежаева и его жену Марию Львовну. Нынешние молодые зрители горячо им радуются, встречая в этих ролях на сцене Московского театра имени Ленинского комсомола артистов С. В. Гиацинтову и В. Д. Ларионова.

Фото В. Кузьмина (ТАСС).

ЦИИ ПОСВЯЩАЕТСЯ...

В Большом театре Союза ССР с неизменным аншлагом идет опера «Семен Котко», музыка С. Прокофьева.

Фото А. Степанова.

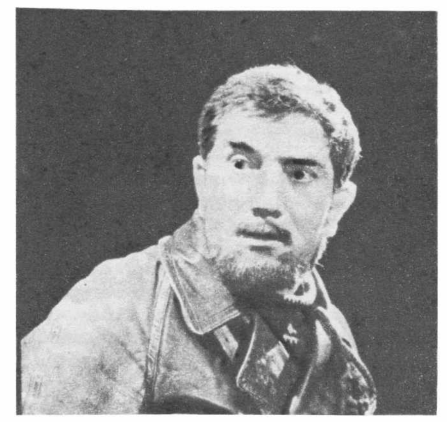

Москва, Театр сатиры. «У времени в плену». Новое произведение А. Штейна рассказывает о жизни и творчестве писателя-большевика Всеволода Вишневского. Играет эту роль артист А. Миронов.

В Тбилиси, в Театре юного зрителя, в пьесе В. Дарасели «Дивизия № 16» воссоздан легендарный образ комдива Киквидзе. Вот он в центре, коленопреклоненный командир (артист Р. Микаберидзе), в окружении своих соратников по революционным битвам.

Фото Г. Хамашуридзе.

«Разгром» А. Фадеева получил интересную сценическую интерпретацию: пьеса М. Захарова и И. Прута идет в Театре имени Маяковского в Москве. В центральной роли Левинсона — А. Джигарханян.

Фото И. Ефимова.

Театр имени Моссовета отметил ленинский юбилей спектаклем-концертом, где была представлена классика, любимая Ильичем.

В. П. Марецкая и Р. Я. Плятт в сцене из «Иудушки Головлева».

Фото В. Петрусовой.

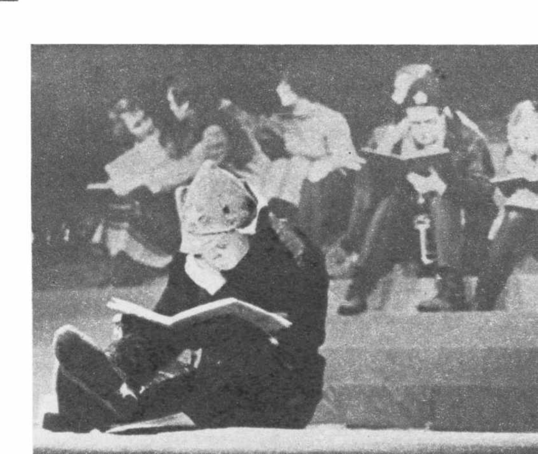
Южно-Сахалинск... Театр имени Чехова в ознаменование столетия со дня рождения В. И. Ленина показывает драматический спектакль «Тихий Дон». Сценическая композиция по мотивам шолоховского романа создана Н. Охлопковым и Ю. Лукиным.

На фото: Григорий Мелехов — в исполнении артиста В. Поздина и Прохор Зыков — артист В. Бантин.

Постановка пьесы «Память сердца» А. Корнейчука осуществлена Белорусским Академическим театром имени Янки Купалы. Екатерину Михайловну играет М. Захаревич. В роли Кирилла Сергеевича — Б. Владомирский.

Фото Вл. Крука.

А это одна из премьер Эстонии. Спектакль «Двадцать лет спустя» М. Светлова поставлен в Таллине Русским драматическим театром.

Фото В. Сальмре.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Герой и его время

Виктор ПЕТЕЛИН

Советская литература, как и всегда, в последние годы занята созданием образа человека гармоничного, духовно богатого, сознательно строящего коммунистическое общество. Вместе с тем человек в наше время только тогда становится крупным, сильным, ярким, когда он выражает интересы народных масс, когда органически сливается с народом, разделяя с ним и радости и беды.

В современном литературном движении по некоторым теоретическим и практическим вопросам и проблемам наблюдаются различные точки зрения или различные оттенки суждений, в частности о народности, художественной правде, о героическом в искусстве, в том числе и о положительном герое, и т. д. Не случайно на Третьем съезде писателей РСФСР об этом говорилось в докладах Михаила Алексеева и Василия Федорова, в выступлениях Сергея Михалкова, Виталия Закруткина, Сергея Викулова, Петра Проскурина, Виля Липатова и др. «Боясь, как бы их не обвинили в лакировке, в приукрашивании действительности,— говорил с трибуны съезда Михаил Алексеев,— некоторые писатели специально накладывают темные пятнышки на положительного героя — так, мол, с крапинками, он будет выглядеть более жизненно, более реально. Хитрость эта не может обмануть читателя: искусственная дозировка будет сейчас же замечена им с великим неудовольствием и не в похвалу автору».

«Наше понимание народности,— отмечал в своем выступлении В. Закруткин,— неразрывно связано с тем, чем живет, как мыслит, чего хочет, о чем мечтает, за что борется советский народ. Именно потому, что самая высокая цель народа — построение коммунистического общества, мы не можем оторвать народность литературы от ее коммунистической партийности».

Партийность и народность, правда жизни и правда литературы, положительный герой — вот проблемы, которые глубоко волновали делегатов и гостей съезда. Герои лучших произведений последнего времени — плоть от плоти того большинства, которое идет в авангарде строителей коммунизма. Изображая жизнь как она есть, художники создают многогранную картину реальной действительности, в которой запечатлены не только серьезные достижения на путях строительства нового мира, но и те недостатки и упущения, которые порой серьезно отзываются на темпах нашего продвижения вперед, на отношениях между людьми. Настоящая литература призвана говорить всю правду о своем времени, всю правду о герое нашего времени, какова бы она ни была.

...Вся жизнь Еремея Ивановича Бисеркина, героя рассказа Н. Родичева «Будет день...» (журнал «Москва»), прошла на шахте, на людях. Ничего не таил он от людей — ни своей смелости, ни своего мужества, ни своей силы. Честен и бескорыстен его жизненный путь. Почетный шахтер Еремей Иванович Бисеркин давно вышел на пенсию, а на всех собраниях по-прежнему его продолжают выбирать в президиум, тепло отзываются о нем. Память о его подвиге в годы гражданской войны неистребимо живет в сердцах его земляков. Из поколения в поколение передавалась людская молва о том, как в давние времена Еремей Иванович, прозванный Яремой, рискнул своей жизнью, спустился под землю, прошел несколько километров забытыми ходами к основанию шурфа, поднялся по темному колодцу вверх и обрушил пробку на себя. Только чудо спасло его да человеческая смекалка.

В этом рассказе Н. Родичев славит обыкновенного человека, сошедшего в подземелье для того, чтобы люди могли заняться привычным трудом, для того, чтобы «возвратить этому миру его реальные черты, а людям — надежду». До поры до времени был маленьким, незаметным, рядовым. Но пробил его час, благородное сердце его повело на подвиг, «мысль возвышенная» окрасила все его поступки.

«Ради всех нас Ярема опустился в заброшенный рудник. Каждый шахтер поймет, что это значит. Ярема постоял за наше дело, как первый воин стоит в битве за отечество».

«Бухтины вологодские» Василия Белова (журнал «Новый мир») привлекли внимание читателей необычностью жанра и новизной человеческого характера. Образ Барахвостова — веселого, неунывающего деревенского фантазера — во многом явление новое в нашей литературе. Его «бухтины вологодские» — побасенки, выдумки — полны неподдельного юмора, точных и метких наблюдений над самим собой, над окружающим его миром. Много серьезного и забавного, комического и трагического найдет читатель на страницах «Бухтин вологодских». Над чем-то задумается, о чем-то погорюет, а над чем-то весело посмеется.

Своеобычно складывается литературная судьба Ивана Ефремова, одного из виднейших представителей современной фантастики. Почти полтора десятилетия назад профессор палеонтологии, известный путешественник и исторический романист опубликовал теперь уже переведенную на многие языки утопию «Туманность Андромеды». Утопия эта как бы предвосхитила последующую глубокую метаморфозу фантастического жанра: описание проблем техники и технологии стало уступать место изображению нравственных проблем будущего.

Смогут ли цивилизации, разбросанные по необозримым далям пространства и времени, понять друг друга? Смогут ли объединиться в грядущее братство разума, замкнуть Великое Кольцо торжества коммунистических идеалов? Смогут, отвечал писатель в «Туманности Андромеды».

Прошли годы. Реактивные лайнеры опутали Землю нитями межконтинентальных трасс. Глубоководные экспедиции вторглись в океанские недра. Человечество приступило к освоению околосолнечных просторов. Но реактивный гром — лишь слабый отзвук тех величайших социальных битв, которые ведутся на нашей планете против расовой ненависти, против угнетения разумными существами себе подобных разумных существ.

Эти животрепещущие проблемы проецированы в будущее в новом произведении И. Ефремова — романе «Час Быка» (журнал «Молодая гвардия»).

Роман «Час Быка» — убедительное свидетельство того, что лишь художник, владеющий цельным, гармоническим мировоззрением, способен в наш век создавать высокохудожественные произведения. Все произведения И. Ефремова — убедительнейшее подтверждение его давнего высказывания о том, что мир не должен дать себя запугать грядущими сложностями. Пренебрежение к нуждам и чаяниям простых людей, эгоизм, культ сверхутонченных переживаний — вот качества, которые будут чужды потомкам нашим, равноправным членам коммунистического общества. Роман «Час Быка» — художественное исследование высшей, коммунистической справедливости, первоосновы грядущего духовного бытия.

В романе ныне покойного прозаика Дмитрия Зорина «Русская земля» есть слова, в которых философски оформилась одна из ведущих тенденций современной литературы — память о великой истории нашего народа, уходящей своими корнями в тысячелетнее прошлое: «Иди вперед, не оглядываясь назад»,— говорят нам только злейшие враги, духовные слепцы, желающие казаться зрячими. Сражающийся

человек, страдающий и радующийся, независимо от своего желания в минуту важного решения оглядывается назад, на свою жизнь, потому что его жизнь светит из глубины, как солнце издали. Разумно увидел прошлое наш внутренний светоч в едином целом — значит, жизнь человека отгадана в будущем; не проник на всю глубину пройденных троп или испугался несладкой правды минувшего — человек искажен; беспамятный, он мытарит без дороги, как перекати-поле, не зная радости веры в красоту жизни». Вот такую внутреннюю связь нынешнего с минувшим закрепляют в сознании своего читателя такие разные по своей творческой манере художники, как Георгий Марков, Григорий Коновалов, Николай Шундик, Анатолий Ананьев. Читаешь их романы и будто совершаешь увлекательное и вдумчивое путешествие по сегодняшней и вчерашней России. Перед читателем оживают цельные, необычные характеры, раскрывается щедрая природа сибирской тайги и трогательная красота среднерусского пейзажа. Предстают сложные моральные, политические, экономические проблемы, а события развиваются в различных уголках нашей необъятной Родины. Многое отличает названных писателей друг от друга как художников: выбор темы, характеров, композиция, стиль, отношение к языку, но каждый из них проводит, естественно, посвоему одну и ту же глубокую мысль, высказанную еще Белинским: у прошлого мы испрашиваем свое будущее. За последнее время все мы убедились, что вчерашнее вместе со своими проблемами входит в нашу сегодняшнюю жизнь. И наше время учитывает уроки прошлого, вбирая в себя все ценное, доброе, отбрасывая любое отступление от коммунистических принципов. Так созидается большая правда нашей действительности, так торятся дороги будущего.

Роман Г. Маркова «Сибирь» (журнал «Знамя») посвящен изображению предреволюционных событий в Сибири. Правда, опубликована только первая часть крупного произведения, и пока трудно предполагать, как развернутся события и какую роль автор отведет каждому из намеченных персонажей, но уже и сейчас можно сказать, что роман задуман как эпическое повествование, в центре которого стоят образы большевиков — организаторов революционных событий в Сибири. С побега из ссылки одного из видных большевиков, Ивана Акимова, и начинается роман «Сибирь». По решению комитета, Акимов должен пробраться в Стокгольм, «явиться к Лихачеву, быть возле него, спасти материалы научных изысканий ученого от расхищения зарубежными коршунами, сберечь их для отечества, которое скоро, совсем-совсем скоро станет царством рабочих и крестьян...». Заблудился бы он, пропал в непроходимой тайге, если бы не счастливый случай, в результате которого он оказался под присмотром хороших людей, близких большевикам.

Особенно привлекателен старый рабочий Федот Федотович, с которым Акимову пришлось провести много дней. Трудная жизнь выпала Федоту Федотовичу. Десять годов каторги и вечное поселение получил он за самосуд над предателем, выдавшим руководителей забастовки. Внимательно слушает Иван Акимов рассказ старого рабочего, и чувство настороженности постепенно исчезает. Такой не подведет.

Роман Григория Коновалова «Былинка в поле» (журнал «Москва») переносит нас в 20-е годы, в одно из сел Пермской губернии. Казалось бы, традиционная разработка традиционной для нашей литературы темы. Но удивительное дело: Григорий Коновалов ни в чем не повторяет в романе своих литературных предшественников, настолько своеобразны характеры главных действующих лиц, настолько крепок и индивидуален язык художника. Роман Григория Коновалова привлекает внимание не только острыми событиями и драматическими положениями, с описания которых он начинается,— действие потом замедляет свой первоначальный бешеный темп, входит в свои спокойные берега, становится даже чуть-чуть замедленным, а интерес к роману все увеличивается. Оно и понятно: в экспозиции наметились действующие персонажи, а потом зажили своей полнокровной, самостоятельной жизнью, уже неподвластной художнику.

Григорий Коновалов, разумеется, много уделяет внимания социальным преобразованиям на селе, его герои готовятся к новой жизни в колхозе. На этой почве происходят и трагические и комические эпизоды, но все-таки главный интерес художника привлечен к исследованию душевных переживаний, к тому человеческому в человеке, что наиболее точно раскрывает истинную суть действующего лица. Вот почему Григорий Коновалов часто оставляет человека наедине с самим собой, наедине со своей совестью.

Кто бы мог подумать, что в Автономе Чубарове столько дикой ярости, безрассудства, какой-то отвратительной накипи, непостижимо откуда взявшейся! До женитьбы на Марьке он слыл весьма добропорядочным молодым человеком, завидным женихом, а тут словно подменили, настолько стал он неузнаваем. Внимательно и чутко художник исследует его душу, тонко мотивируя все его поступки, порой противоречащие друг другу.

Влас Чубаров во время гражданской войны так и не выбрал себе правильную дорогу. Запутался, живет под чужим именем, пока мучительно не приходит к нему понимание невозможности прежнего, затравленного существования. Качался Влас, как былинка в поле, из стороны в сторону, так и погиб беззащитным и одиноким от рук своего атамана.

Драматична судьба Василисы и Кузьмы Чубаровых. Сильные, умные, добрые, смелые люди, а жизнь не удалась им: два сына, и оба с какими-то вывихами. Любят друг друга, а душевности в их отношениях нет. Особенно интересен, оригинален образ Кузьмы. Он мог остаться дома, с семьей, если бы не признал за собой вины в содеянном преступлении. Но нет, Кузьма сам объявился, пошел на каторгу страданием искупать свой грех. А вернувшись, спокойно, какими-то отрешенными глазами смотрел на все происходящее вокруг. Внешне он ничем не проявляет своей заинтересованности в жизни, словно надломилось в нем что-то, а между тем голова его была полна раздумий о смысле жизни, сердце его билось в тревоге и волнении за своих близких и родных.

«Былинка в поле» — роман о судьбах наших отцов, о том, как трудно зачиналась новая жизнь, как люди жестоко ошибались и все-таки находили свой путь в ней, как в болезненной ломке старого быта рождался иной уклад человеческих взаимоотношений.

В романе А. Ананьева «Межа» (журнал «Октябрь») берется совсем другой жизненный материал — в центре его работники милиции, подполковник Богатенков и следователь Егор Ковалев. Но в своих мыслях и переживаниях им часто приходится возвращаться к своему крестьянскому прошлому, к тридцатым годам, когда многое сегодняшнее только обозначилось.

Сын Богатенкова Николай приехал на каникулы к отцу. Приехал не с пустыми руками, привез рукопись под громким названием «К истории крестьянства». Прочитали ее отец, школьный учитель и профессор экономики, и все в один голос отвергли несостоятельность исходных позиций ее автора: молодой историк делает серьезные обобщения на основе фактов жизни одного села Федоровки, да к тому же истолкованных однобоко. Тяжело переживает отец заблуждения сына, казня самого себя за то, что, видно, пожалел в свое время сына, оберегал его от сложностей и противоречий жизни, с которыми самому приходилось сталкиваться. Вот и возмездие: другой рассказал его сыну о том времени, когда бушевали классовые бои, но рассказал со своей точки зрения, всячески затушевывая остроту классовой борьбы в период коллективизации.

Николай писал историю Федоровки со слов раскулаченного Минаева, в подвале которого со времен гражданской войны хранились винтовки и патроны, припрятанные белогвардейцами. И получилось, разумеется, однобоко и неверно. Он не увидел главного в деревне — героическую ее сторону. Описывая страдания одного маленького человека, он упустил из виду движение и развитие всего народа. «Нужно по крайней мере пересечь Россию вдоль или пройти ее поперек,— советует ему школьный учитель,— и посмотреть, и увидеть, и записать тысячи фактов; нужно совершить подвиг... Если вы пройдете по России, вы напишете нечто другое...»

Сам же Богатенков-отец стремился к спокойствию и размеренности, он достиг того возраста и положения, когда, казалось, ничто не сулит ему неожиданных случайностей. Особенно большую душевную разладицу стал он испытывать после того, как прочитал рукопись сына. Неужели между ним и сыном пропасть? Как же он просмотрел самое главное — духовное развитие сына? Мучительно раздумывает Богатенков над случившимся, предельно откровенен он с сыном, говорит ему жестокую правду.

Впервые в жизни Богатенков отступил от своего духовного принципа и научил сына распознавать лицо классового врага. Долго потом Николай будет вспоминать отцовские советы и извлекать из них житейские уроки. В романе «Межа» развенчивается ложное отношение к крестьянину, к деревне как понятию внеисторическому и внеклассовому.

Новый роман Н. Шундика «В стране синеокой» (журнал «Волга»)— безусловно, примечательное литературное явление. Он внушительно масштабен по охвату событий недавних лет, значителен и серьезен по существу жизненного материала, подкупает смелостью, остротой осмысления вопросов государственной важности, хотя и есть в нем, к сожалению, свои заметные художественные просчеты, слабые сцены, скорописью заполненные страницы.

В своем «Признании автора» Н. Шундик не называет место действия романа, считая, что события, происходящие в романе, могли быть «и в центре России, и в Сибири, и на Дальнем Востоке». Он только подчеркивает, что «сложность событий, с которыми встретится читатель в романе, быть может, оказалась больше всего примечательной для одной из областей России».

С уважением отнесемся к этому авторскому признанию и не будем отыскивать на карте России его страну синеокую, хотя место ее нахождения можно определить довольно точно. Зато времени действия автор не скрывает: в 1967 году, когда развертываются события романа, герои его все еще возвращаются в своих мыслях к драматическому 59-му году. Именно тогда вся страна, затаив дыхание, внимательно следила за ходом выполнения невероятных с точки зрения здравого смысла обещаний: область взяла на себя обязательство дать три годовых плана по заготовке мяса.

Теперь-то мы знаем, чем кончилась вся эта грандиозная затея. Есть на этот счет соответствующие решения и постановления. Но Н. Шундика, разумеется, интересует не внешний ход событий, который вполне можно установить по газетам. Его увлекают прежде всего внутренние процессы, происходившие в душах участников этого рискованного эксперимента, и социально-нравственные коллизии, возникшие в обстоятельствах, быть может, из ряда вон выходящих.

Писатель Евгений Браташ, секретарь обкома Соколов, председатели колхозов Ганин Денис Денисович и Надюха Калинкина, режиссеры, актеры, животноводы, колхозники — представители всех слоев населения проходят перед нами, высказывают свои мысли, раскрывают свои чувства и переживания. Хотя действие происходит в сегодняшние дни, но главный интерес писателя сосредоточен на дне вчерашнем: как же так получилось, что область, взяв на себя непосильные обязательства, все-таки «выполнила» их? Как чувствовали себя люди, получая незаслуженные награды? Особенно интересен образ председателя колхоза Митягина. Фронтовик, Герой Советского Союза, умный, честный, талантливый организатор, он оказывается в таком драматическом положении, когда, думается, трудно найти выход, не нанеся ущерба собственному достоинству.

Трагична судьба первого секретаря обкома Буянова. В романе раскрыт образ человека умного, глубокого, талантливого, со сложным, противоречивым характером. В молодости он был бесшабашно смелым, о его безудержной храбрости ходили легенды среди чоновцев, вместе с которыми он сокрушил не одну банду. В мирной обстановке такая бесшабашность была неуместна: другие качества выдвигали людей на первые роли. И бывший командир засиделся на вторых ролях, почти смирился с этим, когда вдруг «судьба» выдвинула его в первые секретари обкома. В области его полюбили за редкую душевность, умение найти подход к людям, признать свои собственные ошибки, за честность и бескорыстие, правдолюбие. Это прирожденный вожак, способный проявить жесткую власть и ограничить тем самым свободу действия разгильдяям и подлецам, выступить блестящим организатором, увлечь широкие народные массы на выполнение рискованно смелых обязательств. Но сложность его характера этим не исчерпывалась. В нем было и такое, что привело его к бесславному концу. Ему хотелось прогреметь, сил для этого хватало, не хватило только терпения. Ему казалось, что одним волевым наскоком можно добиться того, что возможно только при скрупулезном научном учете всех объективных экономических законов. Он понял свою ошибку слишком поздно, когда не было

Грани творчества

Фельдмаршал Суворов на горячем коне приветствует чудо-богатырей...

Бешено несутся по цветущей весенней степи, обгоняя друг друга, кони. Далеко разносится глухой топот. Это в разгаре веселая забава киргизской молодежи «Кыз — куу» — «Догонишь — поцелуй»... Пытается встать на длинные, нескладные ноги жеребенок. Другой, постарше, уже бежит бок о бок с матерью-кобылицей, с любопытством озирая мир. Кто знает, может, и они будут когда-нибудь, как красавец Ихор, выделывать сложные курбеты перед восхищенными зрителями под плавные звуки вальса.

Множество таких живых сцен, заставляющих задуматься или залюбоваться, выполнено скульптором Анатолием Ивановичем Посядо.

Ваять лошадей — дело необыкновенно трудное. Оно требует многих творческих усилий, великого умения: владения мастерством наброска с движущейся модели, феноменальной зрительной памяти, огромного терпения, способности приметить привычки и повадки животного. А главное, нужна любовь к животным. Но зато все это щедро вознаграждается тем богатством живых впечатлений, которые может передать мастер-анималист: ураганно-стремительное движение и спокойная грация, сила и воплощенное совершенство живых пропорций, трогательная беспомощность и гордое великолепие... Вспомним, как любили и умели изображать этих благородных и прекрасных животных русские мастера скульптуры П. К. Клодт, Е. А. Лансере. Кто бывал в Третьяковской галерее или Русском музее, тот обязательно любовался их полными жизни, динамики, очарования произведениями.

А. И. Посядо продолжает эту традицию русского искусства. Основой для творчества скульптора является непосредственно наблюденная натура, а целью — выражение жизненной правды. Однако, не пренебрегая подчас самыми мельчайшими подробностями, ваятель стремится выявить главное для воплощения художественного образа. Рассматривая работы Анатолия Посядо, представленные на вкладке номера, вы и сами отметите, что, например, в группе «Кыз — куу» напряженность каждой мышцы словно бы превращает скачущих коней в сгусток неукротимой энергии. А в чистой и гармоничной линии скульптуры «Золотой призер Мехико Иван Кизимов на Ихоре», в слитности фигур всадника и коня как бы воплощен высокий класс советской школы конного спорта.

Любил лепить животных Анатолий Посядо еще тогда, когда работал слесарем на одном из московских заводов, а вечерами посещал изостудию при МОСХе. Каждую свободную минуту отдавал любимому искусству, пока не посвятил ему всю жизнь.

Скульптурные этюды с натуры, сделанные Анатолием Ивановичем по непосредственному впечатлению,— еще и материал для создания мастером больших монументальных композиций, конных памятников, которые чаще всего посвящены у него героям гражданской войны.

...Можно только поражаться, как с одинаковой убедительностью и проникновением в правду жизни воплощает скульптор очень разные образы. Здесь и русские полководцы Александр Невский, Суворов, Кутузов, Багратион — величавые, мужественные, исполненные силы и победного пафоса. И былинный герой-богатырь Добрыня Никитич. И персонажи любимых книг — чеховский «Ночной извозчик», толстовский «Холстомер», «Печорин и Мери на прогулке», запечатленные с редкой глубиной раскрытия характеров, понимания стиля литературного произведения.

В 1946 году, сразу же после окончания Суриковского института, Посядо создал свою первую конную композицию «Ворошилов, Фрунзе и Буденный». Через несколько лет эта тема была продолжена в конных памятниках — Г. И. Котовскому в Кишиневе, созданном в соавторстве с Л. И. Дубиновским и И. Г. Першудчевым; М. В. Фрунзе — в столице Киргизии, исполненном Анатолием Ивановичем тоже вместе с Дубиновским.

Вершиной творчества художника было создание монумента В. И. Ленина на Байконуре, явившегося результатом долгих поисков мастера, огромного труда и усилий.

Что бы ни создавал Анатолий Посядо, стоя у скульптурного станка, все его работы, исполненные с любовью и мастерством, встречаясь со зрителями, заставляют людей радоваться щедрому многообразию таланта скульптора...

Эльвира **ПОПОВА.**

возможностей для отступления. А все как будто шло удачно: область награждена, многие работники области отмечены орденами,— а первый секретарь обкома мрачно сидит за банкетным столом, зная, какими нечестными путями удалось выполнить свои обязательства перед государством. И не только он — об этом знали и все здесь собравшиеся. Радовались своим наградам только самые бесчестные и бессовестные люди типа младшего Ганина. Вся эта сцена пронизана истинным драматизмом.

Н. Шундик особенно остро ставит вопрос об ответственности художника перед своим временем и перед теми людьми, с которыми сталкивает его жизнь. Мысленный спор Браташа с заезжим литератором Завягиным — спор принципиальный, спор о художественной правде и о правде жизненной. Браташ видит, «как глубоко задумалась умная, серьезная молодежь, кто не желает ни физической, ни нравственной расправы без суда и следствия над кем бы то ни было. Такие хотят понять доподлинно, и кем был Буянов и многое другое... Этим подай, художник, исчерпывающее исследование фактов, людских поступков по строжайшим законам исторической объективности, им воздух подай, взаимосвязь событий». Ради этих читателей мучительно постигает Браташ драму Буянова.

В повести Ивана Петрова «Сенечка» (журнал «Волга») исследуются, в сущности, те же проблемы, что и в «Стране синеокой». Колхозная земля и хозяйское, разумное отношение к ней — вот центральная проблема повести. Новый секретарь райкома Катков рекомендует Семена Васильевича Смирнова — Сенечку, как любовно прозвали его на селе,— заместителем председателя колхоза. Казалось, кончились теперь житейские злоключения Сенечки, о которых мы узнали из первой части повести. Теперь и его жена вздохнет спокойно: твердая зарплата даст ей возможность сводить концы с концами. Но не тут-то было. Не таков характер Сенечки. Беспокойство охватило его, когда он увидел, как грубо, по-барски обращается председатель Агафонов с рядовыми колхозниками. Не смолчал он. В первый же день работы в новой должности много «вопросиков» встало перед ним: почему царит такая бесхозяйственность кругом, почему лишают огорода старую колхозницу, отдавшую свои трудовые тридцать лет колхозу? Сенечка ходит по деревням, присматривается к людям, понемножку наводит порядок.

Семен Васильевич был из тех русских людей, которых называют одержимыми. Ради дела, ради исполнения своих замыслов он не жалел себя, все дни пропадал в бригадах, на фермах, вникая в каждую мелочь колхозной повседневности. И понял основное: устала земля, сколько уж лет не дают ей отдыха, а только пашут и берут, пашут и берут, ничего не давая ей взамен. Склонился Семен Васильевич над землей, вдохнул грудью ее запахи, и словно повеяло от нее «мертвым холодом, глиной и металлом. Разве так пахнет и так волнует настоящая земля, которая родит?». Семен Васильевич понимал, что «у земли, как и у людей, жизнь была не менее трудная и самоотверженная, и говорить с землей, выслушивать и понимать ее жалобы было так же мешкотно, как и говорить с людьми».

Вскоре колхозники на общем собрании порешили: пусть «доброта ходит в председателях, строгость в заместителях», то есть избрали Сенечку председателем, а Агафонова понизили до заместителя. Но самое серьезное жизненное испытание только, оказывается, наступило. Разумные времена быстро прошли, началось лихорадочное время «модных новинок». То внедряли овес, то изничтожали его под корень, то ратовали за прогрессивное круглогодовое стойловое содержание коров и предавали анафеме луга и пастбища и т. д. и т. п. Тогда-то началась духовная драма Сенечки. За свою жизнь он привык уважать слово и законы высшей власти, науки, государственной необходимости, но сейчас, когда от председателя требовали то одного, то другого, то третьего, кончилось его терпение. Он по характеру своему не мог приспосабливаться к неразумному, думать одно, а говорить и делать другое. Его поражало, что другие, например, председатель райисполкома Мамаев, могли делать то, во что не верили. Что это — страх за себя, трусость? Семен Васильевич твердо решил быть хозяином земли, не слушаться глупых назиданий из района. «Перестраивайтесь в конторах, гремите табуретками, ежели зудит, никто не против, но землю — не трожьте!» Но вышло не так, как думалось. Сняли с председателей, исключили из партии. Приходили мысли оставить родную деревню, заняться каким-нибудь другим делом, но сердцем он был связан с землей. Хотел рядовым колхозником поработать, ведь «без дела колхозного сгаснуть можно». Но стыдно было бригадирше поручить ему что-либо, потому что в колхозе верили, что справедливость восторжествует и восстановят его и в колхозе и в партии. И народ оказался прав. Не чувствуя своей вины ни перед колхозом, ни перед партией («Поспорил я не с партией, а с теми, кто жизнь корежит, линию искажает»), Семен Васильевич добился восстановления в партии, а колхозники снова избрали его своим председателем. Так закончилось это драматическое повествование о Сенечке, честном, мужественном человеке, завоевавшем народное доверие своим бескорыстием и преданностью земле, всему колхозному делу.

Окончание следует.

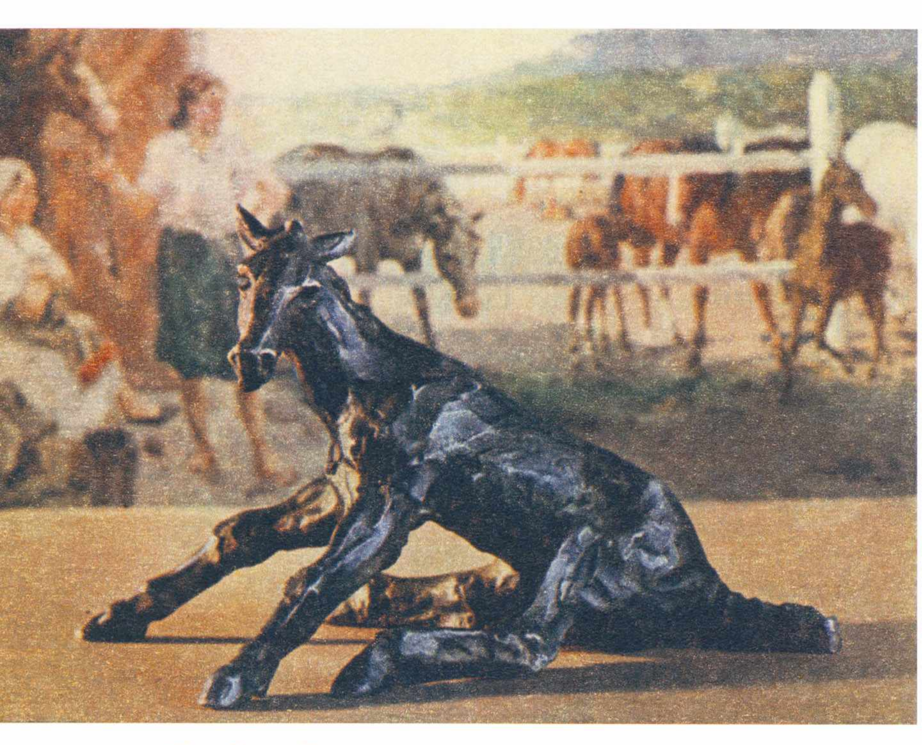
А. В. Суворов. Работа скульптора А. Посядо.

Фото Д. Ухтомского.

Работы скульптора А. Посядо.

Кыз-куу

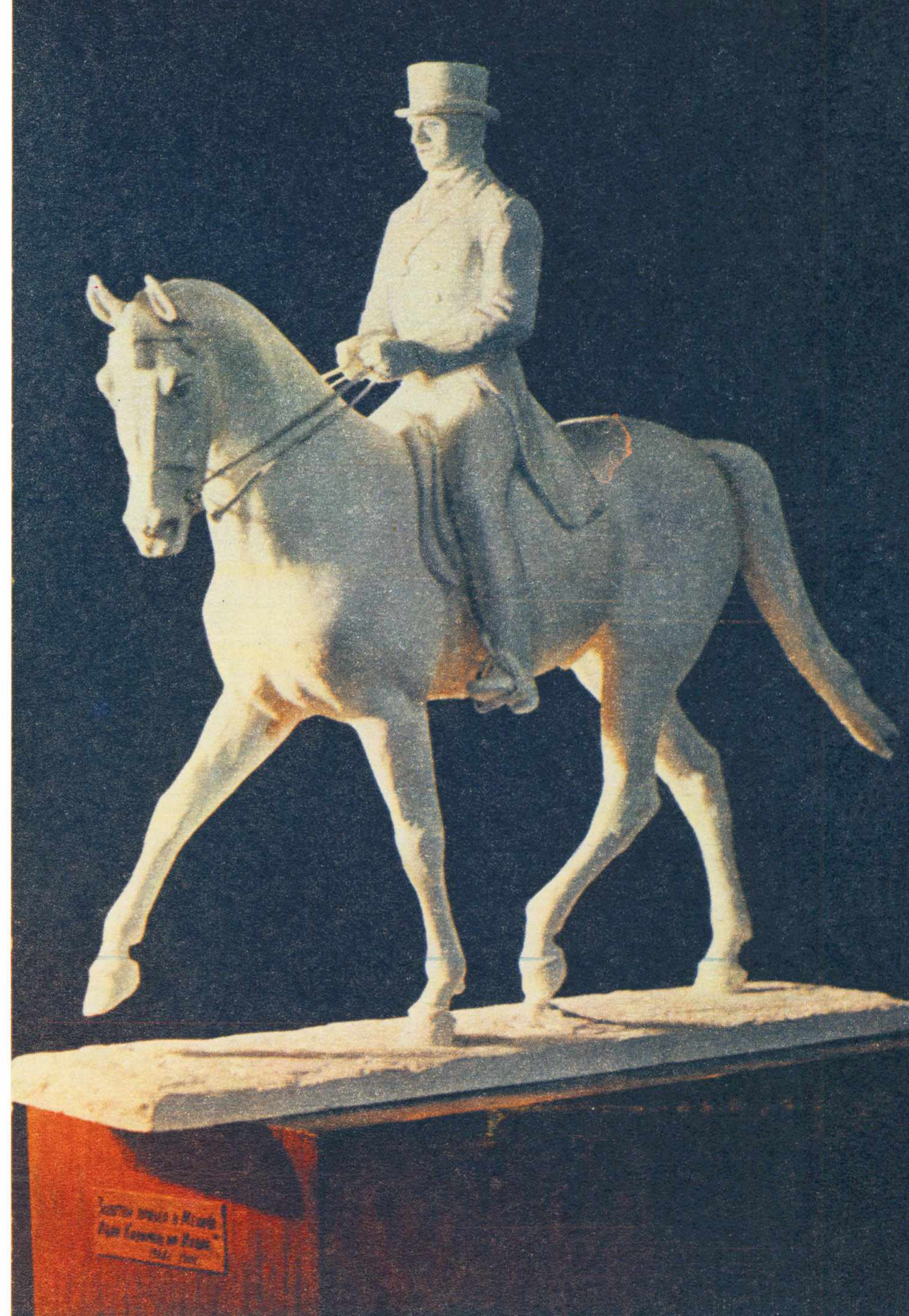

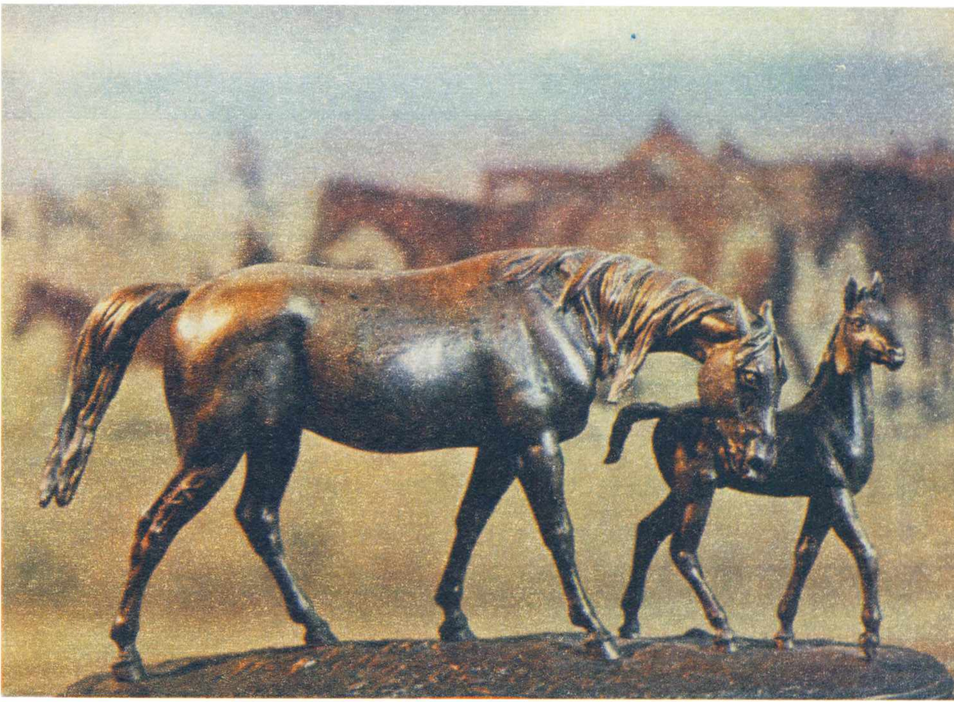
Жеребенок. Первый день.

Весна. Кони на воле.

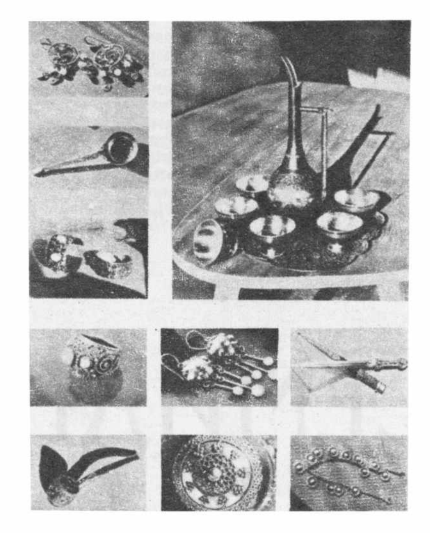

Золотой призер Мехико Иван Кизимов на Ихоре.

Лошадь с жеребенком.

Нина ВЕРИНА

Мастер, воспитай ученика!

Маленький дом притулился на Лоткинской горе в Тбилиси. Маленький дом, ничем вроде не примечательный. Зато сад вкруг него хорош. Особенно весной, когда яблони и персики в цвету, и под осень, когда созревшие плоды золотятся и алеют под солнцем, а прозрачные виноградины среди листвы светятся, как цветные каменья. Днем в саду звенят голоса трех крошечных девчонок, и в доме, вторя им, так же звонко, и весело, и дробно стучат по металлу молоточки-чеканы.

Здесь, в этом современном жилище, мягко и ласково блестит серебро. Кажется, кто-то высыпал сказочные сокровища из тронутого временем сундука. Блюда, кувшины, кубки, сервизы, кинжалы, традиционные сосуды для вина — канци и кула, трубки, шкатулки, книги в металлических окладах, ожерелья, браслеты, перстни... И все это щедро, с чудесной выдумкой, с тончайшим вкусом изукрашено чеканкой, зернью, филигранью, ажурной резьбой, гравировкой, чернью, эмалями — словом, всем, чем славны с древности грузинские златокузнецы.

Кто же он, человек, воскресивший умение средневековых мастеров?

В семье тбилисского слесаря Христофора Амбаковича Кутателадзе росли пять сыновей: Маркллен, Нодар, Джемал, Робизон и Автандил. Глава семьи истово любил свое ремесло. Он окончил рабфак, и ему предложили работать в конторе, но Кутателадзе отказался:

— Нет, я слишком привык к звону и гулу металла и боюсь, что просто оглохну, если не буду слушать его...

Работал Христофор Амбакович в небольшой мастерской, и возле отца крутился его первенец, розовощекий, круглоголовый крепыш Маркллен, или Карло, как звали его в семье. С детства Карло любил две вещи — металл и бумагу. Бумагу потому, что на ней можно рисовать. Рисовал он на каждом неисписанном листке. Все книги в доме — их поля, титульные листы, последние чистые страницы — были украшены его художествами. Отец долго присматривался к его рисункам и однажды сказал:

— Думал, Карло, ты сменишь меня. Ты чувствуешь металл, он послушен твоим рукам. Но зачем зря столько бумаги портить? Знаешь, надо тебе в художники идти.

В художники, вот оно что! Карло сам этого хотел. Но тогда придется распроститься с металлом. Как же быть? Выход нашелся. В Тбилисском художественном училище было отделение чеканки. Карло окончил это училище и в 1948 году поступил на работу в Комбинат народного творчества. Там его учителем стал Георгий Хандамашвили. Знаменитый мастер. Как никто другой в наши дни, владел он секретами чеканки, скани, эмалей. Но своих секретов, приемов не открывал никому. Если кто заводил с ним разговор на эту тему, Георгий отвечал:

— Разве я что-нибудь утаиваю? Вот стоит мой стол, вот — рядом — стол ученика. Пусть смотрит, как я работаю. Коли есть у него божья искра и упорство, он все увидит. Ведь смотреть могут все, а видеть дано не каждому. Пусть пробует, мучается... И когда придумает свое и сделает настоящую вещь, я пожму ему руку и скажу: ты мастер. А не сможет, пусть уходит — наше ремесло немного потеряет. Учить, натаскивать того, в ком нет дара,— пустое занятие. Что толку, если ученик станет лишь подражать учителю слепо, как обезьяна?

И Карло учился видеть и думал, пробовал. Но сначала у него выходило совсем не так, как хотелось. И, кто знает, может, ушел бы он от Георгия, если бы не увидел в музее работы Беки Опизари.

Бека родом из Опизы жил в XII веке, в эпоху Шота Руставели и царицы Тамары. Предполагают, что его наставником был другой прославленный златокузнец — Бешкен, тоже из Опизы. Ученик превзошел учителя. Работы Беки и поныне потрясают людей своей драматичностью, верностью натуре, свободой и красотой постановки фигур. Безмерно восхищает знатоков орнамент Опизари.

Долго стоял Маркллен перед творениями мастера из Опизы. Горло его перехватило так, что трудно было дышать. «Какие же песни пел металл этому человеку, если он мог совершить такое?» — думал юноша.

...Георгий Хандамашвили удивленно поглядывал на Карло. «Что случилось с веселым парнем? — недоумевал старик.— Молчит целыми днями».

Да ничего не случилось. Просто Карло учился. Упорно, яростно. А вечерами читал. Завалил весь дом книгами по обработке металла, по искусству. И надо же: в книгах вроде бы даны подробнейшие рецепты, но начнешь делать сам, получается вовсе не то... Но как-то совсем незаметно пришло время, когда металл, прежде жесткий, неподатливый, стал мягок и послушен. Чем красивее и чище выходили работы из рук Карло, тем больше нового, важного подмечал он за соседним столом, тем яснее становилось ему в искусстве Георгия то, что раньше было сокрыто. И настал наконец долгожданный день, когда Хандамашвили пожал руку своего ученика и сказал:

— Вижу: ты мастер, Карло. Давай работать вместе.

Теперь эти совместные работы Георгия и Карло — прозрачные и перегородчатые эмали — хранятся в музеях. А бывший ученик превзошел учителя. Тайнами своей профессии овладел в совершенстве.

Работает он с золотом, серебром, медью, сталью. Обрабатывает перламутр, делает инкрустации по кости. Но самое любимое — эмали и серебро.

— Алхимики — а уж они-то в металлах знали толк — недаром называли серебро Дианой, Луной, а золото — Солнцем,— говорит Маркллен Христофорович.— Золото ослепляет, поражает, мягкий же свет серебра ласкает, несет успокоение, нежность... И в работе это самый благодарный материал — прокатывается в тончайшие листы, вытягивается в проволоку не толще шелковой нити. Очень пластичен, ковок, прекрасно режется, полируется, тонируется. Легко с ним работать.

Легко? Я беру в руки шарик — кулон, сплошь покрытый зернью — маленькими округлыми зернышками из серебра. Как это делается?

— Очень просто,— усмехается Карло.— Вы мастерите гнездышки из тончайшей проволоки, укладываете в них зернь и припаиваете. Всего-навсего пятьсот гнездышек, пятьсот зернышек и два месяца работы...

Великолепен портрет Шота Руставели. На гладком фоне вычеканено тонкое, строгое, одухотворенное лицо автора «Витязя в тигровой шкуре». На голове его остроконечная шапочка, на плечах — вольные, широкие складки плаща. Линии плавны и величавы, как музыка. А вокруг портрета вьется прихотливая вязь редкостного по красоте орнамента — листья, завитки, сказочные птицы. Орнамент этот заставляет вспомнить знаменитые узоры Опизари. И не потому, что в чем-то повторяет их. Нет, у Кутателадзе свой стиль, своя манера, и орнамент его неповторим. Творения великого Опизари эта работа напоминает богатством фантазии, изяществом, тончайшим мастерством исполнения.

Портрет Руставели не единственное фигуральное изображение, выполненное Маркленом Христофоровичем. Он сделал чеканные портреты Ленина, Бараташвили, Алишера Навои.

А всего за двадцать лет Кутателадзе создал 300 работ. Многие из них экспонировались на выставках и у нас в стране и за рубежом. Произведения Маркллена Христофоровича видели в Лейпциге, Вене, Измире, Нью-Йорке, Токио, Осаке. Одна из его работ десять лет назад пересекла океан, чтобы навсегда остаться в Гаване, в доме Хемингуэя. Как она попала туда? О, это интересная история! Когда Карло прочитал «Старика и море», его восхитила эта повесть. Доброта и мужество, безграничное упорство в достижении цели — это он больше всего ценит в людях... Но у человека его склада любое сильное впечатление вызывает творческую отдачу. Карло засел за работу. Сделал канци, украсил его чудесным орнаментом и медальонами — в одном вычеканил сцену из «Старика и моря», в другом — из «Витязя в тигровой шкуре». И переслал подарок Эрнесту Хемингуэю. Письма от него художник так и не получил: все это произошло незадолго до трагической кончины Хемингуэя. Но журналисты, которые были в его доме, рассказывали, что канци висит над постелью писателя.

— А мне так хотелось, чтобы канци понравился ему.— Эти слова Маркллен Христофорович произнес совсем тихо.

Наверное, понравился. Просто не мог не понравиться великому мастеру Хемингуэю подарок, в который другой мастер вложил всю свою признательность ему, все свое умение...

Долгий весенний день клонится к закату. Нужно прощаться с художником. И тут я решаюсь задать вопрос, который давно уже вертится у меня на языке.

— Маркллен Христофорович, теперь и вы стали обладателем драгоценных секретов. И вы так же ревностно оберегаете их, как ваш учитель?

Карло лукаво смотрит на меня.

— Как я храню свои секреты? Об этом пусть расскажут мои братья.

И тут выясняется, что Джемал, Робизон и Автандил Кутателадзе — тоже чеканщики. Нет, они еще не волшебники. Они только учатся, учатся у Карло. Но работы их уже выставлялись на республиканских и всесоюзных выставках и были отмечены дипломами первой степени. Джемал окончил художественное училище и сейчас трудится в учебно-производственной мастерской по обработке металла при Тбилисской академии художеств. Там же работает и Автандил, самый младший — высокий застенчивый юноша, которого братья по старой привычке зовут Малышом. А Робизон теперь студент политехнического института. Но чеканку не бросил, работает дома.

Мастерская при Академии художеств — детище Маркллена Христофоровича. Три года тому назад Карло собрал старых мастеров и своих бывших учеников, которых готовил когда-то, так сказать, приватно, в порядке самодеятельности. Проявил немалую энергию и добился открытия мастерской. Там он был сначала един во многих лицах — преподаватель, технолог, экономист, нормировщик, снабженец, даже инструменты сам мастерил и свои материалы приносил. На учеников ему повезло — способные люди оказались. Вот, например, Шалва Короглишвили. Хороший чеканщик... Теперь Маркллен Христофорович оставил мастерскую, там и без него дела идут хорошо. У него уже новые заботы: сейчас необходимо готовить эмальеров. Нельзя допустить, чтобы погибло искусство, которым так славилась Грузия с давних пор.

— Мне слишком дорого стоило мое собственное учение,— говорит Маркллен Христофорович.— И я не хочу, чтобы те, кто сменит меня, шли в мастера тем же тернистым путем. Не беда, что у человека, которого привлекает наше дело, не окажется таланта. Было бы старание и трудолюбие. Тогда он станет хорошим, честным ремесленником, ювелиром. Ведь и такие очень нужны. Вы замечали, какими безвкусными, уродливыми поделками украшают себя подчас наши модницы? Больно смотреть... А хорошая школа — я убедился в этом — привьет ювелиру не только умение, но и вкус. На мой взгляд, страшно не то, что мастер вырастит подражателя, а то, коли не разглядит таланта, не поможет ему. Сколько талантов погибло только оттого, что им вовремя не помогли! Человеку даровитому учение сбережет и силы и время для творчества. Ему не придется изобретать велосипед, открывать давно открытое... Я не помню, какой поэт так хорошо сказал: «Мастер, воспитай ученика!..» Вот вы вдумайтесь в историю культурных достижений человечества: она только наполовину состоит из открытий, а другая ее половина — обучение и ученичество, передача опыта...

— Маркллен Христофорович, вы к тому же философ!

— Что вы, какой из меня философ,— отмахивается Карло,— я, может, и педагог неважный: разбегаются ученички-то! Причем, заметьте, не чужие люди, а родная кровь, братья. Робизон будет инженером. Малыш мечтает стать архитектором...

— Карло, да в этом ты сам виноват,— не без ехидства замечает Автандил.— Это же ты мне твердил, что всех людей должна окружать красота. Что человеку постоянно нужно видеть, ощущать ее, и тогда он будет более добрым и мудрым. Но ведь именно архитектура — та красота, которую мы видим и ощущаем повсюду и всегда...

— Ты прав, Малыш. Я просто пошутил.

— Маркллен Христофорович, вашим детям на редкость повезло. Их действительно окружает красота. Наверно, и они пойдут по вашим стопам?

— Хотелось бы, конечно,— отвечает художник.— Все мои дочери уже сейчас просят: «Папа, дай и мне постучать немножко молоточком». Кто знает, а вдруг хоть одну из них по-настоящему привлечет песня металла...

Новелла **ЦВЕТКОВА**,
специальный корреспондент
«Огонька»

ВЕСНОЙ СЕМИДЕСЯТОГО

ОТЦЫ...

Поезд в Словакию уходил поздно вечером. До Липтовски-Микулаша — только ночь пути. Утром, едва рассвело, кидаюсь к окну. Ну что там, какая она, Словакия? За окном торопливо проплывал хоровод деревьев, а вдали, сколько видел глаз, высились горы. Их синие вершины таяли в молочно-белом тумане.

В Липтовски-Микулаш я прибыла к самому началу торжеств в честь 25-летия его освобождения, и, когда двинулась от станции в город, репродуктор разносил последние слова чьей-то речи и аплодисменты. Прибавив шаг, выхожу к городской площади. Здесь — сплошная людская стена, алые знамена.

Грянул оркестр, и я оказалась в колонне среди тех, кто 25 лет назад брал в тяжелом бою с врагами эти улицы и эти дома. «Соудружка из Москвы? Ну как вам нравится у нас?» Незнакомые люди в военном и штатском пожимают руки и, называя русские имена фронтовых друзей, просят через «Огонек» передать им привет из Чехословакии.

Здесь, в этой праздничной колонне, я и познакомилась с подполковником Народной армии Чехословакии Николаем Тегза. Николай Юрьевич (его отца зовут Иржи, а по-русски это Юрий) оказался давним подписчиком «Огонька» и объявил, что на этом основании он считает себя ответственным за будущий репортаж из города, который он защищал от врага и где теперь живет уже много лет.

— Знаете, сколько лет Липтовски-Микулашу? — спросил он.— Больше семисот! Вот он какой древний, наш город! Но, пожалуй, за всю свою жизнь он не помнит битвы жарче той, что гремела здесь в сорок пятом.

...Да, это было место самых продолжительных, самых кровавых сражений на земле Чехословакии. Плечом к плечу рядом с советскими воинами 24-й гвардейской стрелковой дивизии, той самой прославленной Железной дивизии, которая получила свое первое боевое крещение еще в 1918 году, бились бойцы 1-го Чехословацкого армейского корпуса генерала Свободы, вместе с которым весь его ратный путь от Бузулука прошел Николай Тегза.

Восемь долгих недель шла битва за Липтовски-Микулаш. Враг, зная, что путь отступления из Венгрии и Польши проходит через город, бросил для его обороны свежие, отборные, хорошо вооруженные силы. Трижды город переходил из рук в руки... Только за три дня, с 9 по 11 марта, 64 раза атаковали фашисты эти улицы. В ночь с 3 на 4 апреля гвардейцы 24-й дивизии вместе с чехословацкими частями начали новую, последнюю восьмичасовую атаку, которая принесла городу долгожданную свободу.

— А теперь,— прервал свой рассказ Николай Юрьевич,— нам нужно поспешить в гостиницу «Яношик», там уже началась встреча товарищей по оружию.

Сколько же героев собрал у себя в тот день Липтовски-Микулаш! Каждый, с кем знакомил меня подполковник Тегза, был достоин того, чтобы стать героем очерка.

Подполковник Ян Ильяновский вернулся на родину в составе 2-й воздушнодесантной бригады. Будучи разведчиком, он, рискуя жизнью, доставал информацию о передвижениях противника и его военной силе. А Павел Корень в дни Словацкого восстания был радистом. Потом попал в плен, оттуда в концлагерь. Но его не сломила неволя, и вместе с советскими патриотами Павел готовил в лагере восстание. Немногословный, широкоплечий Михаил Танцар мальчишкой встретил войну, носил в своем школьном ранце партизанские донесения, а в сорок пятом, когда пришла Советская Армия, показывал ей путь через горы.

Много собралось здесь храбрых воинов, и все они, вспоминая дни сражений, подымали чашу дружбы за своих советских побратимов, за тех, которые делили с ними хлеб и патроны.

А потом слово взял член ЦК КПЧ, министр национальной обороны страны Мартин Дзур:

— Вот что я хочу вам сказать, тем, кто родился в этих горах, кто воевал в них, кто живет и работает здесь сегодня... Всем нам памятна та битва, что прошла здесь четверть века назад. Дорогой ценой, кровью сынов советского и чехословацкого народов заплачено за нашу свободу. И с первых же шагов двух братских армий по нашей земле люди увидели, что их цель не только освободить от фашизма, но и помочь создать новое, народно-демократическое государство. Посмотрите сейчас на наш город, как изменилось все вокруг, сколько построено новых домов, заводов. За 25 лет сделано столько, что прежде и за сто не сделали бы. И эти достижения стали возможны потому, что все эти годы рядом с нами стоял наш друг Советский Союз. Верный своему интернациональному долгу, он пришел к нам на помощь в сорок пятом году и в трудные дни шестьдесят восьмого года. И вот теперь сыновья наших советских друзей вместе с нашими сыновьями охраняют западную границу. И мы можем быть за нее спокойными, потому что, когда мы вместе, мы непобедимы!

...За соседним столом немолодая худенькая женщина отняла платок от заплаканных глаз, и сидевший рядом с нею юноша погладил ее руки.

— Это Елена Энглова и ее сын Людвик,— сказал Николай Юрьевич.— Я знал его отца, очень храброго человека. С командиром 3-го батальона 1-го Чехословацкого армейского корпуса, подполковником Людвиком Энгелом вместе мы прошли весь нелегкий путь до родной земли. Он погиб здесь, в одном из штурмов высоты 534, той, что на Гае...

Он помолчал.

— Вот ведь какое бывает: отцу было тогда 33 года, а сыну три месяца. А вчера сын провожал отца к братской могиле. Вчера останки воина-героя с воинскими почестями мы перенесли из деревушки Важиц на ту самую высоту, за которую он отдал жизнь. И теперь Людвик-младший идет служить в полк, в котором воевал Людвик-старший.

В сыновьях продолжаются дела отцов.

...И ДЕТИ

Аккуратный старичок с яркими, молодыми глазами взмахнул, будто полководец жезлом, связкой огромных ключей и торжественно повел нас за собой по скрипучим ступенькам. Здесь, в стенах древней Староместской ратуши, что в Праге, жила сама история. Но старичок гид оказался с нею «на короткой ноге»: он вспоминал коронацию чешского короля Иржи с такими подробностями, словно сам был в тот день среди именитых гостей, а рассказывая о создателе знаменитых часов с апостолами, что уже полтысячи лет бьют на ратуше, говорил о его жизни так, будто знаменитый механик Гануш был другом его детства.

Переглядываясь и сдерживая улыбки, Иржи, Галина, Зоран, Мирек и я шли вслед за веселым экскурсоводом. А за нами, озабоченно щелкая затворами фотоаппаратов, шли туристы из Западной Германии, для которых наш гид повторял свой рассказ по-немецки.

И вдруг среди полустертых веками фресок встал на нашем пути от пола до потолка черный, обугленный крест. У подножия его лежала груда булыжников.

Старичок остановился, склонил голову и тихо произнес: «Этот крест из обгоревших бревен ратуши был поставлен после освобождения Праги в память о павших героях, защищавших город от фашистов».

«О, дас ист кляр, все ясно!» — заторопились дальше туристы. Я оглянулась на ребят. Их лица были серьезны. «Пусть они уйдут, а мы побудем тут несколько минут»,— услышала я их шепот. Мы остались. И эти молчаливые минуты были самыми памятными в то удивительное пражское воскресенье, о котором я хочу рассказать.

Но сначала о том, что ему предшествовало,— о поездке в «Стоп-клуб». Знакомый чехословацкий журналист, узнав о том, что я хочу поближе узнать молодых граждан социалистической Чехословакии, предложил мне побывать в «Стоп-клубе». Вечером следующего дня мы отправились на окраину Праги, в район, чем-то похожий на наши московские Черемушки. «Стоп-клуб» оказался довольно скромной, всего в несколько комнат, резиденцией районной организации Ленинского союза молодых. В тот вечер здесь шло собрание. И, слушая этих 15—18-летних ребят, я удивлялась зрелым и ответственным размышлениям. Их тревожило, что еще далеко не все они обладают необходимым запасом политических знаний. «А как важно быть хорошо вооруженными знаниями, чтобы уметь еще защищать свои убеждения»,— горячо объяснял своим товарищам Зоран Неранджич, и светловолосая девушка, сидевшая рядом со мной, старшеклассница Галина Спалова, объяснила, что Зоран редактирует районную многотиражную газету и учится в Карловом университете медицине.

...Да, видно, очень повзрослели за минувшие два года эти ребята. О многом пришлось им задуматься. Многое пришлось понять, и здесь, в тесной, заставленной стульями комнате «Стоп-клуба», шумело, спорило, горячилось, жило будущее страны. О нем много думают сегодня в Чехословакии, в этом убедилась я, встречаясь с самыми разными людьми. О нем тревожатся родители и педагоги. О нем заботится партия — Президиум Центрального комитета КПЧ много раз обсуждал проблемы воспитания молодого поколения. Все это так. Ну, а что они сами думают о себе и о своих ровесниках?

— Галя, скажи, найдется у тебя и твоих друзей время, чтобы показать мне в это воскресенье Прагу?

— Конечно! — услышала я в ответ и узнала, что вместе с ней могут прийти Зоран Неранджич, Мирек Индрак из землемерного техникума и Иржи Гоуштек, который работает на одном из пражских заводов.

...Это было действительно удивительное воскресенье. С самого утра до густой темноты бродили мы по Праге, и урок истории, который провели для меня в тот воскресный день на ее улицах четверо ребят из «Стоп-клуба», был необычным. Я узнала молодых граждан социалистической Чехословакии, которые не только гордились прошлым своей страны, но и размышляли об истоках национального духа народа и о том, как следует понимать значение таких слов — «быть патриотом».

Да, за минувшие два года сами мы стали много старше и во многом сумели разобраться — говорили они — но подумайте, сколько еще таких, у кого до сих пор стоит туман в голове. Это очень страшная болезнь — «национализм», ею легко заражаются, особенно молодые, которые путают его с «патриотизмом».

А потом они с гордостью рассказывали о своих родителях. В самые трудные для них дни осени 1968 года, когда поднятая правыми силами волна антикоммунизма и антисоветизма сомкнулась над головой и молодых и старых, рядом с ними были отцы и матери, и они не дали пошатнуться их вере в справедливость и правду.

Иржи служил тогда в армии, на западной границе. В письмах, приходивших из дома, он читал такие строки: «Не слушай радио, не верь газетам. Все это ложь, сын, и знай, что советские люди были и останутся нашими друзьями». А Мирека отец взял за плечи и сказал: «Ты ведь говоришь по-русски? Так вот, мы сейчас пойдем с тобою к советским солдатам, и ты сам убедишься, что это пришли те самые друзья, которые освободили нас в сорок пятом».

Да, все они повзрослели в те дни. Многое поняли. А когда поняли все до конца, тревожно забилось сердце: что же будет с остальными? И эта тревога за судьбу своих ровесников привела их в ряды той, все возрастающей части чехословацкой молодежи, которая поддерживает сегодня идею создания новой единой общегосударственной молодежной организации. «Учредительной конференцией Социалистического союза молодежи Словакии подан пример молодежи всей Чехословакии»,— заявил первый секретарь ЦК КПЧ Г. Гусак, выступая на общесловацкой конференции молодежи в Братиславе, и подчеркнул, «что этот важный прогрессивный почин окажет влияние на все государство, поддержит здоровые тенденции к интеграции в чешских областях, чтобы возможно еще в этом году, была создана единая общегосударственная организация молодежи».

...Я слушала их, четверых молодых граждан социалистической Чехословакии. Я смотрела на их разгоряченные лица и вспоминала слова, услышанные от маленькой, энергичной женщины, с которой мне посчастливилось познакомиться в Праге: «Сейчас это большая проблема — наше молодое поколение. Но присмотритесь к нему хорошенько, и вы увидите: есть в нем здоровое, крепкое ядро. И оно победит. Непременно».

Это слова человека, которого все знают: Густы Фучиковой.

Прага — Москва.

Исполнилось семьдесят лет со дня рождения выдающегося поэта, прозаика, драматурга, одного из основоположников казахской советской литературы — Сабита Муканова. За десятки лет неустанной творческой работы им написан ряд замечательных поэм, в эпических образах которых встает история и социалистическая новь казахского народа. Им созданы волнующие пьесы и либретто опер: «В дни побед» — о гражданской войне в Казахстане; «Песни победы» — о героическом подвиге советского народа в Великой Отечественной войне; «Золотое зерно» — о тружениках колхозного аула. На многие языки нашей страны переведены его выдающиеся произведения в прозе — романы «Ботагоз», «Сыр-Дарья», автобиографическая трилогия «Школа жизни».

Сабит Муканов ведет большую научную и общественную работу, являясь академиком Академии наук республики, председателем правления казахского отделения Общества дружбы и культурных связей с арабскими странами, членом Советского Комитета защиты мира.

Сабит Муканов

Певец благодатной земли

МОЯ РЕСПУБЛИКА

Всегда тепла родная сторона.
Всем до могилы дорога она.
И мне земля, богатая несметно,
Судьбою благодатною дана.

Как не любить ее мне все сильней!
Ведь шесть Германий уместится в ней!
Алтай — начало, Каспий — окончанье,
Вот где лежит гнездо судьбы моей.

На юге Алатау встал стеной,
Он только солнцу равен высотой.
Его потоки раздели на капли —
В той — виноград, и яблоко — в другой.

Семь рек начало с этих гор берут,
Напор воды стремителен и крут,
Стада к целебным волнам припадают,
Их даже звездочеты не сочтут.

В аулах нет в помине древних юрт —
Дома стоят, сады вкруг них цветут,
Для нищеты тут не осталось места,
На смену ей — довольство и уют.

И если кто считает до сих пор,
Что степь пустынна,— это глупый вздор.
Пускай приедет,
Убедится лично:
Степь засверкала множеством озер.

Собой пески сухие одаря,
Озеленила степи Сырдарья,
Тут зреет стопудовая пшеница.
Пустынны ли подобные края?

А реки: Жем, Сагыз, Ойыл, Кыйыл?
Геолог нефть в районе их открыл!
Хлестнул фонтан с невиданным напором,
Едва кору земную пробурил.

Алтай, Каркаралы, Караганда —
Тут пролегает горная гряда.
О кроющихся в ней великих кладах
Я с восхищеньем думаю всегда.

Моей земли богаче не найти.
Мой Казахстан, не зря же ты в чести!
В войне великой для врагов отлито
Тобою девять пуль из десяти.

И я уверен, так же будет впредь.
Не стариться тебе, а молодеть.
Ясна дорога наша.
Потому-то
Мне радостно на Родину смотреть.

В МОЕЙ БИБЛИОТЕКЕ

Ночь на исходе. Тихо в нашем доме.
Безлюдна улица. Чуть слышен шум ветвей.
Окно раскрыто. И в его проеме
Распелся звонко ранний соловей.
А в комнате — бойцы. Они одеты
По-разному... Гомер и Щипачев...
Историки, философы, поэты
Стоят в строю, сомкнув к плечу плечо,
Посланцы всех веков разноязыки,
Они на полках продолжают жить.
Язык России, мудрый и великий,
Заставил их со мной заговорить.
Читать меня Россия научила,
Глубины книг доступны стали мне.
Они в меня давно вливают силы,
Беседуя со мной наедине.
У знанья есть ущелья и отроги,
Я мог бы сбиться с верного пути,
Но Ленин мне указывал дороги,
Пути к вершинам помогал найти.
Бессмертный Ленин! Ты науки зренье,
Ты знаний мира драгоценный сплав.
Грядущему принес ты озаренье,
Все лучшее из прошлого собрав.
Пускаясь в волны книжного прибоя,
В безбрежности отыскивая путь,
О Ленин, я советуюсь с тобою —
И, значит, не дано мне утонуть.

Перевод с казахского.

СЛОВО КРИТИКАМ

В редакции «Огонька» состоялось совещание литературных критиков — авторов журнала. С сообщением о работе отдела критики и библиографии выступил член редколлегии Н. Сергованцев.

На совещании обсуждался широкий круг вопросов, связанных с наиболее заметными явлениями современной литературы и литературной критики. Во многих выступлениях были затронуты проблемы народности и партийности, подчеркивалось огромное значение литературы в воспитании советского патриотизма. Значительные и заметные произведения последних лет, говорилось на совещании, именно потому нашли доступ к сердцу читателей, что в них отразились важнейшие стороны народной жизни, воспет героизм, трудовой и боевой подвиг советского человека. На совещании критиковались отдельные произведения, в которых отдана дань бескрылому натурализму, дегероизации, ощутим уход от больших тем современности в бытовизм, в серенький мир так называемого маленького человека.

Дело литературной критики как раз и заключается в том, чтобы обобщать большой положительный опыт, накапливаемый советской литературой, и противостоять тем тенденциям как в художественной практике, так и в литературной теории, которые не отвечают требованиям времени и не дают правильного представления о нем.

Немало внимания было уделено на совещании проблемам национальных традиций, освоения богатейшего культурного наследия отечественной истории, взаимосвязей национальных литератур Советского Союза.

На совещании выступили В. Безъязычный, А. Ланщиков, Е. Осетров, В. Петелин, Б. Леонов, Л. Ершов, Д. Жуков, Д. Стариков, А. Байгушев, П. Глинкин, В. Чалмаев, В. Дробышев, С. Семанов и другие.

ШАГАЙ, ЧЕЛОВЕК!

В небольшой рецензии трудно рассказать обо всем сборнике И. Виноградова [1]. Поэтому остановимся прежде всего на произведении, являющемся, пожалуй, центром всей книги,— на повести «Шагай, капитан!». Высок ее настрой, и необыкновенен, в общем-то, обыкновенный герой — капитан Пахомов, сапер и парторг батальона. Подлинный труженик войны, он проходит по ее дорогам с саперной лопаткой, топором, миноискателем в руках, прокладывая путь через минные поля и заграждения, наводя переправы через бесчисленные реки и речушки. Он познает горечь отступления под самые стены Ленинграда и радость наступления.

В буднях войны, в ее повседневном тяжком труде автор умеет увидеть и будущее. Через леса, болота и реки саперы прокладывают очередную «черновую» дорогу. «После этого она может вновь зарастать кустарником — и вечная ей память!» Но так ли это? И вот Пахомов и его товарищи задумываются о том, что «может так получиться, что здесь настоящий большак будет... Вот пройдут войска, потом колхозники начнут ездить, а там, глядишь, и дорожному мастеру приглянется это направление». А капитан заглядывает еще дальше, он пытается представить себе людей отдаленного будущего, которые, быть может, пройдут по этой дороге.

Есть в сборнике ряд новелл, объединенных общим названием «Ленинградские страницы». Это как бы летопись войны — от первых горьких дней, первых потерь до «улыбки той весны», весны 1945 года. На обочине шумной фронтовой дороги сидит небритый раненый солдат. Сидит и... улыбается и не торопится в санитарную машину. «Как зачарованный, как влюбленный», смотрит он на дорожный указатель, на котором впервые появилась короткая надпись: «На Берлин!»

Среди ленинградских новелл хочется выделить одну: «Стояла над рекой изба». Это была единственная изба из всей спаленной фашистами деревни, и она была битком набита чуть ли не всеми уцелевшими жителями. Но они не унывали: «Теперь-то что-о! Советская власть поможет...» А саперам нужно было наводить очередную переправу, поблизости же не было ни одного дерева. И обитатели этой избы отдают саперам свое единственное пристанище, потому что «Советской власти нужна была эта последняя уцелевшая от немецкого огня изба. До зарезу нужен был мост через реку — и Советской власти и в конечном итоге всему человечеству».

Есть в книге около десятка «Солдатских рассказов» и среди них «Мое несказанное слово», название которого стало заголовком всей книги. Командир батареи говорит своему другу, радисту-корректировщику, посылая его на опасный «пятачок»: «Слушай, а ведь когда-то мы будем вот так же выходить по утрам на работу». И теперь по утрам, выходя на работу, оставшийся в живых радист жалеет о том, что не сказал, не успел сказать своему погибшему другу и командиру слово благодарности. И мы знаем, что оно должно быть обращено не только к тому, погибшему, но и к миллионам всех тех, кто отдал свои жизни за будущее, за нас с вами.

Хорошую, правдивую, глубоко человечную книгу написал Иван Виноградов.

Михаил ХОДАКОВ

[1] Иван Виноградов «Мое несказанное слово». Повести и рассказы. Воениздат. М. 1969.

КАНДИДАТ МАГНИТКИ

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО БЫВШЕМУ ВЕТЕРАНУ МАГНИТКИ, ВОСПИТАННИКУ ШКОЛЫ ФЗУ ТРИДЦАТЫХ ГОДОВ Д. Ф. ПЕТРОВУ.

Уважаемый Дмитрий Федорович!

Как корреспондент «Огонька», я только что была в Магнитогорске, где собирала материал для очерка о кандидате в депутаты Верховного Совета СССР директоре металлургического комбината Андрее Дмитриевиче Филатове. Знакомясь с личной почтой директора, я увидела Ваши письма, ему адресованные. С его разрешения и полагая, что Вы тоже не будете против этого возражать, я и воспроизвожу их здесь; думаю, они представят интерес и для читателей нашего журнала.

Письмо первое.

«Секретарю директора Магнитогорского металлургического комбината.

Уважаемый товарищ!

В статье секретаря Челябинского обкома КПСС т. Родионова (журнал «Октябрь» № 5, 1969 г.) указано, что директором Магнитогорского металлургического комбината в настоящее время является Филатов Андрей Дмитриевич, который приехал на Магнитку по призыву комсомола, окончил школу ФЗУ и вырос от рабочего до главного инженера и директора.

В 1930—1931 гг. я учился в школе ФЗУ «Востоккокса», готовившей рабочие кадры для Магнитогорского коксохимзавода (позднее коксохимцех). В одной группе со мной учился Филатов Андрей (отчество не помню). Он приехал на Магнитку по комсомольскому набору из Центральной черноземной области. Год рождения его 1909—1912. За отсутствием в Магнитогорске помещений школа была размещена в г. Верхнеуральске.

Прошу Вас ответить, не является ли директор комбината тем Филатовым, который учился вместе со мной.

Подполковник в отставке
Петров Дмитрий Федорович,
Ленинград, К-64, Тихорецкий пр., д. 1,
корпус 1, кв. 53».

Письмо второе.

6.04.70 г.

«Андрей Дмитриевич, здравствуй!

Я очень рад твоему письму и искренне благодарю за память и дружеское приглашение приехать гостем в город, который считаю своей второй родиной.

Горжусь нашей былой 19-й группой, которая выпустила будущего директора славной Магнитки. Тогда мы были вместе только один год, но этот год был особенным, он решил судьбу многих, если не большинства из нас. И не случайно он хорошо помнится. Кстати, если говорить о кулинарных подвигах завхоза 19-й, то мне живо запомнилась не «пулеметная» каша, а жареная свежая рыба. Я знал Магнитку 1930—1931 годов, помню П. И. Коробова и немного Г. И. Носова, имел представление об объеме их работы. Ну, а Магнитка 1970 года насколько больше Магнитки 1941-го?

В июле 1941-го я пошел по партмобилизации на фронт. Почти всю войну был в дивизиях переднего края, но оказался счастлив — цел. После войны работал на заводе, а потом, в 60 лет, неожиданно сдал: болезнь века — набор сердечно-сосудистых хвороб.

Женился после войны, в 39 лет. Две дочки мои учатся на четвертом курсе Ленинградского политехнического института, сын кончает 10-й класс, внуков и внучек пока не имею.

Эх, Андрей, с какой радостью я съездил бы в Магнитогорск — это моя давнишняя мечта! Так интересно было бы посмотреть, что это за правобережный город, походить по заводу, в том числе по коксовому цеху (никогда не забуду его пусковую ночь, когда один за другим с искрами, со страшным лязгом и скрежетом вышли из строя сразу несколько эксгаустеров). Разрешение на такую экскурсию, вероятно, можно было бы у тебя получить? Повторяю, что дымная и пыльная Магнитка — это моя вторая родина, а на родину всегда тянет. Однако такая поездка сейчас для меня неосуществима: может случиться, что где-то в пути попадешь в госпиталь, а эти учреждения мне осточертели.

А интересно, такая ли уж дымная и пыльная Магнитка теперь? Я как-то читал, что небезызвестный Меллон вместе с другими дельцами обновил свою раньше грязную и задыхавшуюся в дыму вотчину — Питсбург с его четвертью сталелитейной промышленности США. Там сейчас якобы строжайший контроль за чистотой воздуха. Ну, а если такое сделал Меллон в Питсбурге, так, может быть, ему не уступил и Филатов в Магнитогорске?

Приятно, Андрей Дмитриевич, слышать, что ты преуспеваешь не только на производстве, но и в личной жизни. Понял, что у тебя хорошие дети и внучки. Все это замечательно.

Желаю тебе хорошего здоровья (как это важно!), новых свершений».

Если судить по Вашим письмам, Дмитрий Федорович, то ответ, который Вы получили от директора комбината, был предельно краток, и это не удивительно. Руководитель такого гигантского предприятия, как Магнитка, слишком занятой человек, да к тому же очень не любящий рассказывать о себе. Ну, а саму Магнитку невозможно описать ни в каком письме. Для этого нужны книги. Думаю, что Вы не будете в претензии, если я попытаюсь ответить Вам на некоторые Ваши вопросы через наш журнал, тем более что они совпали с теми, которые интересовали и меня, и рассказать заодно о самом А. Д. Филатове.

Но прежде всего несколько слов о Магнитке, о главной ее сейчас заботе — стане «2500» холодной прокатки.

Вы спрашиваете, какова Магнитка сегодня? С довоенной ее даже трудно сравнить. Выросла во много раз. Питсбург, который Вы упоминаете, по данным 1956 года, производил в США четвертую часть чугуна и стали. Но учтите, что в нем не один металлургический завод, а несколько и принадлежат они не Меллону, а разным фирмам. Самый крупный из них — фирмы «Джонс энд Лафлин стил» нашей Магнитке не чета, намного слабее ее. За последнее время в США выросли новые, более мощные металлургические предприятия, и все равно там нет ни одного, равного нашей Магнитке. Ее сталевары с волнением готовятся в это лето к торжественной двухсотмиллионной юбилейной плавке. «Что это значит?» — спросите Вы. А то значит, что за время своего существования комбинат выплавил 200 миллионов тонн стали — столько еще совсем недавно производила вся наша страна за два года.

Самое же удивительное свойство почти сорокалетней Магнитки — ее неувядаемая молодость. Это выражается даже во внешнем ее облике — подтянутом и аккуратном. Вы можете часами колесить по внутренним асфальтовым магистралям этого подлинно города черного металла и не обнаружить в нем, как в доме у хорошего хозяина, беспорядка. Зато Вам ударит в глаза голубое сияние стеклянных маршей корпусов современных архитектурных форм, ими приросла и обогатилась Магнитка.

Немногим более года назад я писала в нашем журнале (№ 17 за 1969 год), что идет строительство уникального стана «2500» холодной прокатки. Тогда в огромном цехе, набитом всевозможной техникой, ящиками с оборудованием и грузовиками, рядом со штукатурами работали и монтажники.

Сегодня равномерно, будто гигантские маятники, только отсчитывающие не секунды, а рулоны и листы, трудятся станы. Теперь приятно пройти по цеху. Это очень красивый цех, он бы Вам понравился. Представляете, почти километр серебра! Да, весь он серебристо-прозрачный, просторный, какой-то воздушный, словно тут не металлургия, а сборка самолетов. Под ажурным сводом над станами и печами величаво, будто важные птицы, распластавшие крылья, проплывают щеголеватые, дерзко-яркие працен-краны. Пролет — и на деревянные брусья мягко опускается бандеролью с объявленной ценностью пачка готового листа. Адресат известен — вот он во всю стену плакатом: «Склад металла для Волжского завода». Из этого металла получится крыша, капот, багажник, дверцы, боковины — словом, весь кузов долгожданных машин ВАЗа, и горьковских «Волг», и столичных «Москвичей». 57 процентов, больше половины всей отдачи Магнитки, составляет автомобильный лист.

«Значит, сражение за лист выиграно?» — спросите Вы.

Нет, еще нет. Враг № 1 не добит. Враг этот ловок и хитер. Называется он чересчур прозаично и несущественно: «царапина». Подумаешь, след пылинки на стали, отпечаток невидимой иглы! Я долго всматривалась в прохладную, влажную поверхность листа, пока не заметила ее. Палец едва нащупал микроскопической глубины канавку. Но механик отделочного отделения Серебряков мне объяснил: «Если лист покрасить, то царапина превратится в шрам. Поверхность листа должна быть как венецианское зеркало, безупречной, без единого дефекта». Таковы технические условия, которые предъявили автомобилестроители.

Конструкторы и инженеры, разрабатывавшие проект стана, помочь отказались. Более того, они, приехав на комбинат, подписали акт о том, что получить первую, самую высокую группу отделки поверхности металла на этом стане невозможно. Расписались, так сказать, в своей беспомощности. Казалось бы, вопрос решен. Стоит ли биться головой о стену? Но не в натуре магнитогорцев отступать. Особенно тому, кто был Вашим товарищем. Он засел со своим «штабом» и упрямо стал думать не о том, как отделаться от этого беспокойного тольяттинского листа, а о том, как его сделать. Ведь не покупать же, черт возьми, этот лист за границей за золотые советские рубли?! И придумал. «Штаб» разослал своих гонцов: в Свердловск за капролоном, в Орехово-Зуево за текстолитом, в Северо-Донецк за капролитовыми трубами, потом еще куда-то за фторопластом, резиной. А самой царапине объявили повсеместный розыск: где и когда она появляется. По каждому случаю собирались консилиумы.

Вы уже догадались, зачем понадобились пластики и гуммирующие материалы? Да, ими одели, или, как здесь говорят, облагородили, все ранящие стальной лист детали и узлы агрегатов: ролики, проводковые столы, кольца, особенно на отделочном стане. Барабан летучих ножниц пришлось обклеить фетром, а самый опасный тормозной ролик пришлось «укутать» фланелью. Обычной розовой, пушистой и мягкой фланелькой, из которой делают для младенцев трогательные пеленки и распашонки. Четыреста метров фланели на каждый ролик! Вот вам и автомобильный лист! Неправдоподобная недотрога он, хоть и из стали. Вот вам и крепчайший в мире магнитогорский металл, который не по зубам пришелся фашистам в Великую Отечественную войну. Иногда он требует сверхделикатнейшего обращения.

Затем директор Магнитки предъявил ультиматум по самому большому счету химикам. Нельзя же, в самом деле, работать на фланели, она выходит из строя всего через две недели. Недолговечны и пластики. Нужны более стойкие материалы. То, что вынуждены были сделать своими силами умельцы комбината, можно рассматривать как меру временную, она не исчерпывает проблемы до конца. Все должно быть поставлено на современные, индустриальные рельсы, достойные Магнитки. Но уже ясно, что лист пойдет! Магнитогорцы надеются досрочно достигнуть проектной мощности стана «2500».

Я подробно остановилась на этой технической проблеме, чтобы показать Вам, как она энергично, по-государственному решается, как люди болеют за честь своего комбината, хотя с точки зрения технического прогресса она, пожалуй, невыигрышна. Лицо современной Магнитки определяют передовые методы труда, усовершенствования технологического режима, перерастающие рамки комбината. Сотни авторских свидетельств, выданных магнитогорцам, запатентованные изобретения и лицензии на них, купленные ФРГ, Японией, Англией и другими странами, Государственные премии, присужденные в том числе и директору, говорят о новаторстве магнитогорцев, о их творческих достижениях.

Кстати, в этом процессе технического прогресса, наиболее эффективного использования производственных мощностей активнейшим образом участвуют совсем молодые инженеры, техники, рабочие комбината. Вы, вероятно, подумали: какое отношение это имеет к директору? Самое прямое. В феврале — марте этого года на комбинате проходила техническая конференция молодых специалистов, посвященная ленинскому юбилею. На ней было заслушано 114 реферативных докладов — по существу, научно-исследовательских работ. Директор премировал сорок одну из них. В отделе кадров мне показали проект Положения о ежегодном

конкурсе молодых специалистов. Рукой директора на нем были сделаны поправки.

Филатов вообще очень много внимания уделяет молодежи. Его беспокоит, как она учится как отдыхает, как живет. Особенно симпатизирует он тем юношам и девушкам, которые совмещают труд с учебой. Может быть, потому, что знает по себе, как это нелегко. Он ведь сам кончал рабфак и учился четыре года на вечернем отделении института. И произошел в его жизни такой случай. Андрей Дмитриевич был тогда студентом-вечерником института. Жил плохо, тесно, семья из четырех человек (росли уже дочки) в маленькой комнате. Брат его тоже находился в таких же условиях, только жил в другом месте. А тут как раз в филатовской квартире освободилась вторая комната. Братья решили съехаться: все будет легче. Но не тут-то было! Начальник УКХ отказал.

«И тогда я пошел к самому Григорию Ивановичу Носову,— рассказывал мне Андрей Дмитриевич.— Волновался. Как же, к директору комбината иду. Не доводилось еще с ним встречаться. Вхожу в этот же самый кабинет. Носов сидел за этим же самым столом, что и я. Видите, какой он тяжелый, резной, старинный, только стол стоял в левом углу, где теперь часы, как раз под портретом Серго. «Что у вас?» — спросил директор. Я стал ему рассказывать и подал заявление. Носов даже не дочитал до конца. Как только услышал, что я работаю и учусь, стал писать наискосок резолюцию: «Начальнику УКХ. Предоставить...» и т. д. Никогда я и не думал, что самому придется сидеть в этом кабинете».

Вот и теперь, когда приходят к Филатову на прием молодые ребята из общежития и просят им предоставить комнату или из комнаты перевести в квартиру, то он при всех равных условиях отдает предпочтение тому, кто учится.

А как строго спрашивает директор со своих начальников за учебу молодых! Помню, в августе, в разгар приемных экзаменов в институты и техникумы, начальники цехов во время рапорта по селектору докладывали, сколько вчера человек и как сдали очередной экзамен. Подумайте только, это же в сугубо производственном рапорте! И пятерки воспринимались тогда совсем как тонны чугуна и стали, а двойки — как «ЧП», происшедшее у печей.

Или вот еще эпизод, совсем уже свежий. По пятницам в заводоуправлении все руководство комбината собирается на так называемый график. Обсуждается самое главное, на что нацеливается коллектив. И вдруг директор дает слово Прохоренко, начальнику только что созданного отдела технического обучения. Что случилось? А ничего особенного: просто весна, конец учебного года, приближается пора выпусков. Из ГПТУ № 13 придут в цеха юные подручные сталеваров и горновых, вальцовщики и аппаратчики.

— Все ли ребята знают, где будут работать? — интересуется директор.— Беседуете ли с родителями?

— Был у нас один отец с жалобой: сын проходил практику в одном цехе, а его направили в другой.

— Вот видите, уже непорядок. Надо, чтобы каждому выпускнику было приготовлено рабочее место и чтобы не только он, а его отец и мать знали, какое это место, и где, и сколько новичок будет зарабатывать.

Прохоренко говорит о первых итогах учебной пятилетки. 8 475 работников комбината прошли разные формы обучения. Только в этом году защитят дипломы 191 инженер и 215 техников. Среднеобразовательный уровень на комбинате десять лет назад был шесть классов, пять лет назад — семь с половиной, сейчас — восемь и четыре десятых класса. На следующее пятилетие планируется девять с половиной классов.

— Почему девять целых и пять десятых? — настораживается Филатов.— Попробовали бы вы получить образование с десятыми. Как вы их рассчитывали?

— Вручную прикинули.

— А вы доверьте нашему вычислительному центру. Вдруг да и получится у него без десятых,— рекомендует под общий смех директор и предлагает взять на учет всех работников до тридцати лет. И тех, кто не имеет полного среднего образования, в обязательном порядке направлять на учебу.

Нет, вероятно, вовсе не случайно областная газета «Комсомолец» назвала как-то А. Д. Филатова «комсомольским директором»!

Вы хотели представить себе, Дмитрий Федорович, что такое правобережный Магнитогорск? Тридцать лет назад Вы знали только ту часть города, которая, как и комбинат, лежит на левом берегу. Это был главным образом барачный город, которого теперь, можно сказать, не существует, на девяносто пять процентов бараки снесены. На месте их — обычные городские дома. Но позвольте несколько слов обо всем городе. В нем, согласно последней переписи населения, живет 364 тысячи человек. Тут горно-металлургический и педагогический институты, три техникума, более 80 общеобразовательных школ, 15 ГПТУ, музыкальное, педагогическое и медицинские училища, более 180 детских садов и яслей, дворцы и театры.

Город все время продолжает расти, перемены замечаешь в нем даже после недолгой отлучки. Вот, например, воздушные ворота его — аэропорт. В феврале прошлого года здесь еще не было здания аэровокзала, а сегодня воздушный лайнер из Москвы подруливает к бетонно-стеклянному параллелепипеду, положенному на асфальт,— уменьшенная копия Домодедовского. А как растут жилые дома! Только за четыре года со времени последних выборов в Верховный Совет жилищный фонд Магнитогорска увеличился без малого на 400 тысяч квадратных метров! Построен большой стадион, городской театр, кинотеатр. Сейчас строится новый Дворец культуры металлургов с залом на 1 200 мест, новое здание цирка, к концу года вступит в строй плавательный бассейн.

Правый берег — это десятки новых улиц, сотни уютных кварталов, очень чистых, совершенно беспыльных и зеленых, будто где-то на юге. Дома на правом берегу не очень высокие, чаще в пять этажей. Но со всеми видами благоустройства, вплоть до горячей воды. Стены зданий светлые, не тронутые дыханием заводских труб. Сюда оно просто не доходит. Главным образом поэтому город и стал расти за счет правого берега. Однако многое делается для того, чтобы избавить и левый берег от вредных дымов.

Вы вспомнили в своем письме алюминиевого и нефтяного некоронованного короля Америки Меллона, который якобы очистил воздух над своим задыхавшимся в дыму прокопченным Питсбургом. «Ну, а если такое сделал Меллон в Питсбурге, так, может быть, ему не уступил Филатов в Магнитогорске?» — не без тайного умысла спрашиваете Вы. И тут я должна взять под защиту Вашего бывшего сотоварища. За время работы главным инженером и директором комбината он уже много сделал по очистке воздуха и воды, очистные сооружения строились, кстати, и до него. Вот что я увидела тут.

Под горой Магнитной взметнулись на 120 метров алюминиевые трубы. Из них не очень густо валит белый, как пар, дымок. Вот и все, что осталось от ядовитых сернистых извержений аглофабрик. Съедает их жидкая белая кашица из извести и воды, которая так и называется — «молоко». Знатоки говорят, что таких мощных сероулавливающих установок больше нет нигде. Двадцать одна уже работает, остальные девять строятся. Недавно выяснилось, что алюминиевые трубы нестойки. Решили заменить их титановыми. Каждая труба будет стоить очень дорого. Комбинат идет на такие затраты, ведь это ради человека!

Мартены... Вокруг них все оранжевое: земля, и небо, и даже нахохлившийся воробей, что сидит на оранжевой тополиной ветке. Электрофильтры, что стояли на мартенах, оказались неспособными вылавливать металлургическую, так называемую плавильную пыль. Тогда инженеры «Главгазоочистки» придумали фильтры новой конструкции. Первый из них привезли в январе. Директор дал три месяца на его установку. 22 марта фильтр заработал. Теперь он вылавливает до 95 процентов металлических магнитных паров. И печь № 30 укрощена. Из ее трубы вылетает лишь поблекший, вялый дымок. Настала очередь 31-й. Филатов дал ей срок всего два месяца. Оборудование для реконструкции сделано из сверхплановой магнитогорской стали. Потом настанет черед 29-й, которая «живописует» воздух оранжевыми тучами особенно бурно. Миллионы рублей будет стоить вся переделка. Сколько бы ни стоила, но она необходима людям, и так будет!

А тепловозы и электровозы внутризаводского транспорта, которые заменили 123 чадящих паровоза! А котельные жилых домов, переведенные на бухарский газ, а электрофильтры на электростанциях и других производствах! Как видите, Андрей Дмитриевич Филатов не обманывает Ваши надежды!

— Через два-три года небо над нашим городом станет чистым,— заверил кандидат в депутаты своих избирателей на предвыборном собрании.

Теперь по поводу Питсбурга и Меллона. Хочу уточнить сведения, приведенные Вами. Несколько лет назад миллиардер устроил ночной бал, затмивший празднества Форда. Местная газета, захлебываясь от восторга, писала, что «даже древнеримский император Нерон никогда не проматывал столько денег за одну ночь». Бал обошелся в миллион долларов. В другой раз, в день свадьбы дочери (на свадьбу было потрачено несколько сот тысяч долларов), управляющий меллоновскими шахтами выселил забойщиков «Питсбург коул компани» из принадлежащих компании домов. Нет, этот Меллон далеко не филантроп! Каков именно вклад его в благоустройство города и есть ли он на самом деле, нам неизвестно. Известно другое: фирмы, ассигновавшие сто миллионов долларов на очистку воздушного бассейна Питсбурга от металлургических загрязнений, обошлись без Меллона. Ими действительно ведется работа на аглофабриках и мартенах, которая должна быть завершена в семьдесят первом году. При этом, учтите, Питсбург значительно больше Магнитогорска. Общие же затраты одной Магнитки во имя голубого неба (в городе есть и другие заводы) составят также огромную сумму. Кто справится с этой задачей лучше, покажет время.

Еще бы я хотела Вам рассказать о детях, комбинатовских детях. Их десятки тысяч.

В этот раз я прилетела на Магнитку в воскресенье, надеясь вечером, как в более свободный день, встретиться с директором. Но Филатова дома не оказалось. Ранним утром, прихватив своего зама и нескольких помощников, он укатил в Абзаково. Помните это чудесное местечко в горах? Задумчивые сосны и лиственницы на берегу кристально-прозрачного Кизила? Сейчас там детский сад санаторного типа, в котором живут триста малышей. Но директору показалось, что этого слишком мало. Он решил построить там еще две зимние комфортабельные дачи. Через два года здесь будут жить уже не триста, а тысяча детишек. Приказал изготовить для них специально новую мебель, улучшить питание, давать ребятам как можно больше свежих фруктов и овощей. В том же Абзакове по инициативе директора два года назад был разбит палаточный лагерь. Теперь директор хотел знать, как сад и лагерь подготовились к лету. Из Абзакова «детская комиссия» повернула в «Горное ущелье», оттуда в «Горный воздух», потом в «Озерное»... Объехала все лагеря и базы отдыха, и везде сыпались распоряжения: «обновить, расширить, перестроить, открыть»... За счет чего, хотели бы Вы знать? За счет хорошей работы металлургов. Очень хорошо сработала Ваша Магнитка в прошлом году, перевыполняет свои планы и обязательства и в этом году. Дала тысячи тонн чугуна, стали и проката сверх плана. Вот и прибыли.

На другой день, в понедельник, главный бухгалтер комбината С. М. Коваленков раскрыл мне свои карты, рассказал о фондах комбината. Из этих фондов берутся средства для расширения баз отдыха и здравниц, для строительства домов. Только сверхплановая прибыль в 69-м — 4 миллиона 362 тысячи рублей, почти в два раза больше, чем в шестьдесят восьмом. Построено 15 тысяч квадратных метров жилья сверх плана, и сделано это по предложению директора во многом своими, комбинатовскими силами.

А как отдыхает, чем занимается в свободные часы сам директор Магнитки?

Андрей Дмитриевич любит спорт, но самое большое его увлечение — театр. Не пропустит ни одного нового спектакля. Это у себя в Магнитогорске или в Челябинске. А в Москве, когда бывает в командировках, рвется к подъезду с квадригой в первый же вечер. Предпочитает классику в самом наилучшем исполнении — во МХАТе и Малом. При этом обязательно покупает программы и трогательно бережет их для коллекции. А в голове мелодии и слова держит. И укладываются они в его памяти удивительно. В самом серьезном разговоре, когда атмосфера накаляется, он вдруг неожиданно вставит обезоруживающе безобидный куплет, каламбур, присказку. И все... Собеседник сражен.

Вот таков он, Ваш Андрей Дмитриевич. Не знаю, сложится ли у Вас завершенное представление о директоре Магнитки. Вероятно, нет, потому что я коснулась только некоторых сторон его деятельности. Потому что человек остается всегда во многом нераскрытым, тем более для журналиста, хотя и немало с ним встречавшегося.

Желаю Вам доброго здоровья!

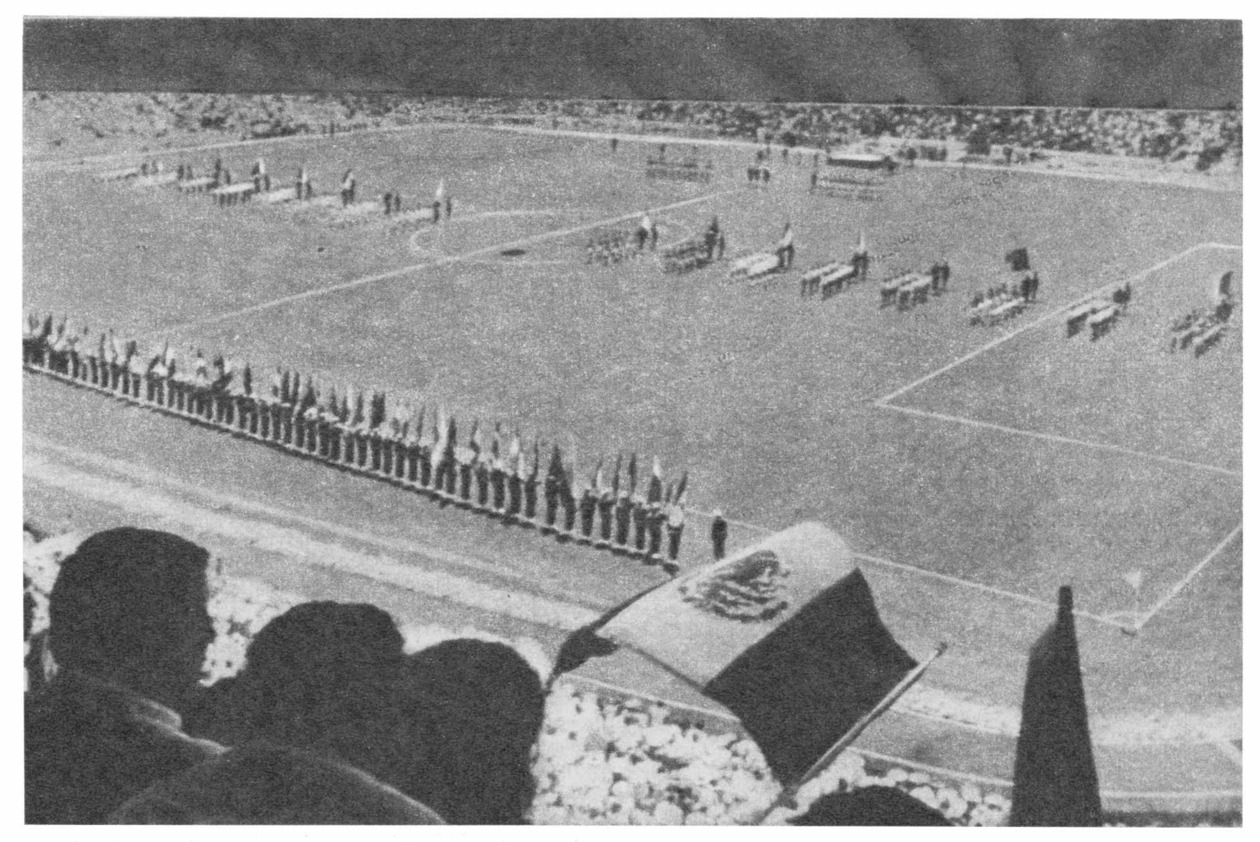
С искренним уважением

Специальный корреспондент «Огонька»
Галина Куликовская.

Вячеслав ГАВРИЛИН

Телефото АП — ТАСС.

Торжественное открытие IX чемпионата мира по футболу.

Богиня взяла старт

Еще на днях в Мехико на стадионе «Ацтека» проводилась репетиция торжественного открытия чемпионата, и вот уже сыгран первый матч — СССР — Мексика. Встреча достойных друг друга соперников закончилась вничью — 0 : 0.

Итак, борьба сильнейших команд мира началась, и страсти сразу достигли точки кипения. Даже 16 бесстрастных красавиц, отобранных на специальном конкурсе, длившемся несколько недель, которые на открытии возглавляли команды, сразу же превратились в неистовых болельщиц — к удовольствию многочисленных фотокорреспондентов.

Ход чемпионата освещают по меньшей мере полторы тысячи журналистов, представителей крупнейших газет, журналов и агентств, а помимо этого — огромная армия теле- и радиокомментаторов. Прямые репортажи передаются чуть ли не в 70 стран мира.

Организационный комитет чемпионата объявил имена всех 352 участников чемпионата, по двадцать два футболиста в каждой из шестнадцати команд, а журналисты уже подсчитали, что эти спортсмены на «футбольном рынке» стоят свыше 200 миллионов мексиканских песо. Причем самыми дорогими оказались вовсе не бразильцы Пеле или Тостао, а итальянцы Де Систи, Маццола и Рива. Клубы, купившие первых двух, заплатили по полтора миллиона долларов за каждого из них, а за Риву даже два миллиона. Цена известна, пишут мексиканские журналисты, неизвестно только, будут ли играть эти футболисты в полную силу, не побоятся ли они за свои «золотые ноги».

Чемпионат только начался, а сенсаций уже хватает. Особенно порадовал журналистов тренер английской сборной А. Рамсей. В аэропорту Боготы у него украли папку, в которой, помимо 400 долларов и документов, находилась схема игры английской сборной в Мехико. Представляете, какую пищу получили прожорливые репортеры! Но исчезновение секретной схемы, судя по всему, испортило настроение только Рамсею, не отразившись на его команде, хотя боготская полиция, в свою очередь, обвинила в краже золотого браслета капитана английской сборной Бобби Мура.

Английские футболисты удачно провели контрольные матчи, и их шансы по-прежнему расцениваются высоко. Чемпионы мира убеждены, что Золотая богиня, которую сейчас денно и нощно охраняют восемь полицейских и восемь агентов секретной службы, возвратится вместе с ними в Англию.

Англичане все учли и приехали в Мексику со своими продуктами питания. На днях они попросили доставить им с родины еще 500 килограммов рыбы и несколько ящиков апельсинов, тех самых апельсинов, которые Мексика экспортирует в страны Европы.

Английские футболисты привезли с собой не только продукты питания, но и живой талисман — огромного бульдога по кличке Уистон. Но это что! У уругвайцев талисман еще более оригинальный — трехмесячный тигр. В шутку латиноамериканские футболисты говорят, что с помощью этого «талисмана» уругвайцы намерены нейтрализовать на поле бомбардира итальянской команды Риву.

Любопытно, что электронная машина, которая определяет исход матчей на основе прошлых результатов, предсказывает встречу в финале команд Англии и ФРГ. Но бразильские футболисты не согласны с таким прогнозом.

Футболисты Бразилии обладают отличным нападением, но в обороне действуют не всегда уверенно. Правда, у тренера Загало немало и других забот. Слишком уж часто получают травмы бразильские футболисты. Руководители спорта Бразилии возлагают надежды на Пеле, который в одном из тренировочных матчей сыграл в составе национальной сборной свой сотый матч, а также на Тостао. Но и он не избежал болезни. У Тостао, как известно, был оперирован глаз. Недавно болезнь снова обострилась, однако специально вызванный врач сумел восстановить его зрение.

Англия и Бразилия находятся в первой группе, и их встречи с нетерпением ждут любители футбола. Ведь столкнутся две школы футбола. Билеты на этот матч давно проданы. Их можно купить лишь на черном рынке, причем цены достигли тысячу песо (около 75 рублей). В Гвадалахаре, где состоится этот матч, сейчас жарко. Температура достигает + 35 градусов. И тем не менее некоторые футболисты заболели гриппом.

Из других команд журналисты выделяют сборную Швеции, играющую остро и боевито. Примечательно, что среди шведских нападающих есть игроки, выступающие за команды Шотландии, Голландии, Бельгии, ФРГ и Швейцарии. Такого широкого «представительства» нет ни в одной другой сборной команде.

Нашими соперниками по группе, как известно, кроме команды Мексики, являются сальвадорцы и бельгийцы. Мексиканские тренеры проводили все свои тренировки при закрытых дверях и, по слухам, готовясь к встрече с нами, долго не могли определить окончательный состав. Дело в том, что два знаменитых игрока — нападающий Борха и полузащитник Диас — снизили свою спортивную форму. Но в конце концов под давлением спортивной общественности тренеры сдались и включили в состав и того и другого. Перед чемпионатом игроки и тренеры сборной Мексики были приняты президентом республики Диасом Ордасом и обещали сделать все возможное для успешного выступления на чемпионате. На своих тренировках мексиканцы, как утверждают местные журналисты, готовили секретное тактическое оружие к матчу с командой СССР.

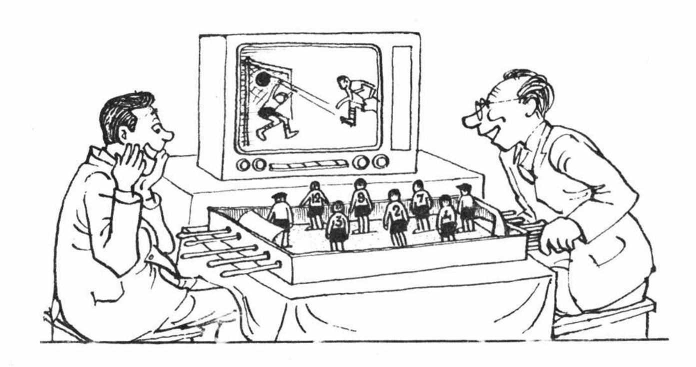
Наша команда — в центре внимания журналистов, а автограф Льва Яшина ценится на вес золота. За один автограф Яшина дают четыре автографа любого из бразильских футболистов.

Мехико. По телефону.

В борьбе за верхний мяч.

Бышовец ударил по воротам, но вратарь мексиканской сборной Кальдерон был начеку.

Острый момент.

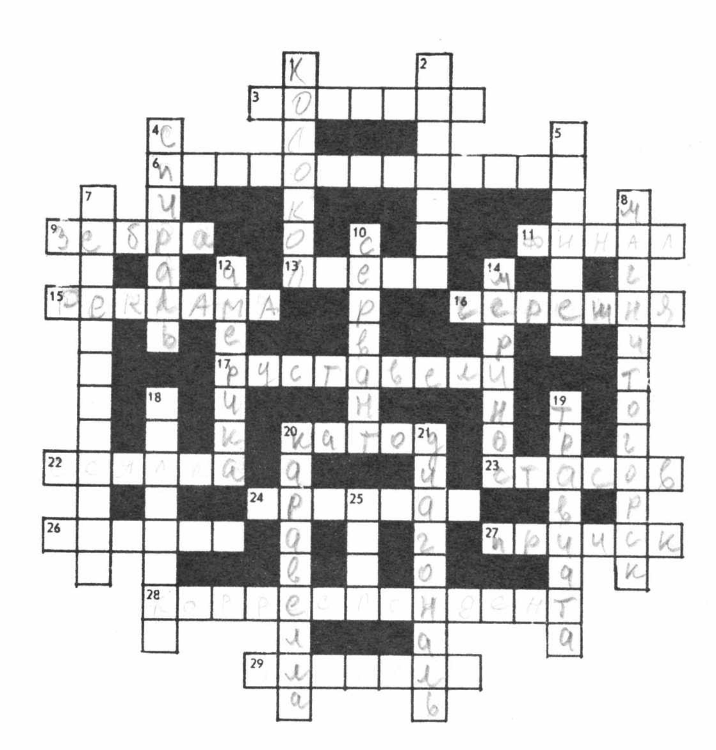
Сувенир.

Рисунки Е. Горохова.

Пенальти...

КРОССВОРД

По горизонтали: 3. Приток Днепра. 6. Дневная бабочка. 9. Дикая африканская лошадь. 11. Заключительная встреча участников соревнования. 13. Река в США. 15. Торговое объявление. 16. Плодовое дерево. 17. Грузинский поэт XII века. 20. Электрод. 22. Сельскохозяйственное орудие. 23. Русский художественный и музыкальный критик. 24. Научное сочинение. 26. Птица отряда воробьиных. 27. Горнопромышленное предприятие. 28. Сотрудник газеты, журнала. 29. Озеро в Казахстане.

По вертикали: 1. Литературный кружок в Петербурге, в котором участвовал А. С. Пушкин. 2. День недели. 4. Винтообразная линия. 5. Спутник планеты Юпитер. 7. Наука о земной атмосфере. 8. Город на Урале. 10. Низкий буфет. 12. Часть света. 14. Порода овец. 18. Лабораторная посуда. 19. Опера Дж. Верди. 20 Старинное судно. 21. Отрезок прямой, соединяющий две несмежные вершины многоугольника. 25. Пресноводная рыба.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 22

По горизонтали: 3. Маргаритка. 8. Швартов. 9. Арбенин. 10. Цистерна. 17. Бумазея. 18. Артишок. 19. Днепропетровск. 21. Гобелен. 22. Брюллов. 23. Поплавок. 28. «Аэлита». 29. Церера. 30. «Попрыгунья».

По вертикали: 1. Смерч. 2. Багет. 4. Риони. 5. Таран. 6. Свайка. 7. Жигули. 11. Стетоскоп. 12. Речитатив. 13. Сухонос. 14. Лемешев. 15. Гравюра. 16. Шолохов. 19. Дрезина. 20. Калитка. 24. Остап. 25. Океан. 26. Альпы. 27. Беляк.

На первой странице обложки: Мария Сергеевна Иванникова, ткачиха Московской хлопчатобумажной фабрики имени Фрунзе,— кандидат в депутаты Верховного Совета СССР.

Фото М. Савина.

На последней странице обложки: чеканка, зернь, филигрань... Работы братьев Кутателадзе.

Фото Г. Макарова.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, Н. М. СЕРГОВАНЦЕВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

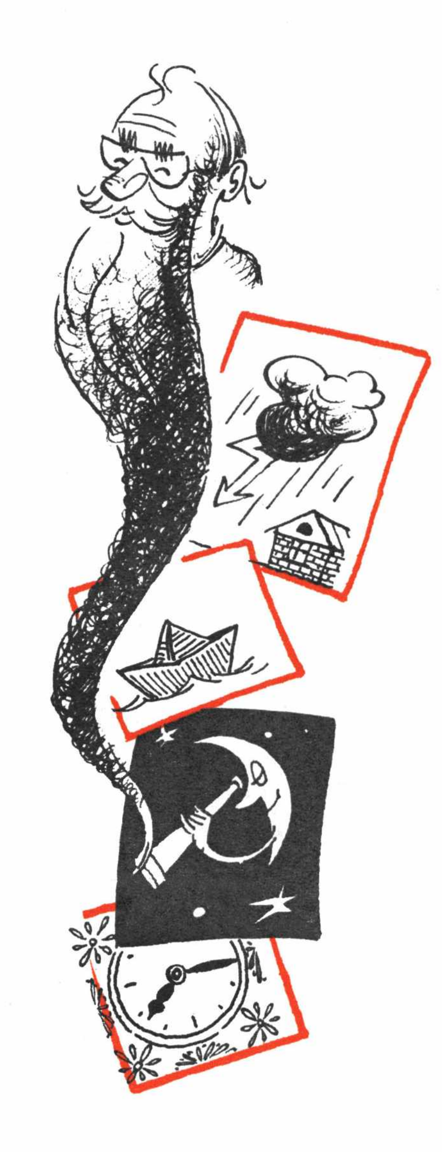
Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 250-56-88; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-37-52; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 19/V-70 г. А 00383. Подп. к печ. 2/VI-70 г. Формат бумаги 70 × 108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 116. Тираж 2 200 000 экз. Заказ № 1470.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

Имя известного французского поэта, романиста и литературного критика Алэна Боске знают и наши любители поэзии: его стихи печатались у нас как в антологиях современной французской поэзии, так и в периодических изданиях. Сегодня мы знакомим читателей «Огонька» со стихами Алэна Боске, которые он посвящает детям. Стихи перевел Михаил Кудинов.

ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ

— Зачем тебе такая
Большая борода?

— Чтоб от тебя услышать:
«Смотри, вот это да!»

— А почему бывает
И дождь и даже гром?

— Чтоб в луже твой кораблик
Поплавать мог потом.

— А для чего нам звезды
И для чего Луна?

— Глядят они на Землю,
В порядке ли она.

— А что такое время?
— Ну, как тебе сказать,
Оно идет, чтоб вырос ты
И смог мужчиной стать
И чтоб не раз услышал:
«Смотри, вот это да!»
И чтобы ни при чем, дружок,
Была тут борода.

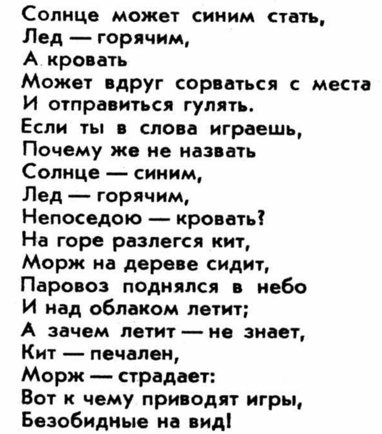

ИГРЫ В СЛОВА

Лошадь песенку поет,
Кукарекает сова,
Свищет крот,
Щебечет кот,
В чем тут дело?
Ну, так вот:
Это просто означает,
Что играешь ты в слова.

Солнце может синим стать,
Лед — горячим,
А кровать
Может вдруг сорваться с места
И отправиться гулять.
Если ты в слова играешь,
Почему же не назвать
Солнце — синим,
Лед — горячим,
Непоседою — кровать?
На горе разлегся кит,
Морж на дереве сидит,
Паровоз поднялся в небо
И над облаком летит;
А зачем летит — не знает,
Кит — печален,
Морж — страдает:
Вот к чему приводят игры,
Безобидные на вид!

Стихи детям

ХОБОТ СЛОНА

Хобот слона —
Это чтобы орехи с земли
поднимать
И нагибаться не надо.

Шея жирафа —
Это чтобы с верхушек деревьев
Листки обрывать
И не надо на дерево лазить.

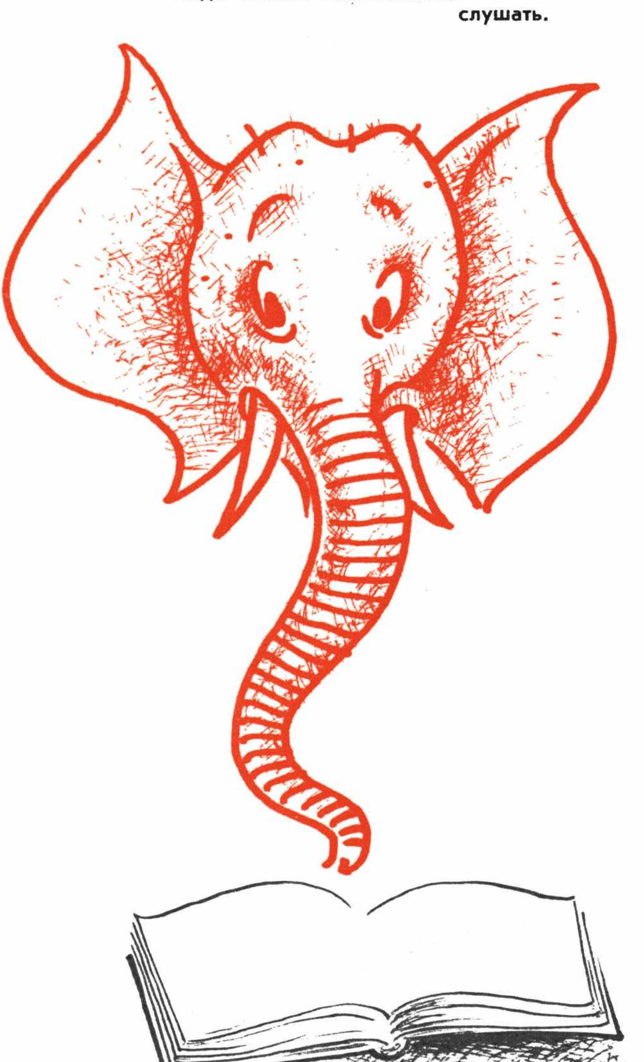
Панцирь у черепахи —
Это чтобы внутри его спать
И не надо дом себе строить.

А стихи —
Чтоб об этом тебе рассказать
И о многом, о многом еще
рассказать...
Надо только внимательно
слушать.

ТЫ ГРУСТИШЬ

Ты грустишь —
И на клумбе цветы почернели.
Ты грустишь —
И висят неподвижно качели.
Ты грустишь —
И трава стала злой и колючей.
Мой малыш,
В небе ясном не видно ни тучи.
Но грустишь ты —
И небо весеннее хмуро,
И деревья
Из сада уходят понуро,
Вслед за ними
Кусты исчезают из сада...
Как вернуть их?
Малыш, улыбнуться им надо!
И тогда все цветы оживут,
Станет мягкой трава,
Возвратятся деревья назад,
И кусты возвратятся,
И будут качели качаться
И к синему небу взлетят.

Рисунки В. ЧЕРНИКОВА.

ЗЕРНЫШКО

Не хотело зернышко
На месте сидеть.
Полетело зернышко
На мир посмотреть.
День и ночь летело
И на поляну село,
Чтобы сил набраться
И дальше полететь.

Но пригрело солнышко,
И заснуло зернышко,
А когда проснулось —
Увидело вдруг,
Что в душистом дерне
Оно пустило корни,
И стебель кверху тянется,
И тишина вокруг.

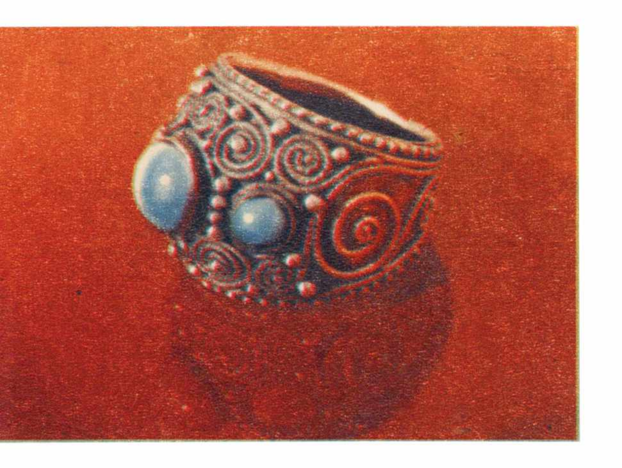
Стебель тот со временем
Стал красивым деревом;
Большое и ветвистое,
Не помнило оно,
Как зернышко хотело
Свет увидеть белый,
Потому что было это
Очень давно.

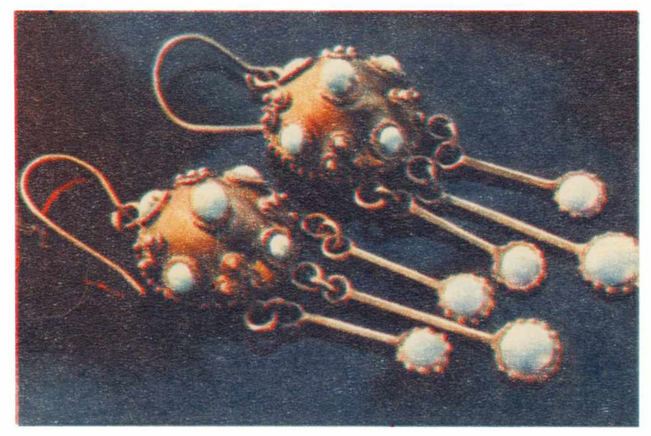

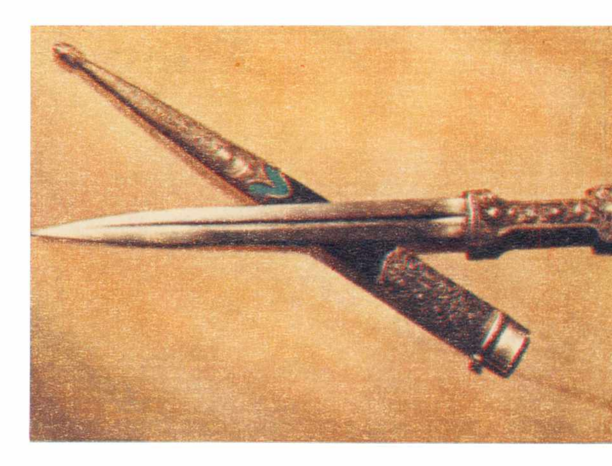

Цена номера 30 коп.

Индекс 70663.

